М.С.Горбачев

ПЕРЕСТРОЙКА И НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ И ДЛЯ ВСЕГО МИРА

М.С.Горбачев

ПЕРЕСТРОЙКА И НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ И ДЛЯ ВСЕГО МИРА

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

ББК 65.9(2)
Г67

Горбачев М. С.

Г67 Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира.— М.: Политиздат, 1988.— 271 с.
ISBN 5—250—00140—8

Книга Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева — это размышления о перестройке, о проблемах, которые встали перед страной, о масштабах перемен, о сложности, ответственности и неповторимости нашего времени. Значительная ее часть посвящена новому политическому мышлению, философии внешней политики.
Книга издана одновременно в СССР и США.

$Г\frac{0902010000-206}{079(02)-88}$ ББК 65.9(2)+66.2(2)+66.4(0)

ISBN 5—250—00140—8

К ЧИТАТЕЛЮ

Я написал эту книгу с желанием обратиться к народам напрямую. К народам СССР, США, любой страны.

С лидерами и другими деятелями многих государств, с представителями их общественности я встречался. Цель же этой книги — без посредников поделиться мыслями с гражданами всего мира по вопросам, касающимся всех без исключения.

Я писал эту книгу с верой в их здравый смысл. Уверен, что они, так же как и я, все мы,— и это самое главное — озабочены судьбой нашей планеты.

Мы должны общаться, мы должны решать проблемы в духе сотрудничества, а не враждебности. Я прекрасно понимаю, что не все согласятся с моими мыслями. Да, собственно, и я не соглашусь со всем тем, что говорится по разным проблемам другими. Тем более, диалог должен идти. И эта книга — мой вклад в него.

Книга эта — не научный трактат и не пропагандистская публицистика, хотя оценки, выводы, подходы к анализу, которые читатель найдет в ней, базируются, естественно, на определенных ценностях и теоретических предпосылках. Скорее всего, это — рассуждения и размышления о перестройке, о проблемах, которые перед нами встали, о масштабах перемен, о сложности, ответственности и неповторимости нашего времени. Я сознательно не перегружал книгу фактическими данными, цифрами, подробностями. Это — книга о наших замыслах, о том, как мы их собираемся реализовать, и, повторяю,— приглашение к диалогу. Значительная ее часть посвящена новому политическому мышлению, философии внешней политики. И если эта книга будет

способствовать росту международного доверия, буду считать, что она выполнила свою роль.

Что такое перестройка? Почему она нужна, в чем ее суть и назначение? Что она отвергает и что создает? Как она идет и каковы могут быть последствия для Советского Союза и мирового сообщества?

Все это — законные вопросы. Ответы на них ищут многие: политики и бизнесмены, ученые и журналисты, учителя и врачи, священнослужители, литераторы и студенты, рабочие и фермеры. Многие хотят понять, что на самом деле происходит в Советском Союзе, тем более что на газетных полосах, на телевизионных экранах Запада не стихают волны недоброжелательства в отношении моей страны.

Перестройка — в центре духовной жизни самого нашего общества. Это вполне естественно: ведь речь идет о судьбе страны. Перемены, которые она несет с собой, касаются всех советских людей, затрагивают самые животрепещущие проблемы. Всех заботит ответ на вопрос: в каком обществе будем жить не только мы сами, но и наши дети и внуки?

Естествен живой интерес к советской перестройке в других социалистических странах. Они тоже переживают непростой, но очень важный период поисков в своем развитии, разрабатывают и опробуют пути ускорения экономического и социального роста. А успех здесь во многом сопряжен с нашим взаимодействием, с нашими совместными делами и заботами.

Так что интерес сейчас к нашей стране понятен, особенно если принять во внимание тот реальный вес, который она имеет в мировых делах.

Вот учитывая все это, я и согласился с просьбой американских издателей написать эту книгу. **Мы хотим быть понятыми.**

Советский Союз действительно переживает необыкновенное время. Коммунистическая партия подвергла критическому анализу сложившуюся к середине 80-х годов ситуацию и разработала курс, основанный на идее перестройки и ускорения социально-экономического развития страны, обновления всех сфер жизни общества. Этот политический курс поняли и приняли советские люди. Перестройка привела в движение все

общество. Конечно, страна наша огромная, проблем накопилось много, и решить их будет нелегко. Но перемены начались, и повернуть общество вспять уже невозможно.

На Западе, включая США, перестройку истолковывают по-разному. В том числе и так, будто вызвана она катастрофическим состоянием советской экономики, отражает разочарование в социализме, кризис его идей и конечных целей. Ничто не может быть дальше от истины, чем подобные толкования, какими бы соображениями они ни вызывались.

Разумеется, перестройка стимулирована в значительной мере нашей неудовлетворенностью тем, как шли дела в стране в последние годы. Но в еще большей степени она объясняется осознанием того, что потенциальные возможности социализма использовались недостаточно. Сейчас, в дни 70-летия нашей революции, мы особенно отчетливо осознаем это. Мы располагаем прочным материальным фундаментом, большим опытом, духовным кругозором для того, чтобы целеустремленно и непрерывно совершенствовать наше общество, добиваясь все более высокой отдачи — как количественной, так и качественной — от всей нашей деятельности.

Забегая вперед, скажу: дело перестройки оказалось более трудным, чем представлялось поначалу. Многое нам приходится переосмысливать заново. Но с каждым новым шагом у нас все больше уверенности в правильности того, что мы начали и что делаем.

Утверждают порой, что огромные задачи, которые поставила перестройка в нашей стране, продиктовали и необходимость мирных инициатив, с которыми мы вышли в последнее время на международную арену. Это — упрощенное толкование. Хорошо известно, что Советский Союз давно ведет курс на мир и сотрудничество, вносил и ранее много предложений, которые, будь они в свое время приняты, оздоровили бы международную обстановку.

Да, мы заинтересованы в нормальных международных условиях для нашего внутреннего прогресса. Но мы за мир без войны, без гонки вооружений, за безъядерный и ненасильственный мир не только потому,

что это — оптимальное условие для нашего внутреннего развития. Это — объективная потребность всемирного масштаба, вытекающая из современных реальностей.

Но наше новое мышление идет дальше. Мир живет в атмосфере не только ядерной угрозы, но и нерешенности крупных социальных вопросов, новых стрессов, порожденных научно-технической революцией и обострением глобальных проблем. Человечество оказалось перед небывалыми задачами, без совместного решения которых его будущее ставится под вопрос. Все страны теперь взаимосвязаны, как никогда. А накопление вооружений, особенно ракетно-ядерных, делает все более вероятной вспышку мировой войны даже непреднамеренно, случайно: из-за технической неполадки или из-за психического сбоя. Жертвой же окажется все живое на Земле.

Уже все, кажется, согласны, что в такой войне не будет ни победителей, ни побежденных, но ведь не будет и уцелевших. Это смертельная угроза для всех.

Перспектива ядерной смерти, несомненно,— самый чудовищный из «сценариев», по которому может пойти развитие событий. Но проблема еще и в другом. Спираль гонки вооружений вкупе с военно-политическими реалиями мира, сохраняющимися традициями доядерного политического мышления мешают налаживать то сотрудничество стран и народов, без которого — с этим согласны и на Востоке, и на Западе — государствам Земли не сохранить природу, не обеспечить разумное использование и воспроизводство ее богатств. А значит, и не выжить достойным человека образом.

Да, мир сегодня не такой, как вчера, и его новые проблемы не могут решаться на основе образа мышления, унаследованного от прежних веков. Разве можно теперь держаться за тезис о войне как продолжении политики иными средствами?

Словом, мы в советском руководстве пришли к выводу — и не устаем повторять его — о необходимости нового политического мышления. Причем советское руководство стремится энергично перевести его в плоскость практических действий, прежде всего в сфере разоружения. Этим продиктованы внешнеполитические инициативы, которые мы честно предложили миру.

Каков масштаб нового исторического мышления? Оно действительно охватывает всю главную проблематику нашего времени.

При всей противоречивости современного мира, при всем многообразии существующих в нем социальных и политических систем, при всей неодинаковости выбора, который сделали в разные времена народы, он представляет собой определенную целостность. Все мы пассажиры одного корабля — Земли, и нельзя допустить, чтобы он потерпел крушение. Второго Ноева ковчега не будет.

Политика должна строиться на реальностях. А наиболее внушительной реальностью сегодняшнего мира является сосредоточение колоссального военного, в том числе ядерного, арсенала именно у Соединенных Штатов и Советского Союза. Это налагает на наши страны особую ответственность перед всем миром. Движимые этим сознанием, мы искренне стремимся оздоровить советско-американские отношения, хотим достичь хотя бы минимума взаимопонимания, необходимого для решения вопросов, от которых зависят судьбы мира.

Мы откровенно говорим о том, что не приемлем гегемонистские устремления и глобалистские притязания США. Нам не нравятся какие-то аспекты американской политики и жизни. Но мы признаем право народа США, как и всякого другого, жить по своим правилам и законам, по своим обычаям и вкусам. Мы знаем и учитываем огромную роль США в современном мире, ценим вклад американцев в мировую цивилизацию, считаемся с законными национальными интересами США, понимаем, что без этой страны невозможно устранить угрозу ядерной катастрофы, обеспечить устойчивый мир. У нас нет никаких недобрых намерений в отношении американского народа. Мы хотим и готовы сотрудничать по всем направлениям.

Но сотрудничать на основе равенства, взаимопонимания и взаимодвижения. Нас порой не просто разочаровывает, но наводит на серьезные размышления, когда в Соединенных Штатах нашу страну воспринимают как агрессора, «империю зла» и т. п., распространяют о ней разные небылицы, сплетни, сеют недоверие и неприязнь к нашему народу, провоцируют разными

запретами, ведут себя с нами просто нецивилизованным образом. Это — близорукость недопустимая.

Время идет, и терять его нельзя. Надо действовать. Обстановка не позволяет ждать идеального момента: конструктивный и широкий диалог необходим сегодня. Из этого мы исходим, перебрасывая телевизионные мосты между советскими и американскими городами, между советскими и американскими политическими и общественными деятелями, между простыми американцами и советскими гражданами. Мы даем в наших средствах массовой информации весь спектр позиций Запада, в том числе и самых консервативных. Поощряем контакты с представителями иного мировоззрения и политических убеждений. С нашей стороны в этом выражается понимание, что такая практика помогает движению к взаимоприемлемому миру.

Мы далеки от того, чтобы только свой подход считать истинным. У нас нет универсальных рецептов, но мы готовы искренне и честно совместно с США и другими странами искать ответы на все вопросы, в том числе и самые трудные.

Раздел первый

ПЕРЕСТРОЙКА

Глава I

ПЕРЕСТРОЙКА: ИСТОКИ, СУТЬ, РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР

Итак, о перестройке. Почему и как родилась эта идея? Что она означает в истории социализма? Что перестройка сулит народам Советского Союза? Как она может повлиять на внешний мир? Все эти вопросы волнуют широкую общественность и активно обсуждаются. Начнем с первого.

Перестройка — назревшая потребность

Для понимания истоков и сути перестройки, развернувшейся в СССР, на мой взгляд, важно иметь в виду следующее: перестройка — не прихоть отдельных личностей или группы деятелей, у которых вдруг взыграли амбиции. Если бы это было так, то никакие призывы, ни пленумы, ни даже съезд партии не смогли бы поднять народ на ту работу, которая развертывается у нас сегодня и в которую с каждым днем включается все больше и больше советских людей.

Перестройка — это назревшая необходимость, выросшая из глубинных процессов развития нашего социалистического общества. Оно созрело для перемен, можно сказать, оно выстрадало их. А задержка перестройки уже в самое ближайшее время могла бы привести к обострению внутренней ситуации, которая, прямо говоря, заключала в себе угрозу серьезного социально-экономического и политического кризиса.

К таким выводам нас подвел широкий и откровенный анализ ситуации, которая сложилась в обществе к середине 80-х годов. Именно с ней, с ее проблемами пришлось столкнуться руководству страны, в состав которого в последние годы постепенно стали входить

новые люди. Хочу поделиться основными результатами этого анализа, в ходе которого нам пришлось многое переосмыслить, обратиться к нашей не только близкой, но и более далекой истории.

Россия, в которой 70 лет назад произошла Великая революция,— страна древняя, со своей самобытной историей, насыщенной поисками, свершениями и трагическими событиями, давшая человечеству немало открытий и выдающихся имен.

Но Советский Союз — государство молодое, не имеющее аналогов ни в истории, ни в современном мире. За семь десятилетий — а это совсем немного по меркам человеческой цивилизации — наша страна прошла путь, равный столетиям. На месте бывшей отсталой, полуколониальной и полуфеодальной Российской империи создана одна из самых могущественных держав мира — огромные производительные силы, мощный интеллектуальный потенциал, высокоразвитая культура, уникальное содружество более чем ста наций и народностей, прочная социальная защищенность для 280 миллионов людей на территории в одну шестую часть Земли. Все эти достижения огромны и неоспоримы. И советские люди ими по праву гордятся.

Я говорю это не из желания показать страну лучше, чем она была и есть. Не хочу выглядеть своего рода апологетом, для которого раз «свое», значит, самое хорошее, безусловно превосходное. То, о чем я тут напомнил,— это реальная действительность, подлинные факты, зримые плоды труда нескольких поколений нашего народа. И столь же очевидно, что этот взлет страны стал возможен лишь благодаря революции. Это — ее плоды, плоды социализма, как нового общественного строя, итоги того исторического выбора, который наш народ сделал. За ними — подвиг наших отцов и дедов, миллионов людей труда — рабочих, крестьян и интеллигентов, которые 70 лет назад взяли на себя прямую ответственность за судьбы своей страны.

Хотел бы, чтобы читатель вдумался во все это: иначе трудно понять, что происходило и происходит в нашем обществе. Я еще вернусь к историческим ас-

пектам нашего развития. Сейчас же — о той непростой ситуации в стране, которая сложилась к 80-м годам и сделала перестройку необходимой и неизбежной.

На каком-то этапе — особенно это стало заметно во второй половине 70-х годов — произошло на первый взгляд трудно объяснимое. Страна начала терять темпы движения, нарастали сбои в работе хозяйства, одна за другой стали накапливаться и обостряться трудности, множиться нерешенные проблемы. В общественной жизни появились, как мы их называем, застойные и другие, чуждые социализму явления. Образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития. И все это в условиях, когда научно-техническая революция открыла новые перспективы экономического и социального прогресса.

Складывалась довольно странная картина: крутится огромный маховик могучей машины, а передачи от нее на рабочие места буксуют или очень слабы приводные ремни.

В своем анализе ситуации в стране мы прежде всего столкнулись с торможением роста экономики. Темпы прироста национального дохода за последние три пятилетки уменьшились более чем вдвое, а к началу 80-х годов они упали до уровня, который фактически приблизил нас к экономической стагнации. Страна, прежде энергично догонявшая наиболее развитые страны мира, начала явно сдавать одну позицию за другой. Причем отрыв от этих стран в повышении эффективности производства и качества продукции, в научно-техническом развитии, в производстве и освоении современной техники и технологии стал увеличиваться не в нашу пользу.

Гонка «вала», особенно в тяжелой промышленности, оказывалась «сверхзадачей», прямо-таки самоцелью. То же самое происходило в капитальном строительстве, где из-за длительных сроков проведения работ омертвлялась значительная часть национального богатства. Воздвигались дорогостоящие, но не обеспечивающие выход на высшие научно-технические показатели объекты. Лучшим работником или предприятием признавался тот, кто больше израсходует труда,

материалов и денег. Нормально, когда производитель, если так можно сказать, «ублажает» потребителя, а у нас потребитель оказался во власти производителя, вынужден пользоваться тем, что тот ему соблаговолит отпустить. И опять-таки все это дань «валу».

Для мышления многих наших хозяйственников стала характерна забота не о приращении национального достояния, а о том, чтобы в то или иное изделие вложить побольше материалов и труда, рабочего времени и продать подороже. В результате «вал» был, а товаров не хватало. Мы тратили, да пока еще и продолжаем тратить, значительно больше сырья, энергии, иных ресурсов на единицу продукции, чем другие развитые страны. Богатство нашей страны природными и трудовыми ресурсами избаловало, грубо говоря, развратило нас. В немалой степени поэтому-то наша экономика имела возможность десятилетиями развиваться экстенсивным путем.

Воспитанные на идеях приоритета количественного роста производства, мы пытались задержать падение темпов, но действовали преимущественно методом все новых и новых затрат — наращивали топливно-энергетические отрасли, форсировали вовлечение в производство природных ресурсов.

Со временем они становились все более труднодоступными, все больше дорожали. Экстенсивные формы наращивания производственных фондов привели к искусственному дефициту трудовых ресурсов. Под давлением этого дефицита, в расчете на то, чтобы как-то поправить положение, стали выплачиваться крупные суммы необоснованных, фактически незаработанных премий, вводились разного рода незаслуженные поощрения, а из этого потом возникла практика приписок уже ради наживы. Разрастались иждивенческие настроения, стал падать престиж добросовестного и качественного труда, в сознании стала укореняться психология «уравниловки». Нарушение связи между мерой труда и мерой потребления, ставшее едва ли не ключевым звеном механизма торможения, не только сдерживало рост производительности труда, но и привело к искажению принципа социальной справедливости.

Так инерция экстенсивного роста тянула в экономический тупик, к застою в развитии. Нарастало финансовое напряжение в народном хозяйстве. Не помогал, а лишь загонял болезнь внутрь широкий выход на мировой рынок с нефтью и другими топливно-энергетическими и сырьевыми товарами. Валютная выручка от их продажи использовалась в основном на решение текущих задач, а не на цели модернизации экономики, преодоления ее технического отставания.

Торможение и застойные явления в экономике не могли не отразиться на других сторонах жизни общества. Негативные процессы серьезно затронули социальную сферу. Сложился, как мы говорим, «остаточный принцип» выделения средств на развитие социально-культурной сферы, то есть в нее направлялось столько, сколько оставалось от дел чисто производственных. Появилась своеобразная «глухота» к социальным вопросам. Социальная сфера стала отставать и по своему техническому оснащению, и по квалификации кадров, а главное — по качеству своей работы.

И тут опять парадоксы. Наше общество успешно решило вопросы занятости населения, обеспечило социальные гарантии принципиального характера, и в то же время мы не смогли полностью реализовать возможности социализма в удовлетворении растущих потребностей в улучшении жилищных условий, в качестве, а то и количестве продовольствия, в организации на нужном уровне работы транспорта, медицинского обслуживания, образования, в решении других проблем, которые, естественно, возникали в ходе развития общества.

Складывалась нелепая ситуация. Огромное по масштабу производство стали, сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, в чем СССР уже давно не знает себе равных, и рядом — их нехватка, дефициты вследствие расточительного, неэффективного использования. Одно из первых мест в мире по производству продовольственного зерна — и необходимость ежегодно закупать миллионы тонн зерна на корма. Самое большое число врачей, больничных мест на тысячу человек

населения — и вместе с тем серьезные недостатки, снижение качества медицинской помощи. Наши ракеты с поразительной точностью находят комету Галлея и летят на свидание к Венере, а рядом с этим триумфом научной и инженерной мысли — явное отставание в применении научных достижений для нужд народного хозяйства, отставание от современного уровня многих наших бытовых приборов.

Но и это, к сожалению, не все. Как-то тихо, вроде бы незаметно начали подтачиваться идейные и нравственные ценности. У всех на виду были резкое снижение темпов роста, ухудшение всего комплекса качественных показателей, невосприимчивость к научно-техническим нововведениям, замедление роста жизненного уровня, трудности с продовольствием, жильем, товарами широкого потребления и услугами. А набравший силу механизм торможения также и в идеологии привел к тому, что попытки конструктивного анализа назревавших проблем и новые идеи встречали все большее сопротивление. Верх брала пропаганда успехов — реальных и мнимых, свыклись с пренебрежительным отношением к справедливым требованиям и мнению рядовых тружеников, общественности. В общественных науках процветало схоластическое теоретизирование. Из обществоведения выдворялась творческая мысль, а непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию, стали поверхностные, волюнтаристские оценки и суждения. Были выхолощены научные, теоретические и иные дискуссии, без которых невозможно развитие мысли, творческая жизнь. Негативные тенденции не обошли культуру, искусство, публицистику, да и педагогику, медицину. И там вышли на поверхность посредственность, формализм, суетное пустословие.

«Беспроблемный» показ действительности сослужил плохую службу: образовался разрыв между словом и делом, порождающий общественную пассивность, неверие в провозглашаемые лозунги. Понятно, что в такой ситуации стало падать доверие к тому, к чему призывали, что говорилось с трибун, печаталось в газетах и в учебниках. Начался упадок общественной нравственности, ослаблялось великое чувство солидар-

ности людей друг с другом, выкованное в героическое время революции, первых пятилеток, Отечественной войны и послевоенного возрождения, стали расти алкоголизм, наркомания и преступность, усилилось проникновение в советское общество стереотипов из чуждой нам «массовой культуры», навязывающей пошлость, примитивные вкусы, бездуховность.

Произошло ослабление партийного руководства, была упущена инициатива в некоторых важных общественных процессах. Уже у всех на виду были застой в руководстве, нарушение естественного процесса его смены. На каком-то этапе это привело к ослаблению работоспособности Политбюро и Секретариата ЦК партии, да и в целом Центрального Комитета КПСС, партийного и государственного аппарата.

Подлинная забота о людях, условиях их жизни и труда, социальном самочувствии нередко подменялась политическим заигрыванием, массовой раздачей наград, званий, премий. Складывалась обстановка всепрощения, снизились требовательность, дисциплина, ответственность. Все это пытались прикрыть проведением парадных мероприятий и кампаний, празднованием многочисленных юбилеев и в центре, и на местах. Мир повседневных реальностей и мир показного благополучия все больше расходились друг с другом.

Многие партийные организации на местах не смогли удержаться на принципиальных позициях, повести решительную борьбу с негативными явлениями, вседозволенностью, круговой порукой, с ослаблением дисциплины. Все чаще нарушались принципы равенства членов партии. Многие коммунисты, занимавшие руководящие посты, оказались вне контроля и критики, что привело к провалам в работе, серьезным нарушениям.

В некоторых руководящих звеньях появилось пренебрежительное отношение к законам, мирились с многочисленными фактами очковтирательства и взяточничества, угодничества и славословия. Справедливое возмущение трудящихся вызывало поведение работников, которые, будучи облечены доверием и полномочиями, злоупотребляли властью, глушили критику, нажива-

лись. Некоторые даже стали соучастниками — а то и организаторами — преступных действий.

Ради справедливости надо сказать, что и в эти годы многие жизненно важные вопросы все же решались. Но, во-первых, это была лишь часть тех проблем, которые уже давно надо было решить, и, во-вторых, даже принимавшиеся решения на практике не проводились в жизнь или выполнялись лишь частично. И самое главное — все эти меры носили некомплексный характер, затрагивали лишь некоторые стороны жизни общества, оставляя в неприкосновенности сложившийся механизм торможения.

Партийные организации, разумеется, действовали, подавляющее большинство коммунистов искренне и бескорыстно выполняли свой долг перед народом. И все же надо признать, что в те годы не удалось поставить прочный заслон для нечестных, пронырливых, корыстолюбивых людей.

В целом практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы нарастали быстрее, чем решались. Общество становилось все более неуправляемым. Мы только думали, что управляем, а на самом деле складывалась ситуация, о которой предупреждал еще Ленин: машина едет не туда, как думают те, кто сидит у руля.

Конечно, мы далеки от того, чтобы и этот период мазать одной черной краской. Подавляющее большинство советских людей честно трудилось. Продвижение вперед в науке, экономике, культуре продолжалось. Но тем более нетерпимыми и болезненными оказались негативные явления и процессы.

Я думаю, сказанного достаточно для того, чтобы представить себе, насколько серьезным оказалось положение в различных сферах нашего общества, сколь необходимыми были глубокие перемены. Партия нашла в себе силы и мужество, чтобы трезво оценить обстановку, признать необходимость кардинальных изменений и преобразований.

Непредвзятый честный подход привел нас к неумолимому выводу: страна оказалась в предкризисном состоянии. Такой вывод был сделан на состоявшемся в

апреле 1985 года Пленуме ЦК, который обозначил поворот к новому стратегическому курсу, к перестройке, дал основы ее концепции.

Хочу в связи с этим подчеркнуть, что анализ этот был начат задолго до апрельского Пленума, и потому его выводы были глубоко осмыслены. Это был не экспромт, а продуманная, взвешенная позиция. Было бы ошибкой считать, что буквально через месяц после Пленума ЦК в марте 1985 года внезапно появилась группа людей, все понявших и все осознающих, и что эти люди во все проблемы внесли полную ясность. Таких чудес не бывает.

Потенциал перемен назревал не только в материальной сфере жизни, но и в общественном сознании.

Люди, обладавшие практическим опытом, чувством справедливости, большевистской принципиальностью, критиковали укоренившуюся практику ведения дел, с беспокойством отмечали симптомы нравственной деградации, эрозии революционных, социалистических ценностей.

В рабочем классе, крестьянстве, среди интеллигенции, в партийном аппарате, в центре и на местах, постепенно начали всерьез задумываться над тем, что происходит в стране, росло понимание того, что так жить дальше нельзя. Нарастало недоумение и возмущение тем, что попираются великие ценности, рожденные Октябрем и героической борьбой за социализм. Все честные люди с болью и горечью воспринимали падение интереса к делам общества, бездуховность и скептицизм, особенно у молодежи, ослабление уважения к труду, стремление к наживе любыми способами. Наш народ очень чуток к расхождению между словом и делом, недаром наш фольклор пронизан издевкой над показухой и парадностью, наша художественная литература, значение которой издавна огромно в духовной жизни страны, беспощадна к проявлениям несправедливости и злоупотреблениям. В лучших своих произведениях писатели, деятели кино и театра поддерживали веру в идейные завоевания социализма, надежду на духовное возрождение общества, как бы исподволь, вопреки бюрократическим окрикам, а то и преследованиям воспитывали в людях нравственную готовность к перестройке.

Говоря об этом, я хочу донести до читателя понимание того, что в нашем народе, в партии уже давно копилась энергия революционных перемен. И к идеям перестройки мы пришли не только под влиянием прагматических интересов и соображений, но и по зову беспокойной совести, благодаря неистребимой, унаследованной от революции идейности, в результате теоретических поисков, углублявших наше знание об обществе и укреплявших стремление действовать.

Обращение к В. И. Ленину — идейный источник перестройки

Слишком мощен был живительный импульс нашей Великой революции, чтобы партия и народ могли смириться с явлениями, которые грозили растратой ее завоеваний. Неиссякаемым источником диалектической творческой мысли, теоретического богатства и политической прозорливости оставались для нас труды В. И. Ленина, ленинский идеал социализма. А сам его образ — немеркнущим примером высокой нравственной силы, универсальной духовной культуры и беззаветной преданности делу народа и социализма. Ленин продолжал жить в умах и сердцах миллионов людей. Интерес к ленинскому наследию, жажда полнее, основательнее, серьезнее знать его в подлиннике нарастали по мере накопления негативных явлений в обществе, пробиваясь через преграды, воздвигаемые схоластами и казенными начетчиками.

Обращение к Ленину в партии и в обществе сыграло большую стимулирующую роль в поисках объяснений и ответов на возникшие вопросы. Особое внимание привлекали к себе работы Ленина последних лет его жизни. Сошлюсь в подтверждение на свой опыт. В докладе 22 апреля 1983 года на торжественном заседании, посвященном 113-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, я привел именно ленинские положения о необходимости учета требований объективных экономических законов, о планировании и хозрасчете, об умелом использовании товарно-денежных отношений, материальных и моральных стимулов. Аудитория горячо поддержала это напоминание о ленинских мыслях. Я лишний раз ощутил, что мои раздумья совпадают с настроем товарищей по партии, многих людей,

близко к сердцу принимающих наши невзгоды, искренне стремящихся исправить положение дел. Да, многие товарищи по партии остро ощущали необходимость обновления общества, неотложность перемен. Хотя должен сказать, что после этого своего выступления почувствовал и другое: не всем мой доклад понравился — не столь оптимистический, как тогда требовалось.

Сегодня мы лучше понимаем смысл последних работ В. И. Ленина и причины появления этих работ, составивших, по существу, его политическое завещание. Будучи тяжело больным, он был преисполнен тревоги за судьбу социализма. Он видел опасности, подстерегающие новый строй. И нам надо понять эту тревогу. Он видел, что социализм сталкивается с колоссальными проблемами, что ему надо решить очень много такого, что не решила буржуазная революция. Отсюда — использование форм, которые вроде бы «несвойственны» самому социализму, по крайней мере, в чем-то расходились с общепринятыми представлениями о социалистическом строительстве.

Да, ленинский период очень важен. Поучителен силой марксистско-ленинской диалектики, опирающейся в своих выводах на анализ реальной исторической обстановки. Многие из нас задолго до апрельского Пленума понимали, что все надо еще раз обдумать применительно ко всем сферам жизни: экономике, культуре, демократии, внешней политике. А главное — перевести на практический язык жизни.

Не звонкая декларация, а тщательно подготовленная программа

Проблематика концепции перестройки также вызревала постепенно. Еще до апрельского Пленума группа партийных и государственных деятелей занялась комплексным анализом состояния экономики. Этот анализ и был затем положен в основу документов перестройки. Мы использовали рекомендации ученых, специалистов, имевшийся потенциал, все то лучшее, что создала общественная мысль, и подготовили основные идеи и выход на политику, которую потом начали реализовывать.

Так что арсенал конструктивных идей накапливался. Поэтому на апрельском Пленуме удалось предложить уже более или менее продуманную и системати-

зированную программу, выработать стратегию дальнейшего развития страны и тактику действий. Не было сомнений, что косметическим ремонтом, штукатурными работами не обойтись, требуется серьезная переделка. И ждать невозможно, времени и без того было много упущено.

В первую очередь встал вопрос об оздоровлении экономической ситуации, о том, чтобы остановить и переломить неблагоприятные тенденции в этой сфере.

Ближайший резерв, на который мы, естественно, обратили внимание,— это наведение элементарного порядка в хозяйстве, укрепление дисциплины, повышение организованности и ответственности, подтягивание отстающих участков. Была проведена, да и сейчас продолжается большая и напряженная работа. Она, как мы и рассчитывали, дала свои первые результаты. Снижение темпов экономического роста приостановилось, и даже обозначилось некоторое их повышение.

Но конечно же мы понимали, что лишь такими средствами динамизм экономике придать невозможно. Главные глубинные резервы, как известно, лежат в другом — в серьезной структурной перестройке экономики, реконструкции ее материальной базы, в новых технологиях, изменении инвестиционной политики, в высоком уровне управленческих систем. И все это интегрируется в главное — в ускорение научно-технического прогресса.

И конечно же не является случайным, что первой после апрельского Пленума программной акцией нового руководства Советского Союза стало обсуждение этих проблем на крупном совещании в ЦК КПСС в июне 1985 года. Это был уже совсем не тот разговор, к которому привыкли за многие годы. Критики прозвучало очень много — горькой, но страстной. А главное, о чем шла речь, были конкретные, эффективные пути и методы перехода к интенсивной экономике, к новому качеству экономического роста.

В кратчайшие сроки в тот год были разработаны крупные комплексные программы по важнейшим направлениям научно-технического прогресса. Они нацелены на то, чтобы до конца нынешнего столетия сделать серьезный прорыв и достичь мирового уровня.

По сути дела, разработана новая инвестиционная и структурная политика. Упор перенесен с нового строительства на техническое перевооружение предприятий, экономию ресурсов, резкое повышение качества продукции. Мы по-прежнему будем много внимания уделять развитию добывающих отраслей, но в обеспечении экономики сырьем и материалами, топливом и энергией упор делается на внедрение ресурсосберегающих технологий, на рациональное использование ресурсов.

Особая программа нацелена на модернизацию машиностроения, которое оказалось в запущенном состоянии. Она нацелена на полное обновление машиностроительной продукции, ориентирует на достижение мирового уровня уже в начале 90-х годов. И конечно же она включает в себя коренные преобразования экономического механизма, без чего, как мы теперь хорошо уяснили, невозможно добиться перелома ни в техническом прогрессе, ни в повышении эффективности хозяйства.

Этот вопрос настолько важен, что к нему мне придется возвращаться еще не раз, на многих страницах этой книги.

Экономика, конечно, была и остается нашей главной заботой. Но одновременно мы взялись за изменение нравственно-психологической обстановки в обществе. Еще в 70-е годы многие поняли, что не обойтись без крутых перемен в мышлении и психологии, в организации, стиле и методах работы, повсюду — и в партии, и в государственном аппарате, и в руководящих эшелонах. И это произошло, в том числе и в ЦК партии, и в правительстве. Потребовались определенные кадровые перестановки на всех уровнях. К руководству стали приходить новые люди, которые в последние годы остро чувствовали ситуацию, имели идеи относительно того, что и как надо делать.

Была развернута бескомпромиссная борьба с нарушениями принципов социалистической справедливости, от кого бы они ни исходили. Провозглашен курс на гласность. Дали простор тем, кто выступал за открытый характер деятельности партийных, государственных, хозяйственных органов, общественных

организаций, сняли необоснованные ограничения и запреты.

Мы пришли к выводу, что без активизации человеческого фактора, то есть без учета разнообразных интересов людей, трудовых коллективов, общественных организаций, различных социальных групп, без опоры на них, без привлечения их к активному творчеству немыслимо решить ни одной задачи, изменить обстановку в стране.

Меня давно привлекала замечательная ленинская формула: социализм — это живое творчество масс. Социализм — не априорная теоретическая схема, в соответствии с которой общество делится на дающих указания и исполняющих. Мне претит такое упрощенческое, механическое понимание социализма.

Именно народ, человек во всем его творческом многообразии есть главное действующее лицо истории. Поэтому исходная задача перестройки, ее обязательное условие и залог ее успеха в том, чтобы разбудить человека, сделать его по-настоящему активным и заинтересованным, добиться того, чтобы каждый чувствовал себя хозяином страны, своего предприятия или учреждения, своего института. Это — главное.

Включить человека во все процессы нашей жизни — сердцевина всего того, что мы делаем. В «котле» перестройки переплавится общество и прежде всего — сам человек. Это будет обновленное общество. Вот за какое серьезнейшее дело мы взялись.

Дело очень трудное. Но цель сто́ит того, чтобы не пожалеть сил. Ведь все можно по-разному интерпретировать и оценивать. Есть старая притча. Подходит путник к людям, которые возводят какое-то сооружение, и спрашивает у работников: что это вы делаете? Один раздраженно отвечает: да вот, гляди — с утра до ночи чертовы камни таскаем... Другой встал с колен, распрямился и с гордостью сказал: видишь, Храм строим!

Вот если видишь эту высокую цель — сияющий Храм на зеленом холме, тогда самые тяжелые камни — легки, самый изнурительный труд — удовольствие.

Для того чтобы что-то сделать лучше, надо прибавить в работе. Мне нравится это слово — **прибавить.**

Для меня оно не просто девиз, а повседневное состояние, мироощущение. Любое дело, за которое берешься, надо душой, умом и сердцем понять, прочувствовать, тогда и прибавишь.

Ослабленный духом не прибавит. Наоборот, такой пасует перед трудностями, они его подавляют. А если человек силен убеждениями и знаниями, крепок морально,— его не сломишь, он устоит при любых ветрах. Мы знаем это из нашей истории.

Сегодня наиважнейшая задача — подымать человека духовно, уважая его внутренний мир, укрепляя его нравственные позиции. Весь интеллектуальный потенциал общества, все возможности культуры мы стремимся поставить на службу формирования социально активной личности, духовно богатой, справедливой и совестливой. Человек должен знать и чувствовать, что в его слове нуждаются, что его достоинство не унижается, что к нему относятся с доверием и уважением. Когда человек видит все это, он способен сделать много.

Конечно, перестройка как-то задевает каждого, выводит из привычного для многих состояния покоя, удовлетворенности сложившимся образом жизни. Здесь, пожалуй, уместно привлечь внимание к одной особенности социализма. Я имею в виду высокую степень социальной защищенности человека в нашем обществе. С одной стороны, это, безусловно, благо, наше величайшее завоевание. Однако в сознании некоторых людей оно трансформируется в иждивенческие настроения.

В самом деле, безработицы нет. Заботу о трудоустройстве государство взяло на себя. Даже уволенный за леность или нарушение производственной дисциплины должен быть обеспечен другой работой. Да еще уравниловка довольно прочно вошла в повседневную жизнь: если даже плохо работает человек, все равно получает достаточно для безбедного существования. Если какой-то человек — просто тунеядец, его детей никто не оставит на произвол судьбы. У нас огромные средства сосредоточены в общественных фондах, из которых люди получают материальную помощь. Из этих же сумм идет дотация на содержание детских садов,

детских домов, домов пионеров, других учреждений, имеющих дело с детским творчеством и спортом. Здравоохранение бесплатное, образование — тоже. Человек защищен от стихии жизни, и мы гордимся этим.

Но мы также видим, что недобросовестные люди как бы эксплуатируют эти преимущества социализма, знают лишь свои права, но не хотят знать обязанностей: плохо работают, прогуливают, пьянствуют. Есть и такие, что приспособили существующие законы и порядки к собственным корыстным интересам. Мало что давая обществу, они умудрялись получить от него все возможное и невозможное, жили на нетрудовые доходы.

Политика перестройки все ставит на свои места. Мы в полной мере восстанавливаем принцип социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду», добиваемся социальной справедливости — для всех, равных прав — для всех, одного закона — для всех, одной дисциплины — для всех, высоких обязанностей — для каждого. Перестройка повышает планку общественной ответственности и требовательности. Перемен не хочет тот, кто считает, что у него уже есть то, что ему нужно, и зачем ему перестраиваться? Но если у человека есть совесть, если он не забывает о благе своего народа, то он не может, не должен так рассуждать. Да еще гласность высвечивает, что кое-кто пользуется незаконными привилегиями. Нельзя дальше мириться с застоем.

Вопрос мы ставим так: рабочему и директору, механизатору и заведующему клубом, журналисту и политическому деятелю — всем надо пересмотреть кое-что в стиле и методах своей деятельности, самокритично оценить свои позиции. Мы остро поставили задачу преодоления инерции, консерватизма — так, чтобы затронуть самолюбие каждого. Одних это задело за живое — таких большинство, хотя кое-кто воспринял болезненно, особенно те, кто знает о своей приверженности к старому. Мы должны взглянуть на себя и с точки зрения того, по совести ли живем и действуем. Может быть, кое в чем и сбились на чуждые нам стандарты, например начали заболевать мещанской потребительской психологией. Научимся работать лучше,

честнее жить, порядочнее вести себя — значит, создадим истинно социалистический образ жизни.

Важно смотреть вперед. Нам должно хватить и политического опыта, и теоретического кругозора, и гражданского мужества, чтобы добиться успеха, чтобы перестройка отвечала высоким нравственным категориям социализма.

Нам нужны полноценное, полнокровное функционирование всех общественных организаций, всех производственных коллективов и творческих союзов, новые формы деятельности граждан и возрождение тех, которые были забыты. Короче говоря, **нужна широкая демократизация всей жизни общества.** Она же является и главной гарантией необратимости начавшихся процессов.

Теперь мы знаем: мы могли бы избежать многих трудностей, если бы демократический процесс у нас развивался нормально.

Этот урок своей истории мы хорошо и навсегда усвоили и будем твердо стоять на том, что только через последовательное развитие демократических форм, присущих социализму, через расширение самоуправления возможно наше продвижение вперед в производстве, науке и технике, культуре и искусстве, во всех сферах общественной жизни. Только так можно обеспечить сознательную дисциплину. Только через демократию и благодаря демократии возможна сама перестройка. Коль скоро мы видим нашу задачу в том, чтобы раскрыть и реализовать потенциал социализма через усиление человеческого фактора, не может быть другого пути, кроме демократизации, включая реформу хозяйственного механизма и управления, главный элемент которой — повышение роли трудовых коллективов.

Именно потому, что мы делаем акцент на развитие социалистической демократии, мы уделяем столь большое внимание духовной сфере, общественному сознанию, активной социальной политике. Таким путем мы хотим динамизировать человеческий фактор.

На Западе Ленина нередко изображают сторонником авторитарных методов управления. Это свидетельство совершенного незнания Ленина, а нередко —

преднамеренного извращения. На самом же деле, по Ленину, социализм и демократия нераздельны. Через завоевание демократических свобод приходят трудящиеся к власти. Закрепить и реализовать эту власть они тоже могут только в условиях развертывания демократии. Есть у Ленина и другая замечательно верная мысль: чем шире размах работ, чем глубже преобразование, тем больше надо поднять интерес к нему и убедить в его необходимости новые и новые миллионы людей. Отсюда: раз мы предпринимаем радикальную, всестороннюю перестройку, мы должны развернуть и весь потенциал демократии.

Нужно уметь корректировать политику в соответствии с тем, как ее воспринимают массы, обеспечивать обратную связь, питаясь идеями, мнениями, советами, исходящими от народа. Трудящиеся предлагают много полезного, интересного, что не всегда хорошо видно «вверху». Вот почему нельзя ни в коем случае допускать пренебрежительного отношения к тому, что говорит народ. В конечном счете самое важное для успеха перестройки — это отношение к ней народа.

Таким образом, не только теория, но и реальность происходящих процессов вывели нас на программу всесторонней демократизации общественной жизни, которую мы развернули на январском Пленуме 1987 года.

Этот пленум стимулировал широкий спектр действий по углублению демократических основ советского общества, развитию самоуправления, расширению гласности, открытости в работе всей нашей системы. Мы сейчас хорошо видим, в какое движение привел общество этот мощный импульс. Демократические процессы развернулись во всех трудовых коллективах, государственных и общественных организациях, в партии.

Демократический процесс стимулировал всю перестройку, возвысил ее цели, сделал более глубоким осознание обществом своих проблем. Он дал нам возможность масштабнее подойти к вопросам экономики, выдвинуть программу радикальной экономической реформы. Хозяйственный механизм теперь логично встраивался в общую систему социального управления на обновленных демократических принципах.

Эту работу, как известно, мы выполнили на июньском Пленуме ЦК 1987 года, который утвердил «Основные положения коренной перестройки управления экономикой». Это, пожалуй, крупнейшая и самая радикальная программа преобразований в экономической системе нашей страны после введения Лениным новой экономической политики в 1921 году. Новая экономическая реформа предусматривает перенесение центра тяжести с преимущественно административных на преимущественно экономические методы руководства на всех уровнях, широкую демократизацию управления, всемерную активизацию человеческого фактора.

В основе реформы лежит резкое расширение границ самостоятельности объединений и предприятий, перевод их на полный хозяйственный расчет и самофинансирование, наделение трудовых коллективов всеми необходимыми для этого правами. Они теперь будут полностью отвечать за эффективное ведение хозяйства, его конечные результаты. Устанавливается прямая зависимость уровня доходов коллектива от эффекта его работы.

В связи с этим в интересах предприятий предусмотрена коренная перестройка централизованного управления экономикой. Будучи освобождено от оперативных функций по управлению предприятиями, оно сосредоточится на главных процессах, определяющих стратегию экономического роста. Чтобы сделать это реальностью, мы начали серьезную, радикальную реформу планирования, ценообразования, финансово-кредитного механизма, системы материально-технического обеспечения производства, управления научно-техническим развитием, трудом и социальными вопросами. Цель этой реформы — в ближайшие два-три года обеспечить переход от чрезмерно централизованной командной системы управления к демократической, основанной на принципах демократического сочетания централизма и самоуправления.

Принятие основных принципов коренных преобразований экономического управления стало крупным, принципиальным шагом вперед в программе перестройки. Теперь в сфере ее внимания оказались

практически все основные стороны общественной жизни. Общая концепция, общий замысел перестройки не только с точки зрения ее сути, но и основных составляющих для нас ясны.

Перестройка — это решительное преодоление застойных процессов и слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма.

Перестройка — это опора на живое творчество масс. Это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самодеятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества. Это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.

Перестройка — это всесторонняя интенсификация советской экономики, восстановление и развитие в управлении народным хозяйством принципов демократического централизма, повсеместное внедрение экономических методов управления, отказ от командования и администрирования, всемерное поощрение новаторства и социалистической предприимчивости.

Перестройка — это решительный поворот к науке, умение поставить любое начинание на солидную научную основу. Это соединение достижений научно-технической революции с плановой экономикой.

Перестройка — это приоритетное развитие социальной сферы, направленное на все более полное удовлетворение потребностей советских людей в хороших условиях труда, быта, отдыха, образования и медицинского обслуживания. Это постоянная забота о духовном богатстве, культуре каждого человека и общества в целом.

Перестройка — это энергичное избавление общества от искажений социалистической морали, последовательное проведение в жизнь принципов социальной справедливости. Это единство слова и дела, прав и обязанностей. Это возвышение честного, высококачественного труда, преодоление уравнительных тенденций в его оплате, потребительства.

Так мы сегодня представляем себе перестройку. Так мы видим свои задачи, смысл и содержание нашей работы на предстоящий период. Сколько он продлится — сказать трудно. Но это, конечно, не два-три года, а значительно больше. Мы настраиваемся на серьезную, напряженную, кропотливую работу, чтобы до конца XX века вывести нашу Родину на новые рубежи.

Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ. Не в наших традициях заниматься пророчествами и пытаться предопределить все архитектурные элементы того общественного здания, которое мы возведем в процессе перестройки.

Но в принципиальном плане могу сказать, что конечная цель перестройки нам ясна. Это глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя во всех его решающих аспектах — экономическом, социально-политическом и нравственном.

Подчеркиваю снова: перестройка — не какое-то прозрение, не озарение, а понимание объективной необходимости обновления и ускорения, родившееся в глубинах нашего общества. Суть перестройки именно в том и состоит, **что она соединяет социализм и демократию**, теоретически и практически полностью восстанавливает ленинскую концепцию социалистического строительства. Отсюда и ее глубина, ее действительно революционный дух и всеохватывающий характер.

Ради такой цели стоит потрудиться. Мы уверены, что это будет достойным вкладом в социальный прогресс человечества.

Больше социализма, больше демократии

Разговор о перестройке будет неполным и не внесет полной ясности, если не остановиться еще на одной стороне дела, которая оживленно обсуждается, особенно за рубежом,— это связь перестройки с социализмом как системой.

Одни с затаенной надеждой, другие с опасением задаются вопросом: не означает ли перестройка отход от

социализма или, по крайней мере, размывание его основ?

Кое-кто на Западе хотел бы навязать нам такую версию: социализм, дескать, переживает глубокий кризис, заводит общество в тупик. Именно в таком духе интерпретируется наш критический анализ ситуации, сложившейся в стране в конце 70 — начале 80-х годов. И дескать, выход один: заимствование капиталистических методов ведения хозяйства и форм общественной организации, дрейф в сторону капитализма.

Нам говорят, что с перестройкой ничего не получится в рамках ныне действующей системы, и предлагают изменить ее, обратиться к арсеналу и опыту другого социально-политического строя. К этому еще добавляют, что если СССР пойдет по этому пути, откажется от своего социалистического выбора, то, дескать, это откроет шлагбаум для налаживания тесных отношений с Западом. Дело доходит до того, что и Октябрь 1917 года был ошибкой, чуть ли не отрезал наш народ и нашу страну от магистрального пути общественного прогресса.

Чтобы исключить всякие кривотолки и спекуляции по этому вопросу — а их мы немало слышим с Запада,— хочу еще раз подчеркнуть: все свои преобразования мы осуществляем в соответствии с социалистическим выбором, ответы на вопросы, поставленные жизнью, мы ищем в рамках социализма, а не за его пределами. Все свои успехи и ошибки мы измеряем социалистическими мерками. Тем, кто надеется, что мы свернем с социалистического пути, предстоит горькое разочарование. Вся наша программа перестройки как в целом, так и в ее отдельных компонентах полностью базируется на принципе: больше социализма, больше демократии.

Больше социализма — значит, больше динамизма и творчества, организованности, законности и порядка, научности и инициативы в хозяйствовании, эффективности в управлении, лучше и обеспеченнее жизнь людей.

Больше социализма — значит, больше демократизма, гласности, коллективизма в общежитии, больше культуры, человечности в производственных, общест-

венных и личных отношениях между людьми, больше достоинства и самоуважения личности.

Больше социализма — значит, больше патриотизма, устремленности к высоким идеалам, больше деятельной гражданской заботы о делах всей страны и их благотворном влиянии на дела международные.

Иначе говоря, больше всего того, что заложено в самой природе социализма, в его теоретических предпосылках как социально-экономической формации.

Мы будем идти к лучшему социализму, а не в сторону от него. Мы говорим это честно, не лукавим ни перед своим народом, ни перед заграницей. Ожидать, что мы начнем создавать какое-то другое, несоциалистическое общество, перейдем в другой лагерь,— дело бесперспективное и нереалистичное. Тех на Западе, кто надеется, что мы откажемся от социализма, ждет разочарование. Пора бы это понять, а главное — исходить из этого в практических отношениях с Советским Союзом.

Говоря это, я хотел бы, чтобы меня точно поняли: мы, советские люди,— за социализм (и я уже объяснил выше почему), но свои убеждения никому не навязываем. Пусть каждый выбирает, а история все поставит на свои места. В настоящее время мы особенно ощущаем — об этом я говорил в беседе с группой американских общественных деятелей (С. Вэнсом, Г. Киссинджером и другими),— что именно благодаря социалистической системе и плановой экономике нам гораздо легче осуществлять поворот в нашей структурной политике, чем в условиях частного предпринимательства, хотя и у нас есть свои сложности.

Мы хотим больше социализма и поэтому больше демократии.

Мы исходим из того понимания, что трудности и проблемы 70—80-х годов — это не какой-то кризис социализма как общественно-политической системы, а скорее, наоборот, результат недостаточно последовательного проведения социалистических принципов, отступлений от них и даже извращений, консервирования методов и форм социального управления, возникших в определенных исторических условиях, на первоначальных этапах социалистического развития.

И напротив, социализм как молодой общественный строй, как образ жизнедействия обладает огромными и далеко еще не раскрытыми возможностями саморазвития, самосовершенствования, решения коренных проблем современного научно-технического, экономического, культурного, духовного прогресса общества, развития человеческой личности. Разве не об этом говорит исторический путь нашей страны с октября 1917 года, полный неисчислимых трудностей, драматизма, напряженного труда, но одновременно великих побед и достижений?

Уроки истории

Верно, в ходе послеоктябрьского развития были трудные этапы, не в последнюю очередь из-за грубого вмешательства в наши внутренние дела империалистических сил, допускались и ошибки, просчеты в политике. Тем не менее Советский Союз шел вперед, было создано общество, в котором люди живут без страха за свое будущее. И если стоять на позиции правды, то каждый объективный наблюдатель должен признать, что в целом советская история — это история неоспоримого прогресса, при всех потерях, отступлениях, неудачах. Мы шли по бездорожью — в прямом и переносном смысле слова,— случалось, блуждали, ошибались, крови и пота хватили вдоволь. Но шли вперед и никогда не помышляли об отступлении, о сдаче уже достигнутого, не ставили под сомнение свой социалистический выбор.

Согласитесь, трудно себе представить, чтобы, устремившись в неизведанное будущее, решая в короткие сроки грандиозные задачи, можно было обойтись без срывов, чтобы все было гладко, как тротуар Невского проспекта. Возьмем индустриализацию. В каких условиях ее пришлось осуществлять? Гражданская война и интервенция 14 государств оставили стране полную разруху. Нас взяли в экономическую блокаду, установили вокруг «санитарный кордон». Никаких накоплений, никаких колоний — наоборот, необходимость бросить средства на подъем угнетенных при царизме национальных окраин. Чтобы спасти завоевания революции, надо было строить — и строить быстро — промышленную базу страны за счет внутренних источ-

ников, сдерживая потребление, сводя его к минимуму. Материальное бремя нового строительства легло на народ, основную массу которого составляло крестьянство.

Нам, по существу, заново надо было создавать промышленность, особенно тяжелую, энергетику и машиностроение. И мы смело пошли на это. Жизненность выдвинутых партией планов, понятых и воспринятых народом, лозунгов и замыслов, в которых была заложена идейная энергия нашей революции, нашла свое выражение в том поразившем мир энтузиазме, с которым миллионы советских людей включились в строительство отечественной индустрии. В тяжелейших условиях, часто далеко от родных мест, как правило, при отсутствии всякой механизации и, что называется, на пустом месте — с нуля, на полуголодном пайке они творили чудеса. Их вдохновляло то, что они приобщались к великому историческому делу. Не будучи тогда сильно грамотными, они тем не менее понимали, участниками какого грандиозного, невиданного дела стал каждый из них. Это был поистине массовый подвиг во имя будущего Родины, всенародная демонстрация преданности тому свободному выбору, который был сделан в 1917 году.

Наши деды и отцы преодолели все, что выпало на их долю, и внесли величайший вклад в развитие и укрепление нашего общества в период, когда определялась вся его дальнейшая судьба.

Индустриализация 20—30-х годов была действительно тяжелейшим испытанием. Но попробуем теперь, с позиций сегодняшнего дня, ответить на вопрос: нужна ли она была? Да разве такая огромная страна, как наша, могла жить в XX веке, не будучи промышленно развитым государством? Очень скоро и по другой причине стало ясно, что не форсировать индустриализацию было нельзя. Уже с 1933 года стала быстро нарастать угроза фашизма. И где оказался бы мир, если бы Советский Союз не встал на пути гитлеровской военной машины? Наш народ сокрушил фашизм мощью, созданной им в 20—30-е годы. Не будь индустриализации, мы остались бы безоружными перед фашизмом.

Но мы не оказались под гусеницами германских танков. Вся Европа не смогла остановить Гитлера — мы его разгромили. Мы фашизм сокрушили не только героизмом и самопожертвованием солдат, но и лучшей сталью, лучшими танками, лучшими самолетами. И все это было выковано нашим, советским временем.

Или возьмите коллективизацию. Знаю, сколько домыслов, спекуляций, злобной критики в наш адрес связано с одним этим термином, не говоря уже о самом процессе. Но даже многие из тех, кто пытается объективно разобраться в этом периоде нашей истории, не могут, кажется, по-настоящему осмыслить все значение, необходимость и неизбежность коллективизации в нашей стране.

Если же действительно с позиций правды и науки учитывать обстоятельства того времени и специфику развития именно нашего, советского общества, если не закрывать глаза на крайнюю отсталость сельскохозяйственного производства, которое не имело перспективы преодолеть эту отсталость, оставаясь мелким и раздробленным, если, наконец, правильно оценивать действительные результаты коллективизации, то нельзя не прийти к однозначному выводу. Коллективизация была величайшим историческим деянием, крупнейшим после 1917 года социальным поворотом. Да, она проходила болезненно, не без серьезных перегибов и ошибок в методах и темпах. Но без нее дальнейший прогресс нашей страны был бы невозможен. Коллективизация подвела социальную основу под модернизацию аграрного сектора экономики, позволила внедрять методы культурного хозяйствования. Она обеспечила рост производительности труда и такое увеличение в конечном счете объемов производства, которого мы не имели бы, сохрани мы деревню в прежнем ее состоянии, фактически унаследованном от средневековья. Кроме того, коллективизация высвободила значительную часть средств и рабочих рук, необходимых для развития других сфер нашего общества, прежде всего для промышленности. Она открыла перспективу для создания надежного продовольственного фонда государства.

Коллективизация изменила, пусть не просто и не сразу, весь уклад жизни крестьянства, открыв ему выход к тому, чтобы стать современным, цивилизованным классом общества. Если бы не она, мы не могли бы сейчас и думать о производстве зерна на уровне 200 миллионов тонн, тем более о 250 миллионах тонн, как это записано в наших планах на ближайшее будущее. Между тем мы уже теперь превзошли суммарный объем зернового производства в странах «Общего рынка», вместе взятых,— при меньшей численности населения у нас.

Действительно, нам недостает еще некоторых продуктов питания, в первую очередь — животноводческих, много надо сделать для повышения их качества. Но благодаря коллективизации мы производим сейчас столько продовольствия на душу населения, что оно удовлетворяет в основном необходимые потребности. И что особенно важно, снята, навсегда исключена в нашей стране возможность голода, недоедания. А ведь это было бичом России на протяжении столетий. По суммарной калорийности питания Советский Союз прочно находится в группе развитых государств. И что самое главное, благодаря коллективизации и ее теперь уже более чем полувековому опыту был создан потенциал, который позволяет нам теперь, в ходе перестройки, масштабно поднимать весь аграрный сектор на качественно новый уровень.

Да, индустриализация и коллективизация были необходимостью. Иначе страна не смогла бы подняться. Но методы и способы проведения этих преобразований не всегда и не во всем отвечали социалистическим принципам, социалистической идеологии и теории. Сказывались прежде всего внешние условия — страна ощущала постоянную опасность военного нападения. Но были и собственные перегибы, преобладал административный нажим, страдали люди. Такова реальность. Такова судьба народа со всеми противоречиями: и с великими достижениями, и с драматическими ошибками, и с трагическими страницами.

И после победоносной войны жилось нам не просто, временами очень тяжко. Вспоминаю свои поездки по железной дороге с юга России в Москву на учебу в конце

40-х годов. Своими глазами видел разрушенные Сталинград, Ростов, Харьков, Орел, Курск, Воронеж. А сколько было таких разрушенных городов?! Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Севастополь, Смоленск, Брянск, Новгород... Все порушено: сотни и тысячи городов и деревень, заводов и фабрик. Разграблены и разрушены ценнейшие памятники культуры — картинные галереи и дворцы, библиотеки и соборы.

На Западе говорили тогда, что Советский Союз и через сто лет не поднимется, что теперь-то из международной политики он выведен надолго, поскольку будет поглощен тем, чтобы хоть кое-как залечить раны. И вот сегодня кто с восхищением, а кто и с нескрываемой неприязнью говорит о нас — сверхдержава! Мы возродили и подняли страну сами, своими силами, используя огромные потенции, заложенные в социалистическом строе.

И потóм. Нельзя не сказать еще об одной стороне дела, которую на Западе часто игнорируют или замалчивают, но без которой нас, советских людей, просто не понять: помимо производственных и социальных достижений, была новая жизнь, был энтузиазм строителей нового мира, было воодушевление новым и необычным, было острое ощущение гордости за то, что мы одни, без посторонней помощи, в который уж раз на своих плечах поднимаем страну. Жадно овладевали знаниями, культурой. Люди радовались жизни, умели веселиться, растили детей, занимались своими повседневными делами. И это все — мы. И все это — в совершенно новой атмосфере, резко отличавшейся от того, что было до революции,— в атмосфере простоты, равенства, огромных возможностей для человека труда. Мы-то знаем, что получили от социализма. Словом, на всех этапах мирного строительства нашей страны люди жили и творили. В письмах, которые я получаю, мои соотечественники гордо говорят: пусть мы жили победнее других, но зато полнокровнее и интереснее.

Среди ныне живущих в СССР каждые четырнадцать из пятнадцати родились после революции. А нас продолжают призывать отказаться от социализма. Спрашивается, почему это вдруг советские люди, выросшие и окрепшие при социализме, должны от своего

строя отказаться? Мы будем всемерно социализм развивать и укреплять. Думаю, раскрыты еще только самые минимальные возможности нового строя.

Вот почему странно для нас звучит, когда нам предлагают — некоторые даже искренне — изменить общественную систему, обратиться к методам и формам, характерным для другого социального строя. Этим людям невдомек, что такое просто невозможно, даже если бы кто и захотел повернуть Советский Союз к капитализму. Подумайте только: как мы можем согласиться с тем, что и 1917 год был ошибкой, и все 70 лет нашей жизни, труда, борьбы и сражений — тоже сплошная ошибка, что мы шли «не туда»?! Нет, на основе строгой и объективной оценки фактов истории можно сделать только один вывод: именно социалистический выбор привел бывшую отсталую Россию как раз «туда» — на то самое место, которое занимает Советский Союз сейчас в прогрессе человечества.

У нас нет причин говорить об Октябре, о социализме как бы стесняясь, вполголоса. Наши успехи огромны и неоспоримы. Но мы воспринимаем былое во всей его полноте и сложности. Наши самые грандиозные достижения не застилают от нас ни противоречий в развитии общества, ни ошибок и упущений. Да и сама наша идеология по природе своей критична и революционна.

И когда мы ищем корни сегодняшних трудностей и проблем, мы делаем это для того, чтобы понять их происхождение, извлечь актуальные уроки из событий, которые уходят далеко в 30-е годы.

Самое важное для нас сейчас в прошлой истории — то, что через ее осмысление мы обретаем понимание предпосылок перестройки. Наша история складывалась под сильным влиянием привходящих факторов. Но она у нас вот такая. И в ней заложены истоки перестройки.

Почему же все-таки произошло все то, что сделало ее необходимой? Почему с опозданием она началась? Почему так долго удерживались методы работы, отслужившие свой век? Почему произошла догматизация общественного сознания и теории?

Все это требует объяснений. А разбираясь и объясняя, мы находим много подтверждений тому, что и в

партии, и в обществе видели нарастание негативных процессов. Более того, не один раз остро осознавалась необходимость перемен. Но они оказывались половинчатыми, непоследовательными под давлением наследия прошлого со всеми его доминантами и атрибутами.

Крупной вехой в нашей истории стал XX съезд КПСС. Он внес большой вклад в теорию и практику социалистического строительства. На нем и после него была предпринята мощная попытка повернуть руль в движении страны, дать импульс освобождению от негативных моментов в общественно-политической жизни, порожденных культом личности Сталина.

Под воздействием решений съезда были осуществлены крупные политические, экономические, социальные и идеологические меры. Но возможности, открывшиеся было, оказались не использованными полностью. Виной тому — субъективистские методы в деятельности руководства, возглавляемого Хрущевым. Управление экономикой оказалось во власти импровизаций. Волюнтаристские идеи и действия тогдашнего руководства стали лихорадить партию и общество. Амбициозные, необоснованные обещания и прогнозы вновь создали ситуацию разрыва между словом и делом.

Вот почему на следующем этапе, который был обозначен октябрьским Пленумом ЦК 1964 года, пришлось прежде всего преодолевать эти крайности, бороться с волюнтаризмом и субъективизмом. Была взята линия на стабилизацию. И эта линия была оправданной. Ее поддержали партия и народ. Появились определенные позитивные результаты. Решения стали разрабатываться и приниматься более взвешенные и обоснованные. Начало хозяйственной реформы 1965 года, мартовский Пленум ЦК этого же года по сельскому хозяйству — это весьма крупные инициативы, нацеленные на позитивные преобразования в экономике. Но и они, дав существенный, но временный эффект, захлебнулись.

На почве самоуспокоенности, нарушения естественного процесса смены руководства возникли явления застоя и заторможенности в стране, о которых я рассказал выше. А обстановка все настоятельнее требовала кардинальных решений по совершенствованию механизма хозяйственного и социального управления.

Какие выводы из исторических уроков прошлого мы делаем?

Прежде всего, тот вывод, что социализм как общественный строй доказал свои огромные возможности в решении сложнейших проблем общественного прогресса. Мы убеждены в его способности к самосовершенствованию, к еще более полному раскрытию своих возможностей, к решению нынешних крупных задач общественного прогресса, встающих в преддверии XXI столетия.

Вместе с тем мы понимаем, совершенствование социализма — это не самопроизвольный процесс, а дело, требующее огромного внимания, правдивого, непредвзятого анализа проблем, решительного отказа от того, что устарело. Мы убедились, что тут нельзя ограничиваться половинчатыми мерами. Надо действовать широким фронтом, последовательно и энергично, не останавливаясь перед самыми смелыми шагами.

И еще один вывод, можно сказать,— главный. Это — опора на самодеятельность и творчество масс, активное участие самых широких слоев трудящихся в осуществлении намеченных преобразований, то есть демократизация и еще раз демократизация.

Идейный источник движения по пути перестройки

Социалистическое общество неправильно и вредно представлять застывшим и неизменным, а его совершенствование — лишь как способ подогнать, подстроить сложную действительность под раз и навсегда сформулированные идеи, понятия, формулы. Представления о социализме постоянно развиваются и обогащаются с учетом исторического опыта, объективных условий.

Мы учились и учимся у Ленина творческому подходу к теории и практике социалистического строительства, берем на вооружение его научную методологию, овладеваем искусством конкретного анализа конкретной ситуации.

Двигая дальше перестройку, мы постоянно возвращались и возвращаемся к трудам Ленина, особенно, повторяю, к последним его работам.

Классики марксизма-ленинизма оставили нам в наследство основные, сущностные характеристики социализма. Они не впадали в детализацию, не стремились

дать картину социализма в подробностях. Они говорили о теоретически видимых этапах. А показать, каков должен быть нынешний этап,— наша задача. Нам предстоит и практически пройти этот этап, не уклоняясь от сложных вопросов. Классики учат нас не методике, а методологии.

На новом этапе мы оказались перед настоятельной необходимостью, опираясь на ленинское наследие, на его методологию, разобраться в накопившихся теоретических проблемах, сложившихся представлениях о социализме. Важность этой задачи продиктована еще и тем, что в период после Ленина не во всем следовали его идеям. Формы и методы социалистического строительства, вынужденные обстановкой, отражавшие конкретно-исторические условия нашей страны, были канонизированы и идеализированы, возведены в ранг общих непреложных догм. В результате сложился обедненный, схематизированный облик социализма с гипертрофией централизованного управления, с недооценкой разнообразия, богатства интересов людей, их активной роли в общественной жизни, с отчетливо выраженными уравнительными тенденциями.

Возьмем, например, механизм управления экономикой. Конкретная историческая обстановка, в которой развивался Советский Союз, по сути дела, экстремальные условия не могли не наложить на него свой отпечаток. Военная угроза и сами войны — самые тяжелые и разрушительные в нашей и без того нелегкой истории, двукратное восстановление народного хозяйства из руин — все это, естественно, привело к жесткой централизации в управлении и повлекло эа собой сужение его демократических основ.

Вернемся к вопросу о том, как сложился такой парадокс. Приступив к строительству нового общества, молодая Советская Россия один на один с капиталистическим миром оказалась перед необходимостью быстро преодолеть технико-экономическое отставание, создать в значительной степени эаново современную индустрию. И это было сделано за беспрецедентно короткий срок.

Чтобы решить такую задачу, пришлось резко увеличить долю накопления в национальном доходе.

Причем большая часть мобилизованных таким образом средств пошла на развитие тяжелой, в том числе оборонной, промышленности. Вопрос о «цене» этого развития тогда или вообще не ставился, или был на втором плане. Государство не останавливалось ни перед какими затратами, а люди готовы были идти на жертвы во имя ускоренного развития своей Родины, укрепления ее обороноспособности, защиты независимости страны и ее социалистического выбора.

Именно под такие цели была создана система управления, основанная на жестком централизме, детальном регламентировании работы, директивных адресных заданиях и бюджетных ассигнованиях. И она сыграла свою роль.

Конечно, не во всем такой характер управления можно объяснить объективными причинами. Допускались и ошибочные подходы, принимались решения субъективистского толка. Это тоже надо видеть и учитывать при рассмотрении современных проблем. Но так или иначе, сложившаяся в 30—40-е годы система управления постепенно стала приходить в противоречие с условиями и потребностями экономического развития. Ее положительные возможности все более исчерпывали себя и, напротив, нарастало тормозящее действие, что и привело к формированию механизма торможения, сыгравшего столь негативную роль впоследствии. Применение методов работы, возникших в экстремальных условиях, привело к торможению социально-экономического роста в изменившихся условиях.

Проявленный здесь догматизм стимулировал затратный характер нашей экономики, который набрал мощную силу инерции и удерживался до середины 80-х годов. Здесь — корни пресловутого «валового подхода», на который до недавнего времени была ориентирована наша экономика.

В этих условиях сложилось предубежденное отношение к роли товарно-денежных отношений и закона стоимости при социализме, а нередко они прямо противопоставлялись социализму как нечто чужеродное. Все это сочеталось с недооценкой хозрасчета, порождало произвол в ценообразовании, невнимание к денежному обращению.

Крайне негативно в новых условиях начала сказываться и узость демократических основ сложившейся системы управления. В ней мало оставалось места для ленинской идеи самоуправления трудящихся. Общественная собственность постепенно как бы отгораживалась от ее истинного владельца — трудящихся. Она нередко раздиралась ведомственностью и местничеством, становилась как бы «ничейной», бесплатной, лишенной реального хозяина. Начало все более проявляться отчуждение человека от всенародного достояния, отсутствие сопряженности общественного интереса с личным интересом труженика. В этом — коренной порок случившегося: сложившаяся в прошлом система хозяйствования на новом этапе из фактора развития социализма становилась тормозом его продвижения вперед.

Если же говорить о политической стороне механизма торможения, то нельзя не заметить, что возникла парадоксальная ситуация, когда образованный, талантливый, верный социалистическому строю народ не мог в полную силу использовать возможности, заложенные в социализме, свое право реально участвовать в управлении государственными делами. Конечно, рабочие, крестьяне, интеллигенция всегда были представлены во всех органах власти и управления, но далеко не всегда они вовлекались в разработку и принятие решений в той степени, в какой нуждается здоровое развитие социалистического общества. Массы были подготовлены для более активного политического творчества, а простора для него не было, хотя социализм растет и крепнет как раз тем, что втягивает все большую массу людей в активную политику.

Механизм торможения в экономике со всеми его социальными, идеологическими последствиями привел к бюрократизации общественных структур и к «расширенному воспроизводству» на всех уровнях бюрократической прослойки, которая приобрела непомерное влияние во всей государственной, административной и даже общественной жизни.

Не приходится говорить, что в этих условиях богатство ленинских идей об управлении и самоуправлении, хозрасчете, увязке общественных и личных интересов не получало должного применения и развития.

И это только один пример закостенелости общественной мысли, оторванности ее от реальных жизненных потребностей.

Перестройка поставила новые задачи и перед политической практикой, и перед нашей общественной мыслью. Покончить с окостенелостью общественной науки, дать ей широкий простор, окончательно преодолеть последствия той монополии на теорию, которая была характерна для периода культа личности, когда формы развития советского общества, сложившиеся в экстремальных условиях, были превращены авторитетом Сталина в абсолют, рассматривались как единственно возможные для социализма.

Предстоит осуществить крутой поворот в общественно-политической мысли. И здесь мы должны учиться у Ленина. Он обладал редчайшим качеством вовремя почувствовать назревание глубинных перемен, переоценки ценностей, пересмотра теоретических установок и политических лозунгов.

Вот ярчайший пример. В апреле 1917 года, вернувшись в Россию, Ленин за короткий срок точно оценил ситуацию, тенденции и возможности развития страны после Февральской революции. И не только безошибочно определил единственно возможную тактику деятельности партии и Советов, но выдвинул стратегическую задачу — готовить партию и массы к социалистической революции. Иначе можно было потерять и завоеванное в результате свержения царизма. Даже для многих опытных большевиков такой поворот оказался неожиданным. Вот такой диалектике политического мышления мы учимся, осуществляя перестройку.

И тогда, и потом не раз бывало, что партия не сразу осваивалась с новыми идеями. Бывало трудно, подчас проявляли непонимание даже самые преданные делу революции люди. Но Ленин и его соратники умели убеждать, разъяснять, не раз и не два возвращаться к одному и тому же вопросу, зажигать энергией, привлекать на свою сторону колеблющихся и сомневающихся. Бывало и самому Ленину очень трудно. Однажды с горечью он написал в письме: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками» [1].

Мне уже приходилось не раз говорить, ссылаясь на Ленина, что, если браться за частные вопросы, не уяснив общего, будешь все время натыкаться на это общее. Исходя из этого, мы с самого начала перестройки, в том числе и на июньском Пленуме ЦК КПСС 1987 года, первостепенное значение придавали концептуальному подходу. Конечно, стремились и к тому, чтобы было поменьше хаоса и в методах. Для того чтобы добиться чего-то существенного, вовсе не обязательно сначала перевернуть все с ног на голову, а потом исправлять ошибки.

Новые задачи приходится решать без «готовых рецептов». Нет таких рецептов и сегодня. Обществоведы не предложили пока ничего цельного. Политэкономия социализма застряла на привычных понятиях, оказалась не в ладах с диалектикой жизни. Отстают от потребностей общественной практики философия и социология. Основательная перестройка предстоит исторической науке.

XXVII съезд КПСС, пленумы ЦК открыли простор для творческой мысли, сами придали мощный стимул ее развитию. Без революционной теории не может быть и революционного движения — это марксистское положение звучит сегодня, как никогда, актуально.

Перестройка — это революция

Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это революция. Решительное ускорение социально-экономического и духовного развития советского общества предполагает радикальные перемены на пути к качественно новому состоянию. И это, безусловно, революционная задача.

Думается, у нас были все основания заявить на январском Пленуме 1987 года: по глубинной сути, по большевистской дерзости, по гуманистической социаль-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 340.

ной направленности нынешний курс является прямым продолжением великих свершений, начатых ленинской партией в Октябрьские дни 1917 года. И не просто продолжением, но и развитием, углублением основных идей революции. Мы должны придать историческому импульсу своей революции новый динамизм, двинуть дальше все то, что было заложено ею в обществе.

Конечно же, перестройку мы не равняем с Октябрем — событием переломным в тысячелетней истории нашей Родины и не знающим себе подобных по силе воздействия на развитие человечества.

И все же почему на 70-м году Октября мы говорим о новой революции?

Можно подойти к ответу на этот вопрос с помощью исторических аналогий. Ленин в свое время подметил, что в стране классической буржуазной революции, во Франции, после ее Великой революции 1789—1794 годов потребовалось еще три революции (1830, 1848 и 1871 годов), чтобы довести до конца начатое ею дело. То же можно сказать и об Англии, где после кромвелевской революции 1649 года имела место «славная революция» 1688—1689 годов, а потом еще оказалась необходимой реформа 1832 года, окончательно утвердившая новый класс — буржуазию — у власти. В Германии были две буржуазно-демократические революции (1848 и 1918 годов), а между ними — крутые реформы 60-х годов, которые Бисмарк проводил «железом и кровью».

«Таких революций,— писал Ленин,— которые, завоевав, можно положить в карман и почить на лаврах, в истории не бывало» [1]. Почему же социализм, который призван осуществить еще более глубокие, чем капитализм, экономические, социально-политические и духовные перемены в обществе, не должен пройти несколько революционных перевалов, чтобы выявить все свои потенции и окончательно откристаллизоваться как принципиально новая формация? Ленин не раз повторял такую мысль: социализм будет складываться из многих попыток. Каждая попытка будет в известном смысле односторонней, в каждой будет своя специфика. И это относится ко всем странам.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 52.

Исторический опыт показал, что и социалистическое общество не застраховано от появления и накопления застойных тенденций и даже от серьезных социально-политических кризисов. А для выхода из кризисной или предкризисной ситуации как раз и бывают необходимы меры революционного характера. Самое важное здесь то, что социализм способен на революционные перемены, ибо он динамичен по своей природе.

Весной 1985 года партия поставила в повестку дня такую задачу. Серьезность накопившихся и вызревавших новых проблем, запоздание, допущенное в их осмыслении и решении,— вот что потребовало действовать по-революционному, провозгласить революционную перестройку общества.

Перестройка — процесс революционный, ибо это — скачок в развитии социализма, в реализации его сущностных характеристик. Мы с самого начала сознавали: времени на раскачку нет. Очень важно не «засидеться» на старте, преодолеть отставание, вырваться из трясины консерватизма, сломать инерцию застоя. Это невозможно сделать эволюционно, с помощью робкой, ползучей реформы.

Мы не можем, просто не имеем права расслабляться ни на один день. Наоборот, изо дня в день нужно прибавлять в работе, наращивать ее темпы, ее интенсивность. Необходимо выдержать это напряжение, эти, как говорят космонавты, большие перегрузки на начальном отрезке перестройки.

Революцию надо постоянно развивать. Нельзя топтаться на месте. Это показывает и наше собственное прошлое. Последствия замедления мы ощущаем и теперь. Поэтому сейчас нужны двойное мужество и смелость. Мы не имеем права снова застрять. Поэтому — только вперед!

Конечно, действовать по-революционному не значит бросаться вперед очертя голову. Кавалерийские атаки далеко не всегда уместны. К революции относятся законы политики как искусства возможного. Нельзя перепрыгивать через этапы, забегать вперед. Сейчас главное — создать задел, необходимый для выхода на качественно новые рубежи. Иначе можно, что называется, и дров наломать, и скомпрометировать великое дело.

Революция, как мы ее понимаем,— это созидание, но всегда, конечно, и ломка. На то и революция, чтобы ломать отжившее, застойное, все то, что мешает быстрому движению вперед. Без ломки не расчистишь площадку для нового строительства. Вот и перестройка означает решительную, крутую ломку сложившихся препон для социально-экономического развития, устаревших порядков в управлении хозяйством, догматических стереотипов в мышлении. Перестройка задевает интересы многих, все общество. И разумеется, ломка не обходится без конфликтов, а бывает, и без острых сшибок между старым и новым. Бомбы, конечно, не рвутся и пули не летят. Но конкретные носители механизма торможения сопротивляются. А ничегонеделание, равнодушие, лень, безответственность и бесхозяйственность — это тоже сопротивление.

Оно понятно. Ситуация в обществе действительно обострилась, ибо перестройка пошла в глубинные его пласты. Услышали мы голоса: а надо ли было вообще затевать все это?

Самого слова «революция» в применении к перестройке некоторые не воспринимают. Некоторых пугает даже термин «реформа». А ведь Ленин не боялся употреблять это слово и даже учил самих большевиков «реформизму», когда это требовалось для развития дела революции в новых условиях. И нам сегодня нужны радикальные реформы для осуществления революционных преобразований.

Один из признаков революционного периода — большее или меньшее расхождение между коренными интересами общества, передовая часть которого готова к крупным переменам, и сиюминутными повседневными интересами людей. Перестройка бьет, прежде всего, по тем, кто привык работать по-старому. У нас нет политической оппозиции, но это не значит, что нет борьбы с теми, кто по разным причинам перестройку не приемлет. Всем, возможно, придется чем-то поступиться на первом этапе перестройки. А с незаслуженными привилегиями и прерогативами, присвоенными незаконным путем, с правами, которые обслуживали механизм торможения, придется расстаться навсегда.

Вопрос об интересах — для партии ключевой, как и всегда на крутых поворотах. Вспомним, как Ленин воевал за Брестский мир. Тревожный 1918 год. Гражданская война. А тут еще серьезнейшая угроза со стороны Германии. Владимир Ильич предлагает заключить мир с Германией. Условия мира, которые нам ультимативно предъявила Германия, были, по выражению Ленина, «позорными, похабными». Они предусматривали отторжение огромной территории с населением в 56 миллионов человек. Казалось бы, никак нельзя согласиться с этим. И все-таки Ленин настаивает: мир необходим. Оппоненты есть даже в ЦК. Они ссылаются на то, что рабочие требуют дать отпор немецким интервентам. А Ленин вновь и вновь призывает пойти на мир. Почему? Потому что он исходит не из сиюминутных, а коренных интересов. Это — интересы рабочего класса как целого, интересы революции, судьбы социализма. Чтобы отстоять их, надо было получить передышку, а затем идти дальше. Но тогда столь глубокое понимание было далеко не у всех. Только потом легко было сказать твердо и однозначно: Ленин прав. А был прав потому, что руководствовался коренными интересами, смотрел далеко вперед, не ставил преходящее выше основного. И революция была спасена.

Так и с перестройкой. Она отвечает коренным интересам советских людей. Она призвана выдвинуть общество на новые рубежи, обеспечить достижение нового его качества. Кое от чего придется и отказаться, чем-то и поступиться. Пойти на это не просто. На глазах рушатся сложившиеся привычки и представления. Нечто привычное уходит из жизни — вот и возникает протест. Консерватизм уступать не хочет. Но все это преодолимо и должно быть преодолено во имя долговременных интересов общества и каждого человека.

С вопросом о соотношении сиюминутных и долговременных интересов мы столкнулись вплотную при введении государственной приемки. Чтобы добиться повышения качества продукции, мы ввели независимый контроль за соответствием выпускаемой продукции существующим стандартам. На первых порах многие рабочие потеряли в заработках. Но повышение качества необходимо обществу, и рабочие отнеслись к этому с понимани-

ем. С их стороны не было протестов. Наоборот, рабочие говорят: «Стыдно получать незаработанное!» Но одновременно рабочие требуют такого же подхода со стороны хозяйственных руководителей, инженерно-технического персонала. Так что госприемка стала хорошей школой перестройки. Многое она обнажила: каково отношение разных людей к делу, каковы человеческие резервы перестройки. Госприемка стала как бы лакмусовой бумажкой, подтвердившей еще раз, что советский рабочий класс в целом всей душой за перестройку и готов двигать ее, на деле реализуя свою роль ведущего класса социалистического общества.

С перестройкой, как и со всякой революцией, нельзя играть. Тут нужно идти до конца, добиваться успехов буквально каждый день, чтобы массы чувствовали на себе ее результаты, чтобы ее маховик набирал обороты, чтобы нарастала скорость движения, подъема — и в материальном, и в духовном смысле.

Называя осуществляемые нами меры революционными, мы имеем в виду их глубокий, радикальный, бескомпромиссный характер — то, что они охватывают все общество сверху донизу, от базиса, от отношений собственности до надстройки, все сферы жизни, причем охватывают комплексно, в их целостности. Это не подкрашивание, не подчистка тех или иных болячек или пятен на нашем общественном организме, а полное его оздоровление и обновление.

В революционном процессе, как известно, безусловное первенство принадлежит политике. Так и в перестройке. Приоритетное значение имеют меры политического характера, задачи широкой демократизации на деле, а не на словах, беспощадная война с бюрократизмом и беззаконием, активное вовлечение масс в управление делами страны. Все это имеет прямое отношение к основному вопросу всякой революции — вопросу о власти.

Разумеется, Советскую власть мы менять не собираемся, от ее принципиальных основ отступать не будем. Но изменения необходимы, причем такие, которые укрепляют социализм, делают его политически богаче и динамичнее. В этом плане мы вправе по-крупному, принципиально оценивать нашу программу всесторонней

демократизации советского общества как программу перемен в существующей политической системе.

Вот почему для успеха перестройки столь необходимо повернуть всю нашу работу к политическим задачам и политическим методам руководства. И самое главное в деятельности партийных организаций и партийных кадров — это политическая работа с людьми, политическое просвещение и активизация трудящихся. Снова остро актуален первозданный смысл понятия «социализм» — прежде всего как идейного и политического движения масс. Движения, которое идет с низов, из народных глубин, которое сильно в первую очередь сознательностью и активностью человека.

Революция — явление беспримерное. Беспримерной, революционной должна быть и наша повседневная деятельность — такой, как и полагается в революции. В условиях перестройки представление о настоящем партийном руководителе особенно близко к ленинскому идеалу революционера-большевика. Несовместимы с этим образом черты чиновничьи, бюрократические, вельможные, карьеристские. И в большом почете смелость, инициатива, высокая идейность, нравственная чистота, постоянная потребность общаться с людьми, умение по-бойцовски отстаивать гуманистические ценности социализма. Революционная обстановка требует энтузиазма, самоотдачи, самозабвения, особенно от руководителей. До этого нам пока далеко. Еще немало таких, кто пребывает «в состоянии эволюции», а проще сказать — выжидает.

«Революция сверху»? Партия и перестройка

Есть такое выражение в исторической науке, да и в политическом обиходе: «революция сверху». И событий такого рода в истории было немало. Только не надо их путать с государственными, дворцовыми переворотами. Имеются в виду глубокие, революционные по сути преобразования, которые осуществляются по инициативе самой власти, хотя и становятся необходимыми в результате объективного изменения ситуации и настроений в обществе.

Вроде бы и нашу нынешнюю перестройку можно назвать «революцией сверху». Верно, что перестройка началась по инициативе Коммунистической партии и

идет под ее руководством. Партия нашла в себе мужество и силы для выработки новой политики, сумела возглавить и развернуть процесс обновления общества. И начала она с себя, с самоочищения. Об этом мне пришлось откровенно сказать на встрече с партийным активом в Хабаровске летом 1986 года. Начинать надо с себя. Каждому брать на себя ответственность — и в Политбюро, и на местах, и в первичных организациях. Поочиститься надо всем, а у кого не получится — помочь. Главное — все делать по совести. Ведь кое к чему мы попривыкли в обстановке отсутствия гласности. Это касается и простых людей, и должностных лиц.

Это не значит, что надо заигрывать с людьми, как это бывает в некоторых странах в период избирательной кампании. Наш народ этого не любит. Надо говорить людям правду, не бояться своего народа. Гласность — это атрибут социализма. Но не перевелись еще лица, в том числе руководители, которые рекомендуют для всех социалистическую мораль, а для себя — некий суррогат, то есть то, что для него лично подходит. Так не пойдет.

В общем, с партии, с ее руководства и была начата перестройка. Мы пошли как бы от вершины пирамиды к ее основанию. И все же формула «революция сверху» не вполне подходит для нашей перестройки, по крайней мере, требует существенных оговорок. Да, инициатором перестройки было руководство партии, ее программа разрабатывалась и принималась в высших партийных и государственных органах. Правильно, что перестройка — не стихийный, а направляемый процесс. Но это лишь одна сторона дела.

Перестройка не была бы подлинно революционным делом, не приобрела бы нынешнего размаха, не имела бы прочных шансов на успех, если бы в ней не слились воедино, не сомкнулись инициатива верхов и широкое массовое движение снизу. Если бы в ней не были выражены коренные перспективные интересы всех трудящихся. Если бы массы не увидели в ней свою программу, ответ на собственные раздумья, признание собственных назревших требований, наболевших выводов. Если бы народ не поддержал ее столь горячо и действенно.

Сам характер перестройки предполагает, что она должна происходить на каждом рабочем месте, в каждом трудовом коллективе, во всей системе управления, в партийных, государственных органах, включая Политбюро и правительство. Перестройка касается всех — от рядового коммуниста до секретаря ЦК, от рабочего до министра, от инженера до академика. Она может быть доведена до конца, лишь став общенародным делом. Но в любом случае каждый должен делать свое дело честно, добросовестно, с полной отдачей сил и знаний. При таком движении постепенно затрагиваются, вовлекаются в перестройку все более широкие слои народа.

Когда предлагается серьезный, продуманный подход, то он непременно встретит понимание и поддержку со стороны трудящихся. Мы в последние годы стараемся действовать именно так. Может быть, еще не до конца осознали, выяснили для самих себя и показали народу всю сложность обстановки, в которой оказалась страна, и что предстоит сделать. Но главное сказали и в ответ получили одобрение и поддержку.

Слабости и непоследовательность всех известных «революций сверху» как раз и объясняются нехваткой такого подпора снизу, согласия и единодействия с массами. А раз всего этого не хватало, значит, требовался больший или меньший насильственный нажим сверху вниз. В результате возникали деформации в ходе преобразований, отсюда и их высокая социально-политическая и нравственная «цена».

Своеобразие и сила перестройки в том, что это одновременно революция «сверху» и «снизу». В этом одна из самых надежных гарантий ее успеха, ее необратимости. Мы будем решительно добиваться того, чтобы массы, «низы» получили все свои демократические права и научились ими пользоваться — привычно, компетентно, ответственно. Жизнь наглядно подтверждает, что на крутых поворотах истории, в революционной обстановке народ демонстрирует удивительную способность слушать, понимать и откликаться, если ему говорят правду. Даже в самые трудные моменты после Октябрьской революции и во время гражданской войны Ленин поступал именно так, шел к трудящимся и откровенно

говорил с ними. Поэтому так важно для перестройки поддерживать высокий тонус политической и трудовой энергии масс.

На Западе часто говорят, что перестройка встретится с трудностями, а это, мол, вызовет недовольство трудящихся. Что сказать на этот счет? Трудности в таком большом деле, конечно, будут. И если мы столкнемся с проявлениями законного недовольства или протеста, то будем серьезно разбираться прежде всего в причинах таких явлений. Административный раж здесь не поможет. Органам власти, общественным и хозяйственным организациям придется учиться работать так, чтобы не давать поводов для такого рода выступлений, заранее, своевременно снимать вопросы, которые могут вызвать подобную реакцию. Известно: если власти не решают какие-то волнующие проблемы, то народ пытается сделать это сам. Если люди говорят и говорят на собраниях, пишут в газеты, обращаются в руководящие инстанции, а все это пропускается мимо ушей, вот тогда-то и возникают непривычные для нас действия снизу. За ними — упущения в работе.

Критерий тут один: все, что укрепляет социализм,— ко всему этому мы будем прислушиваться, со всем этим будем считаться. А с чуждыми социализму тенденциями будем бороться, но, повторяю, в рамках демократического процесса.

Не играть в революционность, не увлекаться, не суетиться и не злоупотреблять административными методами — один из принципов подлинной, ленинской революционности.

Когда спрашивают, не слишком ли круто мы заворачиваем, мы отвечаем: нет. Разумной альтернативы революционной, динамичной перестройке не существует. Альтернатива ей — консервация застоя. От успеха перестройки зависят судьбы социализма, зависят и судьбы мира. Ставка слишком велика. Время диктует нам революционный выбор — и мы его сделали. От перестройки мы не отступим и доведем ее до конца.

Дж. Картер, с которым мы встречались летом 1987 года, меня спросил: «Уверены ли Вы в успехе Ваших усилий по осуществлению экономических и политических реформ в Советском Союзе?»

Я ему ответил буквально следующее: «Мы начали большое, трудное дело в политической, экономической, социальной, духовной областях. Перестройка затрагивает все слои общества. Дело это нелегкое. Мы прошли определенные, может быть, самые важные начальные ступени перестройки. Мы предложили политику перемен и видим, что она одобрена обществом. И она осуществляется. Конечно, возникает много проблем.

На Западе сразу заговорили о какой-то оппозиции. Но это несерьезно. Мы взялись за большую перестройку. Меняем подходы, мышление, весь образ, уклад жизни, стереотипы. Атмосфера в обществе очень изменилась. Оно пришло в движение. Мы получаем большую поддержку и, опираясь на нее, двигаем дело дальше. Если бы мы не были уверены в правильности этой политики, я и мои товарищи не предлагали бы ее.

Теперь у нас есть опыт двух лет, опыт практического осуществления этой политики. Значительно возросла уверенность в правильности того, что мы делаем. Будем идти этой дорогой, как бы ни было трудно. Конечно, на этом пути будут этапы. Одних целей достигнем уже в ближайшее время. Другие задачи потребуют нескольких лет. Есть и отдаленные цели. Будем идти вперед».

Советские люди убеждены: в результате перестройки, демократизации страна станет богаче и сильнее. Жизнь будет лучше. На пути перестройки, повторяю, есть и будут трудности, подчас немалые, мы этого не скрываем. Но мы с ними справимся. Мы в этом уверены.

Глава II

ПЕРЕСТРОЙКА НАЧАЛАСЬ. ПЕРВЫЕ ВЫВОДЫ

Прошло два с половиной года с тех пор, как взят курс на перестройку. Имеется ее теоретическая концепция и конкретная программа, которые непрерывно развиваются, уточняются, обогащаются новыми подходами и идеями. Это требует напряженных творческих усилий руководства партии и государства, глубоких дискуссий. Прошел XXVII съезд КПСС и несколько пленумов Центрального Комитета. Проблемы, ход перестройки горячо обсуждаются во всех слоях советского общества. Программа перестройки уже воплощена в серии государственных, законодательных актов, одобренных Верховным Советом СССР.

Одновременно идет каждодневная практическая работа по реализации стратегии перестройки. Мы имеем определенный — пусть еще ограниченный — опыт. Есть первые обнадеживающие результаты, но не обошлось и без упущений и просчетов. Теперь мы лучше видим свои возможности и слабости. Мы и сейчас считаем, что находимся на самом начальном этапе. Тем не менее перестройка вошла в нашу жизнь, втянув в свою орбиту широкие массы граждан. В этом смысле она уже реальность.

I. ОБЩЕСТВО ПРИШЛО В ДВИЖЕНИЕ

Как все начиналось

Когда мы говорим о сделанном за два с половиной года, обычно имеем в виду и предсъездовское, и послесъездовское время.

Съезды КПСС занимают особое место в нашей истории: это как бы вехи на нашем пути. XXVII съезд в силу многих причин призван был дать ответы на самые

жгучие вопросы жизни советского общества. Сроки его были предопределены действовавшим Уставом партии, шла подготовка новой редакции Программы партии, изменений в ее Уставе, разрабатывались планы на двенадцатую пятилетку и на период до 2000 года. Сложность состояла в том, что политические установки к съезду начали формироваться в одних условиях, но жизнь круто изменилась после мартовского и апрельского Пленумов ЦК КПСС 1985 года. Начались новые процессы и в самой партии, и в обществе в целом.

Процесс осознания, освоения идей апрельского Пленума, скажу прямо, был непростой. Новые мысли рождались в дискуссиях, которые шли на всех уровнях — и в Политбюро, и в ЦК, и в низовых партийных организациях, в научных кругах и трудовых коллективах. Оживленное обсуждение, а подчас и полемика развернулись в средствах массовой информации. Началось критическое осмысление и прошлого страны. Заинтересованное участие в этом принимали тысячи людей — рабочие, крестьяне, интеллигенты — в разных формах, в том числе на собраниях коллективов, в печати, в письмах, где содержались и критика, и предложения в высшие партийные и государственные органы. По многим конкретным проблемам высказывались различные, а порой противоположные точки зрения. Оживленно и заинтересованно развернулись поиски путей выхода из создавшегося положения. Такой плюрализм мнений мы считаем естественным и полезным. Стало ясно, что XXVII съезд должен готовиться на новых подходах, хотя до предполагаемого срока его проведения оставалось меньше года.

Конечно, можно было бы отложить съезд. И такое мнение настойчиво высказывалось, приводились убедительные доводы. Но за этим чувствовались подходы застойного периода, которыми все мы оказались поражены. В конце концов возобладала, на мой взгляд, наиболее отвечающая ситуации точка зрения: проводить съезд в уставные сроки и включить в его подготовку все здоровые силы общества.

XXVII съезд принял крупные решения, имеющие огромное значение для судеб страны. На нем были сформулированы основные направления деятельности пар-

тии по реализации выдвинутой апрельским Пленумом ЦК концепции ускорения социально-экономического развития. Да, это был съезд, делегаты которого принесли с собой не только свое беспокойство, правду, но и мысли, планы и решимость дать новый мощный импульс развитию социализма.

Это был мужественный съезд. Мы открыто сказали о недостатках, ошибках и трудностях. Особое внимание обратили на неиспользованные возможности, которыми располагает социализм. На съезде был принят развернутый план действий на перспективу. XXVII съезд стал съездом стратегических решений.

Но тогда мы еще не смогли или не сумели понять в полном объеме всю остроту и масштабы происходящих процессов и назревших проблем. Теперь мы видим их лучше. И ясно, что надо было решительно продолжать работу, начатую в предсъездовский период и на самом съезде, и одновременно углублять изучение общества, в котором живем. А для этого — вернуться к истокам, корням, острее оценить прошлое, определить, что и как предстоит сделать в первую очередь. Не поняв этого, можно было и заблудиться в пути.

Даже спустя год после съезда в разных слоях общества, да и в самой партии некоторые продолжали думать, что курс на перестройку — не долговременная политика, а очередная кампания. На местах многие руководители различных уровней, что называется, осаживали активных сторонников перестройки, предостерегающе уговаривая «не в меру» требовательных энтузиастов: подождите, товарищи, не суетитесь понапрасну, через годик-другой все уляжется. Они искренне были убеждены, что все вернется на круги своя, как это неоднократно бывало раньше. Нашлись и доморощенные скептики, которые посмеивались в служебных коридорах: бывали, дескать, разные времена, переживем и эти. В обществе нарастало беспокойство за судьбу перестройки: а не вернется ли все в старую колею?

На январском Пленуме мы самокритично проанализировали причины сложной и противоречивой ситуации. Не стремились к тому, чтобы только критиковать прошлое, назвать поименно того или другого деятеля. Разве все дело в том, чтобы непременно назвать кого-то?

Нужны были оценки явлений, анализ процессов, выявление тенденций. И мы старались это сделать. Убежден: если бы январский Пленум ограничился критикой прошлого и личностей, он не выполнил бы своей роли.

Уроки и критика нужны нам не для сведения счетов, а для дня сегодняшнего и дня завтрашнего.

Если бы на январском Пленуме мы не предложили конструктивную программу действий, не сказали главного — что надо делать, какие включить дополнительные силы, чтобы преодолеть механизм торможения, как создать эффективный механизм ускорения,— тогда было бы топтание на месте. Если бы Пленум не указал направления, куда надлежит идти, если бы не предложил демократизацию как главную движущую силу перестройки, то такой Пленум был бы просто не нужен.

Главный замысел январского Пленума — и с точки зрения того, как решить задачи перестройки, и с точки зрения того, как уберечь общество от повторения ошибок прошлого,— развитие демократии. Это — основная гарантия необратимости перестройки. Чем больше социалистической демократии, тем больше социализма. Таково наше твердое убеждение, и мы стоим на этом.

Мы будем развивать демократию и в экономике, и в политике, и в самой партии. Живое творчество масс — решающая сила перестройки. Другой, более могучей силы нет.

Прошедшие месяцы подтверждают: правильно мы поступили на январском Пленуме. У нашего поколения задача громадная — перестроить страну. Всего, может, и не сделаем, но продвинуть процесс ускорения успеем. Заложим фундамент. Уверен, дорогой перестройки пойдет все общество.

Однако даже тогда, когда будет отработан новейший демократический механизм и будут полностью задействованы нравственные рычаги, задача не упростится. Более того, работы, думаю, прибавится, и будет она все сложней. Ясно, что еще придется не раз менять формы и методы, потому что работать предстоит в новых условиях — и политических, и экономических, и нравственно-духовных.

Маховик перестройки набирает обороты

Надеюсь, мне удалось показать, что советское общество пришло в движение и остановить это движение нельзя. Но мы противники нереальных ожиданий. Кое-кто надеется, что все изменится само собой и сразу, без особых усилий. Немало людей думает таким образом: пришли новые руководители, сели в кресла — и все теперь переменится, все будет хорошо. Если кто думает, что дело уже пошло, как телега под горку,— нет! Мы еще в гору ее тянем. И надо еще тянуть и тянуть этот воз. Раскручивать и раскручивать маховик перестройки.

Перестройка только-только начинается... Это факт. Мы лишь формируем механизм ускорения. До последнего времени больше познавали, что к чему, искали подходы, собирали идеи и рекомендации. Вперед надо идти всем вместе. Другой вопрос, что у разных людей разный уровень понимания самой перестройки и своей роли в ней. Как я уже говорил, прямых, откровенных противников перестройки не так уж много.

Есть, однако, такие люди, которые поддерживают нововведения, но считают, что перестраиваться обязаны не они, а где-то там наверху, кто-то иной — партийные, государственные, хозяйственные органы, другие отрасли, смежные предприятия, соседи по цеху, ферме или стройплощадке. Короче, все, но не они сами. В беседе с рабочими крупного рижского завода ВЭФ во время посещения Латвийской ССР я счел нужным сказать: трудности трудностями, но если вы будете только интересоваться, что там «наверху», а не включать собственные резервы,— перестройка будет пробуксовывать, затормаживаться, окажется половинчатой.

Есть и определенная часть людей, которые не знают, как работать по-новому, и не умеют работать в условиях перестройки. Их надо учить. Им надо помочь.

Есть неповоротливость, есть инерция. Не преодолена привычка по всякому поводу ждать указаний сверху, уповать на решения самых высоких инстанций. Удивляться не приходится: так было заведено — от мастерских до министерств. Это сказывается и теперь. Даже в верхних эшелонах управления. Дело в том, что долгие годы люди отучались мыслить и действовать ответственно, самостоятельно. В этом — тоже большая трудность.

Главная задача — включить в перестройку все общество. Социализм в нашем обществе развивается на своей собственной базе. Мы не ставим так вопрос, будто перестройку надо вести с другим народом, с другой партией, с другой наукой, с другой литературой и так далее. Нет. Мы ведем перестройку все вместе, всем миром. Весь интеллектуальный потенциал надо привести в действие. По себе вижу, как все мы меняемся в ходе перестройки. И будет несправедливым отказать кому-либо в праве перестраиваться, действовать сегодня иначе, чем вчера, исходить сегодня из осознания той ситуации, тех целей, которые выдвинуло время.

У нас нет «готовых рецептов»

Политика — искусство возможного. За пределами возможного начинается авантюра. Именно поэтому мы тщательно, трезво оцениваем возможности и с учетом этого намечаем свои задачи. Наученные горьким опытом, не забегаем вперед на избранном пути, учитываем очевидные реалии своей страны.

Самая большая трудность на пути перестройки кроется в нашем мышлении, которое сформировалось в прежние годы. Надо нам всем, начиная с Генерального секретаря и до рабочего, менять это мышление. И это понятно: многие из нас сформировались и жили в условиях, когда действовали старые порядки. Необходимо преодолеть консерватизм в самих себе. Да, большинство придерживается правильных политических и идеологических принципов. Но от правильной позиции до ее реализации дистанция немалая.

Бывает, что даже во время обсуждения вопросов в Политбюро выводы вроде бы делаем обоснованные, решения принимаем новаторские, а как только заговорим о методах претворения их в жизнь, то, оказывается, собираемся новые задачи решать прежними методами.

В политике, идеологии мы стремимся возродить живой дух ленинизма. Многие десятилетия пребывания во власти догм, почерпнутых из начетнических учебников, сделали свое дело. Сейчас хотим внести подлинно творческий дух в нашу теоретическую работу. Сделать это нелегко, но необходимо. И, как кажется, творческая мысль крепнет.

Гарантированы ли мы от ошибок? Нет, не гарантированы. Какая же из них может быть самой серьезной? На мой взгляд, самая большая ошибка — это боязнь сделать ошибку, если остановиться и ничего не делать. Эту ошибку «ничегонеделания» знаем по собственному опыту. От нее многие наши беды. Наши противники на Западе подметили эту болезнь, особенно сильно обнажившуюся на рубеже 70—80-х годов, и уже начали было готовиться отправить Советский Союз на «свалку истории». Но с реквиемом явно поторопились.

Меня радует, что и в партии, и в обществе в целом формируется понимание: мы начали **беспрецедентное** дело — политического, экономического, социального, идеологического порядка. Но если мы хотим воплотить все задуманное в жизнь, то мы должны вести и **беспрецедентную** политическую, экономическую, социальную, идеологическую работу — и во внутренней, и во внешней сферах. На нас прежде всего лежит и **беспрецедентная** ответственность. И мы отдаем себе отчет в необходимости масштабной и смелой работы, особенно на первом этапе.

Много сейчас непривычного в нашей стране: скажем, выборы руководителей предприятий и учреждений; многомандатные округа по выборам в Советы; совместные с иностранными фирмами предприятия; самофинансирование заводов и фабрик, совхозов, колхозов; снятие ограничений с подсобных хозяйств, производящих продовольственную продукцию для своих предприятий; расширение кооперативной деятельности; поощрение индивидуальной трудовой деятельности в мелком производстве и торговле; закрытие нерентабельных заводов и фабрик, неэффективно работающих научных институтов и высших учебных заведений. Острее действует печать, проникая во все сферы жизни общества, осваивая ранее «запретные» темы, становятся богаче и разнообразнее точки зрения, излагаемые публично, открыто ведется полемика по всем жизненным вопросам нашего развития, нашей перестройки. Все это естественно и необходимо. Хотя дается и воспринимается не без труда — и в общественном мнении, и в партийной среде.

Я не думаю, что минувшие два с половиной года — самый тяжелый период из тех, что были в истории

КПСС, но все-таки это был один из серьезнейших моментов, когда потребовалась высокая ответственность, зрелость и верность идеалам, программным целям. Устраивает нас та или иная тенденция или нет, стараемся смотреть на дело взвешенно и реально. Только так можно предложить народу такую политику, выдвинуть такие цели, которые были бы понятны массам, убеждали их, вели вперед.

Конечно, у нас и в руководстве были оттенки во мнениях относительно того, как преодолеть застойные явления и как работать дальше. И в этом нет ничего удивительного. Напротив, было бы, по меньшей мере, странно, если бы этих оттенков вообще не было, а все мыслили и высказывались абсолютно одинаково. Столкновение мнений — хорошая пища для размышлений. Но в главном мы едины — едины в том, что перестройка необходима, неизбежна, что другого пути у нас нет.

Весь советский народ, вся партия, в том числе Центральный Комитет и его Политбюро, правительство находятся в процессе перестройки. В революционной работе мы, члены Политбюро, набираемся опыта при решении возникших перед обществом проблем. То же происходит и в республиках, областях, трудовых коллективах, участвующих в перестройке. Решая новые задачи, вся страна проходит испытание перестройкой. И главное — атмосфера в обществе изменилась. Идет процесс высвобождения социальной и политической активности советских людей. Люди стали смелее. Решительнее стала проявляться их гражданская позиция. За предыдущие годы накопилось много такого, о чем они хотят сказать не таясь.

Новизна непривычной ситуации нарастает. Если бы в апреле 1985 года нам сказали: через два года у вас будет то-то и то-то, то есть то, что происходит сегодня в жизни, мы бы, скорее всего, не поверили и даже сочли бы, что это неприемлемо. А что получилось? А то, по поводу чего еще год назад мы, безусловно, заняли бы негативную позицию или дали бы уклончивый ответ, становится сегодня не только привычным предметом обсуждения, но и вполне естественным компонентом повседневной действительности. Общество меняется, оно все пришло в движение.

Сейчас мы переживаем необыкновенный период. Люди старшего поколения сравнивают нынешнюю революционную атмосферу в стране с обстановкой первых послеоктябрьских лет, со временем Великой Отечественной войны. А мое поколение может провести параллель с периодом послевоенного возрождения страны из разрухи. Теперь мы много трезвее, куда реалистичнее. Тем более ценны и плодотворны энтузиазм, революционная самоотверженность, которые все больше характеризуют политическое настроение советских людей.

На июньском Пленуме ЦК 1987 года я говорил об опасности несоответствия между растущей активностью масс и еще живучими прежними методами и стилем деятельности органов власти, аппаратов управления, даже партийных организаций. Мы принимаем решительные меры для преодоления этого противоречия.

Однако на эту ситуацию можно взглянуть и под другим углом зрения. Было бы куда хуже, если бы главным источником трудностей перестройки была пассивность масс, их отставание от запросов перестройки. Но это, к счастью, не так. Требовательность трудящихся, их напор продолжают нарастать и даже обгоняют реальный темп перестройки.

Для советского руководства важнейшим средством «обратной связи» с массами стали непосредственное общение с гражданами и их письма. Письма идут в газеты и журналы (много их публикуется), в правительство, в Верховный Совет. Особенно много — в Центральный Комитет партии.

И что характерно. Раньше тоже много писали в разные инстанции. Но теперь изменился сам характер писем. В них реже обращаются, что называется, «по личному вопросу»: помочь с квартирой, с пенсией, выручить неправильно осужденного, восстановить на работе и т. п. Хотя и это тоже есть. Но не в этом теперь главное содержание писем. Основное в них — размышления и заботы о судьбах страны. Будто прорвалось наболевшее за многие годы молчания и отчужденности. Новая обстановка позволяет людям открываться. И они хотят поделиться своими думами, идеями и болью ни с кем другим, а с руководителями страны. Некоторые письма — просто крик души. Издатели, ознакомившись с

рукописью книги, попросили меня процитировать наиболее характерные из них. Делаю это. Вот выдержки из письма рабочего А. Зернова (33 года), живущего в Якутской автономной республике.

«Я не являюсь членом КПСС, но считаю своим долгом написать Вам письмо с выражением искренней благодарности за то, что Вы разбудили в нас, простых тружениках, гражданские чувства. Народ ждал этих перемен...

Скажу откровенно. Сначала многие с недоверием встретили общее направление перестройки. И не потому, что оно противоречило нашим желаниям. Совсем нет. Люди имели горький опыт убеждаться в расхождении правильных громких слов с действительностью. Но в скором времени мы увидели, что перестройка — не кратковременная кампания, а исторически необходимый процесс. И самое главное, заметили, что она касается всех сфер жизни нашего общества.

Жить стало намного интереснее. Люди искренне стали интересоваться положением дел в стране, стали вносить предложения по улучшению работы, выступать с критическими замечаниями. Уже стихийно возникают в коллективах дискуссии по «больным» вопросам производства, обсуждаются пути их решения. Стыдно за качество нашей продукции! Ведь мы сами себя обкрадываем...

Спасибо Вам! Неловко писать незнакомому человеку слова с выражением глубокой признательности. Но не стыдимся же мы благодарить врача, вылечившего нас от тяжелой болезни. Вы вылечили нас от гражданской пассивности, равнодушия, заставили поверить в собственные силы, в справедливость, в демократию... Ведь раньше далеко не все серьезно относились к пленумам ЦК КПСС, даже к съездам партии. А теперь даже мой семилетний сын всегда зовет к телевизору: «Папа, иди скорее, Михаил Сергеевич говорит!»

Будущее за нами! А что до ошибок, то от них никто не застрахован. Нам, первопроходцам, не у кого было учиться, поэтому учимся на своих ошибках».

Вот письмо из Литвы, написанное В. Бриковскисом после январского Пленума ЦК КПСС 1987 года. «Сердце настолько переполнено впечатлениями, что молчать

просто-напросто невозможно. После стольких лет мы в руководстве партией и государством впервые увидели людей с человеческими лицами. Уже одно это великое достижение.

Что думают и как принимают люди Вашу политику?

Не буду врать Вам, уважаемый Михаил Сергеевич, так как это может повредить общему делу. Скажу чистую правду.

О привилегированном слое населения говорить не буду. И так все ясно. Многие хотели бы, как в наркотическом сне, продолжать плыть по течению молочных рек, мимо кисельных берегов.

Речь пойдет о пролетарском народе. О тех, для кого эта перестройка задумана. К сожалению, у многих еще нет по-настоящему глубокого понимания Вашей политики и веры в нее. Но это не должно казаться неожиданным. После такой страшной, затяжной «зимы» трудно ждать, что мозги быстро оттают. Это будет долгим и мучительным процессом.

Но в результате все будет хорошо.

Я искренне верующий католик. Каждое воскресенье я посещаю костел и молюсь, чтобы бог воздержался от наказания мира за наши грехи. Вы, конечно, атеист, но, несмотря на это, Ваши дела и поступки говорят о том, что некоторым верующим надо поучиться у Вас. И поэтому знайте, что я, находясь каждое воскресенье в костеле с 9 до 13 часов, буду молиться богу и за Вас, и за Вашу семью».

Письмо Б. Добровольского, учителя из города Кишинева: «Мы — молодежь сегодняшнего дня. Нам продолжать дело Ленина, великие дела советского народа. Труд Ваш могуч. Давайте сделаем так, чтоб он не стал сизифовым! Не обижайтесь на меня за тон письма — он идет только от большой сердечной боли за непонимание некоторыми людьми последних постановлений партии и личного Вашего общения с народом. Сразу оговорюсь: я — «за»! За встречи с трудящимися, за честный и откровенный разговор о наболевшем, о трудностях и т. д., но только с тем чтобы разговоры завершались делами. Но не все понимают и принимают Ваш ленинский стиль работы: работы среди людей,

работы для людей, работы во имя людей! И вот из-за этого порой приходится спорить до хрипоты.

Многие (я говорю о поколениях 30—50-х годов рождения) очень закостенели. Не боюсь сказать прямо: закостенели! То есть на словах да на митингах все они (теперь уже маленькие и большие начальники) — «за». Они — «ЗА»! За что? За все! За обновление, за перестройку, за, за, за... Даешь! Только что рубаху на груди не рвут. А на деле?.. Фальшь. Пробовал выяснить — почему? Почему вы не верите человеку, который жизни, здоровья, нервов своих не жалеет ради нас всех? Думаете, легко разбудить многомиллионную страну, которую баюкали десятилетиями? Думаете, легко поднять инициативу, когда многие само значение этого слова ищут в толковых словарях? Да просто ли нас всех расшевелить?! Каждого?..

Я веду с Вами очень честный и очень принципиальный разговор. В своем лице я выражаю мысли и чаяния целого поколения советской молодежи, получившей высшее образование».

Письмо Г. Варданяна, живущего в Грузии: «Михаил Сергеевич, возможно, Вы помните меня. Как-то, еще работая в Ставропольском крае, Вы проводили совещание с теми, кто первым начал внедрять аккордно-премиальную систему оплаты труда и бригадный подряд у механизаторов. Я тогда работал главным экономистом в колхозе «Путь к коммунизму» Александровского района. Со мной Вы говорили долго, расспрашивали обо всем — о жизни, о настроении, как работается...

Сейчас каждая Ваша инициатива как во внешней, так и во внутренней политике воодушевляет меня, всех честных людей, потому что эти инициативы созвучны нашим сердцам, нашим заботам. Больно, но, однако, должен сказать, что не все люди согласны с Вами.

Сказать, что они виноваты, я затрудняюсь. Выскажусь с предельной откровенностью, которая Вам особенно нравится. Беда в том, что местные вожаки сформировались по образу и подобию прежних вождей. Теперь их перевоспитать очень непросто.

Мы чувствуем, что Вам работается трудно. Однако умоляем: ни шагу назад! Никаких передумок и даже малейших отступлений. Черт с ними, с теми, кто с Вами

не согласен. Зато народ ликует и готов идти на самопожертвование ради достижения тех целей, к которым зовете Вы. Вот об этом и хотел написать».

Наконец, письмо ленинградки К. Ласты: «Все мы, помогая Вам, должны бороться с любым проявлением ненавистного старого: бюрократизмом, коррупцией, конформизмом, лизоблюдством и т. д. В том числе со страхом перед власть предержащими. Сейчас это — долг каждого, кто не хочет возвращения к старому. И еще долг каждого — работать на своем месте так, как это делаете Вы, не жалея сил. Ведь любому ясно, сколько энергии, времени, душевных сил, здоровья, наконец, берет у Вас колоссальное, нечеловеческое бремя, которое Вы взвалили на себя. Строить всегда трудно, но вдвойне труднее строить на месте, которое нужно предварительно расчистить от грязи. Может быть, Вам будет хоть немного легче, если Вы будете знать, что огромная масса простых людей целиком за Вас, что они Вас любят и болеют за Вас».

Письма можно цитировать бесконечно. Не хватило бы объема всей этой книги. Во многих из них авторы сообщают, как у них на месте — на фабрике, в колхозе, на стройке, в учреждении — началась или... не началась перестройка, что они делают, чтобы включиться в нее, анализируют конкретные и общие причины трудностей на ее пути.

Письма эти — а их тысячи и тысячи — свидетельство огромного доверия к руководству партии и государства. Возрождение доверия! А это — великая сила, бесценный капитал. В письмах поражают раскованность мысли, высокая политическая культура, стремление жить и работать по совести.

Письма, собрав их вместе, мы периодически обсуждаем на Политбюро. Это помогает руководству страны держать руку на пульсе событий, правильно оценивать свою политику и корректировать ее, вырабатывать современные методы практической деятельности.

Общий знаменатель содержания писем — безусловная, страстная поддержка перестройки. Даже острые, критические суждения проникнуты желанием ей помочь. Одновременно, как читатель, наверное, заметил даже из того, что я процитировал, в них звучит

и тревога — не постигла бы перестройку судьба реформ 50—60-х годов, не начала бы она угасать. Люди требуют от нас: не отступать! Ни шагу назад! Смелее, решительнее и только вперед!

В общем, нужно уметь не только корректировать политику в соответствии с тем, как ее воспринимают массы, как она отражается в общественном сознании, но и обеспечивать обратную связь, то есть подпитываться идеями, предложениями, советами, исходящими от народа, в том числе через прямые контакты с людьми.

К этому начинают привыкать, а поначалу были такие «сердобольные», которые предостерегали: как бы при встрече с людьми под открытым небом у Горбачева не случилось «кислородного отравления», как бы ему не наговорили чего лишнего, не поведали о том, о чем в Кремле знать не полагается. Были высказывания, да, наверное, они есть и сейчас, что непосредственные неформальные встречи — не что иное, как заигрывание с народом. На этот счет у меня другая, противоположная точка зрения. Нет более ценных советов, рекомендаций, предостережений, чем те, которые напрямую получаешь от людей.

Вообще, люди стали «открываться» на таких встречах. Раньше как было? Задаешь вопрос — стоит, помалкивает: то ли боится тебя, то ли не верит. Правда, бывало, не обходилось и без демагогии: куда, мол, смотрят в Москве? Это плохо, то нехорошо, а предложений никаких. Теперь всякий раз завязывается заинтересованный, ответственный разговор. Рабочие и крестьяне подняли голову, интеллигенция подает свой влиятельный и требовательный голос, а вот крикуны поутихли, вмешиваться в серьезный, деловой разговор остерегаются. Там же, где это происходит, их сам народ осаживает.

У меня была встреча с жителями Краснодара на Октябрьской площади осенью 1986 года. Она произвела на меня большое впечатление. Какая насыщенная получилась беседа, какие проблемы ставили люди! Я искренне порадовался, что они так истово поддерживают линию ЦК. И тогда я понял, сколько у народа горечи, как много предложений и советов хочет высказать он руководству.

На Кубани выступать я не собирался, просто приехал посмотреть, как там идут дела, увидеть своими глазами, как разворачивается важный для страны экономический эксперимент — хозяйства целого района там начали действовать в условиях самофинансирования и самоокупаемости. И вот после многочисленных бесед посчитал нужным выступить. Думаю, что сказанное, поскольку оно шло от самой жизни, оказалось полезным и для других регионов страны. Консультации и встречи с народом просто необходимы, директивными указаниями многого не добьешься.

Уже имеющийся опыт перестройки еще раз подтверждает ленинские идеи о том, что революции — великая и самая эффективная школа политического воспитания и просвещения масс.

Перестройка — это революция, причем самая мирная и демократическая. Ошибочные позиции, с которыми мы сталкиваемся и будем сталкиваться в ходе обновления общества, и даже прямое сопротивление мы будем преодолевать в рамках демократического процесса. У нас нет сколько-нибудь значительных групп населения, чьи перспективные интересы непримиримо противостояли бы перестройке.

Трудности, которые мы переживаем в процессе демократизации, во многом заложены в нас самих. Все мы — дети своего времени, определенных порядков и привычек. Поэтому и говорим, что всем нужно перестраиваться, в том числе и в Политбюро, в правительстве, в высших эшелонах руководства. Одним это удается легче и быстрее, другим трудно, третьи сами просятся на пенсию или на другую работу.

Народ освобождается от былой апатии, энергично включается в общественную жизнь. И это находит разные формы выражения. Кто-то резко выступит на собрании, а где-то организуются митинги или манифестации. Вообще-то демократический процесс не исключает подобных спонтанных проявлений общественной самодеятельности. Мы уже ушли от тех времен, когда такие вещи вызывали чиновничий страх и административные запреты. Хотя нам еще не хватает культуры дискуссий, бывает, что оратора на трибуне одергивают из президиума, а в некоторых статьях авторы сводят личные

счеты или приклеивают обидные ярлыки. Но постепенно приходит понимание: демократия несовместима с бюрократической заорганизованностью общественной жизни. Конечно, ни одно уважающее себя общество не может терпеть анархии, вседозволенности, хаоса. И мы, естественно, тоже. Демократия — это и законность, строжайшее соблюдение законов как властями, организациями, так и всеми гражданами.

Побольше света гласности!

Пожалуй, наиболее ярко новая атмосфера проявляется в широкой гласности. Мы стремимся к большей гласности во всех сферах жизни общества. Люди должны знать и хорошее, и плохое, с тем чтобы приумножать хорошее, а с плохим вести борьбу. Именно так и должно быть при социализме.

Важно видеть все, что есть позитивного, конструктивного, брать это на вооружение, делать достоянием всего народа, всей партии, использовать ростки новых подходов в условиях перестройки.

Но главное — чтобы была правда. Ленину принадлежат слова: света, больше света, пусть партия знает все! Нам, как никогда, нужно, чтобы не было темных углов, где бы опять завелась плесень, исподволь накапливалось то, с чем мы повели решительную борьбу. Поэтому — побольше света!

Гласность сегодня — неотъемлемая черта нормальной духовной и моральной атмосферы в обществе, позволяющей человеку глубже понять, что с нами было, что происходит сегодня, к чему мы стремимся, какие у нас планы, и потому помогает сознательно участвовать в перестройке.

Демократизация общественной атмосферы, продвижение по пути социально-экономических преобразований набирают ускорение во многом благодаря развитию именно гласности. Разумеется, основу этого процесса составляет политика партии. Но если политический курс не развернуть так, чтобы он был понятен массам, то дело с места не сдвинется. Массы должны знать жизнь во всех ее противоречиях и сложностях. Каковы достижения и что сдерживает развитие, мешает, сбивает с пути — обо всем этом трудящиеся должны иметь полную и достоверную информацию.

Люди, что называется, почувствовали вкус к гласности. И связано это не только с естественным желанием знать, где что происходит, кто и как работает, но и с растущей убежденностью в том, что гласность — действенная форма всенародного контроля за деятельностью всех без исключения органов управления, мощный рычаг исправления недостатков.

В связи с этим пришел в движение нравственный потенциал общества. Разум и совесть в гармоничном порыве начали отвоевывать позиции у разъедавших душу пассивности и равнодушия. Конечно, мало только знать и говорить правду, главное — поступать, действовать на основе такого знания и понимания.

К нам пришло осознание насущной необходимости научиться преодолевать застарелое расхождение между действительностью и провозглашаемой политикой. Именно этот существенный сдвиг в нравственной сфере составляет пафос и суть современной социалистической революционности в нашем обществе.

Уже начата разработка правовых актов, гарантирующих гласность. Они должны обеспечить максимальную открытость в деятельности государственных и общественных организаций, давать трудящимся реальную возможность безбоязненно высказывать свое мнение по любому вопросу общественной жизни и государственной деятельности.

Начиная перестройку, ЦК КПСС опирался на две могучие реальные силы — партийные комитеты и средства массовой информации. Я бы даже сказал, что партии, может быть, не удалось бы выйти на сегодняшний уровень обсуждения всей проблематики перестройки — а она обширна, неоднозначна, противоречива,— если бы сразу после апрельского Пленума ЦК в этот процесс активно, по-настоящему не включились средства массовой информации.

ЦК высоко ценит их вклад в перестройку. Почему? Потому что все идет через человека. Человек на переднем крае борьбы, через него происходит вся перестройка. Значит, его мышление, уровень его общественного сознания и гражданская позиция приобретают решающее значение.

Наше социалистическое общество, решительно двинувшееся по пути демократического обновления, крайне заинтересовано в том, чтобы каждый — будь то рабочий, колхозник, интеллигент — активно участвовал в обсуждении планов и в их реализации. Средства массовой информации играют и будут играть в этом огромную роль. Они, разумеется, не единственный канал волеизъявления народа, отражения его мнения и настроений. Но это самая представительная и массовая трибуна гласности. Партия заинтересована в том, чтобы гражданский голос уверенно звучал с этой трибуны, чтобы он не только оповещал об идущих в стране дискуссиях, но и был гарантом демократического контроля за правильностью решений, за их соответствием интересам и потребностям масс, а потом за выполнением этих решений.

Процесс демократизации, идущий в стране, не только находит отражение в публикациях, но и все больше охватывает деятельность самих средств массовой информации. Постепенно, как бы размораживаясь, включают все новые темы наши газеты, журналы, радио и телевидение. Один из признаков общего оживления прессы — предпочтение диалогических материалов монологическим формам. Отчеты и самоотчеты все больше уступают место разнообразным интервью, беседам за «круглым столом», публикациям писем читателей.

Правда, приходится встречаться с таким пристрастием средств информации: ограничивать авторский актив тремя — пятью пишущими людьми. Это не что иное, как профессиональное высокомерие. Гораздо полезнее разнообразить выступления, чтобы все общество участвовало, весь, так сказать, социалистический плюрализм присутствовал в каждом издании.

Хорошо, когда профессиональный автор говорит о своей позиции, но с каким интересом читаются беседы и интервью с рабочими, секретарями райкомов, председателями колхозов, учеными, деятелями культуры. В них живая мысль бьется. Или письма... Какие это прекрасные человеческие документы! Просто за душу берет!

В то же время оказалось, что такой стиль пришелся не всем по вкусу. Особенно тем, кто не привык,

не умеет, да и не хочет жить и работать в условиях гласности и развития критики. Именно из этой среды исходит недовольство в адрес средств массовой информации, а в ряде случаев — открытое требование приглушить гласность, обуздать ее.

Спор о том, не слишком ли много критики, нужна ли столь широкая гласность, не приведет ли демократизация к нежелательным явлениям, мы не рассматриваем как нечто негативное. В нем по-своему присутствует забота о стабильности нашего общества. Можно ведь и заболтать демократию, заболтать гласность, извратить их. Но есть люди, которые вроде бы ратуют за новое, а как доходит до дела, то обставляют развитие демократии, критики, гласности разного рода условиями, оговорками.

Будет ли ЦК КПСС продолжать линию на гласность через печать, средства массовой информации, при активном участии самих граждан — такого вопроса больше нет. Гласность нам нужна как воздух.

Хочу еще раз подчеркнуть, курс на расширение гласности, развитие критики и самокритики — не игра в демократию, а принципиальная позиция партии.

В развитии гласности мы видим способ аккумуляции самых разнообразных мнений и взглядов, отражающих интересы всех слоев и профессиональных групп советского общества. Мы не сможем двигаться вперед, если не будем через участие в критике, особенно через критику «снизу», проверять свою политику, бороться с негативными явлениями, предупреждать их. Я себе не мыслю, какая может быть без этого демократия.

Другое дело, в условиях перестройки, демократизации критерии и характер критики тоже меняются. Критика — это прежде всего ответственность, и чем она резче, тем должна быть ответственней. Ибо та или иная статья на общественную тему — это не только личностное самовыражение, не просто отражение собственных мнений, а то и комплексов или амбиций. Это — дело общественное. Процесс демократизации вносит существенные коррективы во взаимоотношения критикующих и критикуемых. Отношения должны стать партнерскими, строиться на почве общей заинтересованности. Тут более уместен диалог и совершенно неприемлемы всякого

рода снисходительные нотации, назидательность и тем более прокурорский тон. А такое еще встречается даже у высокопрофессиональных, уважаемых авторов. Ни у кого нет права на истину в последней инстанции.

Одно безусловно — критика всегда должна быть основанной на правде, а это зависит от совести автора и редактора, их чувства ответственности перед народом.

Печать призвана быть еще более действенной, не давать покоя бездельникам, корыстолюбцам, приспособленцам, зажимщикам критики, демагогам, активнее помогать тем, кто самоотверженно борется за перестройку. Многое здесь зависит от партийных комитетов на местах. Перестраивается партийный комитет — перестраивается и печать.

Особо хотел бы подчеркнуть следующее. Пресса должна объединять и мобилизовать людей, а не разъединять их, не порождать чувства обиды, неуверенности в себе. Обновление общества — это и борьба за достоинство человека, за его возвышение, его честь. Критика может быть исключительно эффективным инструментом перестройки только тогда, когда в ее основе будет полная правда и скрупулезная забота о справедливости.

В традициях нашей печати отстаивать фундаментальные ценности социализма. Любой факт — будь то сегодняшние болевые точки или некоторые горестные события исторического прошлого — может быть предметом анализа прессы. Но при этом чрезвычайно важно, какие позиции ты занимаешь, волнует ли тебя судьба народа, его будущее,— вот что главное. А то ведь бывает, иной автор вытащит на страницы газеты броский факт — острый, болевой — и давай вокруг него плясать, навязывая свои представления и привязанности.

Я так считаю: честному, открытому, прямому разговору, пусть несущему сомнения,— добро пожаловать! Если же ты примеряешь на нас кафтан с чужого плеча, тогда извини... Гласность призвана укреплять наше общество. А утверждать есть что. Сомневаться в этом могут только те, кому социалистическая демократия и наши требования ответственности мешают удовлетворять амбиции, далекие от интересов народа.

Все это, конечно, отнюдь не призыв к тому, чтобы заволочить поле критики запретительными граблями,

перейти на полуправду, отказаться от критического анализа.

Интересы углубления социалистической демократии, повышения политической культуры народа требуют полнее использовать средства массовой информации для обсуждения общественных и государственных вопросов, расширения общественного контроля, развертывания активной борьбы за усиление ответственности и укрепление дисциплины труда, соблюдение социалистической законности и правопорядка, против нарушений социальных принципов и нравственных норм советского образа жизни. Мы стремимся организовать дело так, чтобы средства массовой информации действовали как свободная, целостная и гибкая сила в масштабах всей страны, способная мобильно переключаться на освещение наиболее актуальных событий и проблем.

Гласность, критика и самокритика — это не очередная кампания. Они провозглашены и должны стать нормой советского образа жизни. Без этого никакие радикальные преобразования невозможны. Без гласности нет и быть не может демократии. А без демократии нет и быть не может современного социализма.

У нас еще немало работников, которые продолжают крайне болезненно реагировать на критику в средствах массовой информации, привносят в оценки тех или иных статей и передач личные вкусы, устарелый опыт, ложно понимаемые интересы общества, а то и просто демонстрируют свое непонимание роли печати в современном социалистическом обществе. Бывает, что пугают реакцией на ту или иную критическую статью со стороны средств западной пропаганды. Вот, мол, на Западе только и ждут нашей самокритики и поворачивают ее против нашей страны, для дискредитации социалистического образа жизни. Не знаю кого как, но меня это не пугает. Критическое переосмысление собственного опыта — признак силы, но не слабости. Именно такой подход отвечает принципам социалистической идеологии.

А бывает и другой, так сказать, «тихий» способ зажима критики или ухода от нее. Это когда иные работники на словах соглашаются с публичной критикой, даже благодарят за нее и обещают принять действенные

меры, а фактически не торопятся сделать практические выводы. Видно, рассчитывают, что все кончится разговорами, «уйдет в песок», и об их грехах больше не вспомнят. Главное для них — вовремя покаяться.

Повторю в этой связи то, что говорил на январском Пленуме: отношение к критике — это важный критерий отношения человека к перестройке, ко всему новому, что происходит в обществе.

Мы сделаем все, чтобы никому не удалось ни зажать критику, ни отболтаться от нее.

Критика — горькое лекарство. Но болезни делают его необходимым. Морщишься, но принимаешь. И не правы те товарищи, которые полагают, что критику можно дозировать по времени. Не правы и те, кто склонен считать, что явления застоя уже полностью преодолены и пора осадить назад. Сбавить критические обороты — значит навредить перестройке.

Перестройка и интеллигенция

Горячо поддержала перестройку интеллигенция. Здесь позволю себе одно отступление. Интеллигенция, преданная социалистическим ценностям, органичная часть советского общества, глубоко патриотическая по отношению к своей социалистической Родине,— это наше великое и, пожалуй, уникальное завоевание, наш бесценный духовный капитал. Непростая история у нашей интеллигенции. Значительная ее часть, в том числе демократическая, проклинавшая царский режим и даже боровшаяся против него, испугалась революции, была подхвачена волной белой эмиграции и оказалась за границей, отдав свой талант и знания другим народам. Это была большая потеря для молодого советского общества.

Большие, подчас невосполнимые потери понесла интеллигенция, в том числе партийная, большевистская, в результате нарушения социалистической законности и репрессий 30-х годов. И это тоже было серьезным ударом по интеллектуальному потенциалу страны.

Тем не менее процесс формирования советской интеллигенции продолжался и нарастал, отражая объективную закономерность развития социализма и его жизненную потребность. Ленинская культурная рево-

люция превратила полуграмотную и просто безграмотную страну в одну из самых образованных в мире.

Однако в период застоя сложилась парадоксальная ситуация: наше общество не могло должным образом использовать этот свой огромный культурный потенциал, творческие возможности. Причина опять же в том, что развитие демократии было искусственно заторможено. Не могли не сказаться всякого рода запреты, боязнь нового, творческого подхода в работе.

Вспоминаю, в июне 1986 года состоялась встреча с работниками аппарата ЦК КПСС. Посвящена она была перестройке. Мне пришлось попросить товарищей учиться работать с интеллигенцией в новом стиле. Пора перестать командовать ею. Это вредно и недопустимо. Интеллигенция приняла умом и сердцем программу демократического обновления общества.

Прошли съезды творческих союзов: кинематографистов, писателей, художников, композиторов, архитекторов, театральных деятелей, журналистов. Прошли они активно, страсти там кипели большие. Все съезды искренне поддержали перестройку. Их участники остро критиковали и себя. Критика была резкой, в результате многие бывшие руководители союзов не были избраны в руководящие органы. Но одновременно в них не попали и крикуны. В руководство союзов избраны видные, авторитетные люди.

Тем, кто находил дебаты чрезмерно бурными, я говорил: не надо ни удивляться, ни возмущаться, надо принимать эти съезды как явление хотя и новое, но нормальное. Ибо демократизация идет везде, приобретая порой острые формы. Кто-то возразил, что, мол, трудно будет работать в среде, где каждый сам себе философ, сам себе главный авторитет, каждый считает правым только себя. Мой ответ: гораздо хуже иметь дело с пассивной интеллигенцией, с равнодушием и цинизмом.

Как и во всяком сложном деле, не обходится, конечно, без эмоциональных всплесков: на крутых поворотах, в революционные времена так всегда бывало. Сейчас все мы как бы заново проходим школу демократии. Учимся. У нас еще не хватает политической культуры. Выслушать мнение даже своего друга,

товарища — и то не хватает терпения. Это все, наверное, пройдет. Будем осваивать и эту науку. Самые острые вопросы надо обсуждать, уважая друг друга. Даже в самой крайней точке зрения есть что-то ценное, рациональное, ибо человек, отстаивающий ее честно, посвоему болеющий за общее дело, отражает какие-то реальные моменты жизни. У нас это не антагонистическая борьба, это поиск, дискуссия: как нам выйти на широкую дорогу перестройки, как ускорить шаг и сделать его твердым, а движение необратимым. Поэтому не вижу никакой драмы в полемике, в сопоставлении точек зрения. Это нормально.

Среди литераторов на почве гласности действительно проявились групповые пристрастия, нетерпимость. Был момент, когда страсти среди писателей накалились. Мы довели до них точку зрения ЦК: было бы очень печально, если вместо консолидации творческой, художественной интеллигенции разгорится перебранка и ее участники начнут использовать гласность, открытость, демократизм для сведения счетов, добиваться реванша за прошлые обиды, мстить за критику. Самое плохое, если в революционное время творческая интеллигенция погрязнет в мелочах, даст волю личным амбициям, будет тратить силы не на творчество, а на никчемные перепалки. ЦК призвал литераторов: поднимайтесь выше своих эмоций, удобных привычек и стереотипов. Поднимайтесь и думайте о народе, об обществе. Пусть ответственность интеллигенции проявляется и в том, чтобы ее творческие союзы заботились прежде всего о духовном развитии общества.

У интеллигенции — большой потенциал гражданственности, и она охотно взяла на свои плечи немалую ношу перестройки. Наша творческая интеллигенция вместе с партией начала осуществлять перемены. Все сильнее проявляется ее гражданская позиция, и мы заинтересованы в такой активности, ценим то, как она включилась в работу после апреля 1985 года, ее энтузиазм и стремление помочь перестройке общества. Надеемся, что вклад интеллигенции будет нарастать. Она выходит на новый уровень мышления и ответственности. Ее ориентиры совпадают с политической линией КПСС, интересами народа.

II. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ДЕЙСТВИИ

А как складывалась перестройка в экономике?

Надо прямо сказать, что все наши усилия в изменении структуры народного хозяйства, переводе его на рельсы интенсивного развития, ускорении научно-технического прогресса стали все более упираться в необходимость радикальной реформы хозяйственного механизма, перестройки всей системы управления экономикой.

Социализм и лежащая в его основе общественная собственность заключают в себе, по сути дела, неограниченные возможности для прогрессивных экономических процессов. Но для этого надо каждый раз находить наиболее эффективные формы социалистической собственности и организации хозяйства. При этом самое главное, чтобы человек не на словах, а на деле был хозяином производства. Без этого нет и не может быть заинтересованности работника, коллективов в результатах своего труда.

Ленинская идея нахождения наиболее эффективных, современных форм соединения общественной собственности с личным интересом и лежит в основе всех наших поисков, всей нашей концепции радикальной реформы экономического управления.

Экономическая реформа. Июньский Пленум ЦК КПСС 1987 года

В осуществлении радикальной экономической реформы важно было не допустить повторения прошлых ошибок, обрекших на неудачу попытки изменить систему управления хозяйством в 50-е, в 60-е и 70-е годы. В то же время эти попытки оказались неполными и непоследовательными, поскольку делали акцент на одни вопросы и упускали из виду другие. Да и, прямо скажем, предлагавшиеся решения были нерадикальными, половинчатыми, а порой и не затрагивали сути дела.

Концепция экономической реформы, разработанная нами и вынесенная на июньский Пленум, носит, я бы

сказал, всеобъемлющий и комплексный характер, не оставляет без глубоких, кардинальных перемен ни одну сторону вопроса. Это и перевод предприятий на полный хозрасчет. Это и радикальная перестройка централизованного руководства экономикой. Это и коренное изменение планирования, реформа ценообразования, финансово-кредитного механизма, перестройка внешнеэкономических связей. Это и создание новых организационных структур управления. Это и всемерное развитие демократических основ управления, широкое внедрение самоуправленческих начал.

Но в любом сложном процессе есть и своя внутренняя логика, отражающая взаимосвязь между теми или иными мерами, теми или иными конкретными шагами. И перед нами неизбежно встал вопрос: с чего же начать? Каков исходный пункт перестройки управления?

На первый взгляд казалось бы логичным в нашем плановом хозяйстве начать перестройку с центра, определить функции и структуру центральных экономических органов, затем среднего звена управления и, наконец, дойти до первичной ячейки — предприятия и объединения. С точки зрения абстрактной логики это, может быть, выглядит и правильным, но жизнь, имеющийся опыт продиктовали нам иной подход, иную логику действий: начать с основного звена экономики — предприятия и объединения. В первую очередь определить для него наиболее эффективную модель хозяйствования, создать для него наиболее благоприятную экономическую среду, расширить и закрепить его права и уже на этой основе внести коренные изменения в деятельность всех вышестоящих звеньев хозяйственного управления.

Определяя такую последовательность перестройки, мы руководствовались тем, что именно здесь развертываются главные экономические процессы, здесь создаются материальные ценности, материализуется научно-техническая мысль. Именно в трудовом коллективе реально складываются экономические и социальные отношения, переплетаются интересы людей — личные, коллективные и общественные. Да, собственно, социально-политический климат во всей стране во многом определяется обстановкой, складывающейся в трудовых коллективах.

Учитывался и прошлый опыт, когда неоднократные попытки реформировать верхний эшелон управления, не подкрепленные движением «снизу», терпели неудачу, ибо встречали упорное сопротивление со стороны аппарата управления, не желавшего расставаться со многими своими прерогативами и правами. С этим нам пришлось столкнуться в последнее время, приходится встречаться и сейчас. Здесь так же, как и во всей перестройке, надо соединить импульсы сверху с движением «снизу», то есть придать самой перестройке глубоко демократичный характер.

В чем основной недостаток прежнего механизма хозяйствования предприятия?

Прежде всего в слабости внутренних стимулов саморазвития. В самом деле, предприятие через систему плановых показателей получает задания и ресурсы, практически любые затраты покрываются, сбыт продукции, по существу, гарантирован и самое главное — доходы работников слабо связаны с конечными результатами работы коллектива: выполнением договоров, качеством продукции, прибылью. Хотим мы того или нет, такой механизм сориентирован на среднюю и даже плохую работу. Как же может двигаться экономика, если она создает тепличные условия для отстающих предприятий и бьет по передовым?

Конечно, так вести дело дальше мы не можем, и новый хозяйственный механизм должен все поставить на свои места. Он призван стать мощным рычагом, побудительной силой хорошей, предприимчивой, инициативной работы. Исходя из реальных общественных потребностей, само предприятие должно определять план производства и реализации продукции. Основой его будет не множество детальных плановых заданий, определяемых вышестоящими органами, а прямой заказ государственных организаций, хозрасчетных предприятий, торговых организаций на конкретную продукцию соответствующего количества и качества. Предприятия должны быть поставлены в такие условия, когда между ними развертывается экономическое соревнование за лучшее удовлетворение спроса потребителей, а доходы работников тесно увязаны с конечными результатами производства, с прибылью.

Все эти принципы хозяйствования и его конкретные формы мы заложили в проект Закона о государственном предприятии (объединении), который вынесли на всенародное обсуждение. Оно широко развернулось в трудовых коллективах, на рабочих, профсоюзных собраниях, через средства массовой информации. Документ затронул, по существу, весь народ. Люди почувствовали, что в их совете нуждаются. Выдвинутые предложения, поправки и дополнения рассматривались специальной группой из представителей правительства, науки и ведомств. По итогам всенародного обсуждения все разумное было включено в Закон, что позволило существенно его улучшить.

Эти корректировки в подавляющем большинстве своем шли в направлении расширения прав коллектива. В ходе обсуждения высказывалось общее требование: не отступать под давлением инерционных привычек, твердо идти вперед. Говорилось о том, чтобы новый Закон не был обставлен частоколом многочисленных инструкций, которые могут выхолостить его суть, спустить перестройку на тормозах. Новый Закон о предприятии принят Верховным Советом СССР и вступает в действие с 1 января 1988 года.

Правда, на страницах печати были и предложения, выходящие за пределы нашей системы, в частности, высказывалось мнение, что вообще надо бы отказаться от плановой экономики, санкционировать безработицу. Но мы не можем допустить этого, так как собираемся социализм укреплять, а не заменять его другим строем. То, что подбрасывается нам с Запада, из другой экономики, для нас неприемлемо. Мы уверены, что социализм, если по-настоящему привести в действие его потенциал, соблюдать его основные принципы, включить в полном объеме интересы человека, использовать преимущества плановой экономики, способен на гораздо большее, чем капитализм.

Закону о предприятии мы придаем в экономической реформе основополагающее значение. Все другие меры и шаги сопрягаем с ним, рассматриваем с точки зрения того, насколько полно они отвечают Закону, способствуют его применению на практике.

Готовя Пленум, Политбюро в течение нескольких месяцев последовательно рассмотрело результаты всестороннего и строго объективного анализа деятельности Совета Министров СССР, Госплана, Госснаба, Минфина, Госбанка, других экономических министерств и ведомств страны, отраслевых органов управления. Были подготовлены проекты постановлений по направлениям деятельности центральных органов под таким углом зрения, чтобы их деятельность (и сами официальные их функции) строго соответствовала Закону о государственном предприятии, ни в чем ему не противоречила. Они были обсуждены на Пленуме, доработаны, приняты и начали действовать.

Июньский Пленум ЦК КПСС, его решения, по сути дела, завершают построение современной модели экономики социализма, отвечающей данному этапу развития нашей страны.

Пленум и последовавшая за ним сессия Верховного Совета СССР развили и закрепили линию на активное включение человека в экономические и производственные процессы, на органичное сочетание интересов государства с интересами личности, трудового коллектива, на превращение советского труженика в действительно активного хозяина экономики.

Конечно, нам еще придется что-то доделывать, а может быть, и переделывать. В реальной жизни общества никогда так не бывает, чтобы одну систему управления хозяйством целиком сняли и заменили ее сразу другой, пусть более совершенной, будто речь идет о какой-то механической конструкции. Предстоит отладить динамичный и гибкий механизм, способный чутко улавливать изменения в производстве, постоянно обновляться, воспринимать прогрессивное и отторгать отжившее. Жизнь будет корректировать этот процесс, вносить в него поправки. Главная опасность в этом деле — остановиться, считать, что раз решили, приняли постановления, они в неизменном своем виде будут пригодны всегда.

Разработав программу радикальной экономической реформы, мы тем самым создали развернутый фронт для наступления теперь уже по всем направлениям ускорения и углубления перестройки. Принятые решения

закладывают необходимые организационно-экономические предпосылки для выполнения задач текущей пятилетки и долгосрочной перспективы до 2000 года. Дело теперь за тем, чтобы без проволочек, умело осваивать новый механизм хозяйствования.

В перестройке экономики и управления наступает, может быть, самый ответственный момент. Начался этап конструктивной работы. Теперь надо все воплотить в жизнь. Центр сосредоточения усилий — и в этом состоит своеобразие текущего момента — переместился в сферу практических действий.

К полному хозрасчету!

Сущность того, что предполагается повсеместно провести в жизнь, состоит, как я уже говорил, в замене преимущественно административных методов преимущественно экономическими. Для советского руководства нет вопроса: переходить или не переходить на полный хозрасчет.

Да, существуют объективные препятствия, по крайней мере два крупных. Одно из них — в том, что это делать приходится в условиях уже утвержденного плана пятилетки, а следовательно, подстраиваться под него. Эта специфика накладывает очень серьезный отпечаток на процесс перехода. Так как же все-таки поступить: продолжать ориентироваться на выполнение пятилетнего плана или демонтировать его? Ответ мог быть один: решать задачи пятилетки! А пятилетка — труднейшая. Создаются крупные заделы в сфере научно-технического прогресса. Происходят серьезные структурные изменения. Решаются многие социальные вопросы. И в то же время именно в ходе этой пятилетки должны внедряться многие новшества. Нелегкое время сейчас у директоров предприятий: груз накопившихся проблем — и в то же время надо переходить на самофинансирование.

Другое препятствие связано с тем, что не готовы еще и не сразу будут введены некоторые важные составные части нового механизма управления. Два-три года уйдет на подготовку реформы ценообразования, финансово-кредитного механизма, пять-шесть лет — на переход к оптовой торговле средствами производства. Многое еще надо решить с определением функций

министерств, перестройкой территориального управления, сокращением аппарата.

Отсюда — очень сложный переходный период, в течение которого будут сосуществовать старый механизм и осваиваемый новый. Но полный хозрасчет будем внедрять не откладывая. Набираясь опыта, энергично пойдем по этому пути. Будем все испытывать, прорабатывать.

Когда встречаюсь с производственниками, да и с министрами, говорю: не надо бояться, надо искать, пробовать. У народа столько ума, чувства ответственности, что можно и должно действовать смело, уверенно. А если ошибемся, так что же? Лучше поправить вовремя, чем ждать у моря погоды.

Новое понимание централизма

В ходе перестройки утверждается новое понимание демократического централизма. Важно соблюдать правильное взаимоотношение двух его сторон, имея в виду, что на разных этапах акценты должны смещаться в нужную сторону.

Сейчас у нас дело обстоит так: есть немало людей, которые требуют укрепления централизма. Балансы, пропорции, соответствие денежных доходов населения товарной массе и объему услуг, структурная политика, государственные финансы, оборона — все это требует крепкого централизованного начала. Все республики, все наши народы должны чувствовать, что они на деле имеют равные условия и равные возможности для развития. В этом залог стабильности советского общества. Поэтому роль центра ослаблять не хотим, иначе лишимся преимуществ плановой экономики.

Вместе с тем нельзя не видеть, что центр перегружен мелочами. Будем освобождать его от оперативной работы, ибо, занимаясь ею, он упускает стратегические вопросы.

Многое из того, что мы справедливо критиковали на январском и июньском Пленумах, связано в первую очередь с недоработками центра: там своевременно не смогли уловить опасных тенденций, не нашли решения новых проблем и т. п. Вся реорганизация центрального аппарата и его функций, повторяю, будет строго выверена с Законом о государственном предприятии.

Централизм в условиях перестройки не имеет ничего общего с бюрократической регламентацией многогранной жизни производственных, научных и конструкторских коллективов. Нам еще предстоит разделить функции центра и мест, изменить суть работы министерств, само их назначение.

Намечаем линию на демократизацию планирования. Это означает, что разработка планов — не формально, а на деле — будет начинаться с предприятий, с трудовых коллективов. Именно они будут самостоятельно планировать производство своей продукции, исходя из общественных потребностей, выраженных в контрольных цифрах, государственных заказах и прямых хозяйственно-договорных связях с потребителями.

Госплану предстоит решительно отказаться от детальной регламентации и текущего регулирования работы министерств и ведомств, а последним — то же самое в отношении предприятий. Регулирование деятельности предприятий (фонды оплаты труда, распределение прибыли, платежи в бюджет и т. д.) будет достигаться с помощью экономических нормативов длительного действия, то есть по существу это будет саморегулирование.

Предусматривается расширить гласность на всех стадиях планирования, ввести в практику широкое обсуждение общегосударственных и региональных социально-экономических, научно-технических, экологических проблем. В целях нахождения оптимальных решений в систему планирования будет внесен принцип вариантности.

В отличие от прежней практики центральные органы будут контролировать предприятия лишь по ограниченному числу показателей — по выполнению государственного заказа, по прибыли, производительности труда, обобщающим показателям научно-технического прогресса и социальной сферы. Важнейшим критерием деятельности предприятий становится выполнение ими договорных обязательств и государственных заказов на важнейшие виды продукции, работ и услуг. По мере насыщения рынка состав и объем госзаказов будут постепенно сокращаться в пользу прямых связей между производителями и потребителями. Когда

приобретем соответствующий опыт, госзаказы будут размещаться на конкурсной основе, с использованием принципов состязательности, то есть социалистической конкуренции.

Кардинальным изменениям подвергнется система материально-технического обеспечения. Главное направление перемен — переход от так называемого фондирования, то есть централизованного распределения ресурсов, к оптовой торговле.

Короче, преимущества планирования будут в нарастающей степени сочетаться со стимулирующими факторами социалистического рынка. Но все это будет разворачиваться в русле социалистических целей и принципов хозяйствования.

Расширение прав и хозяйственной самостоятельности предприятий, изменение функций центральных экономических и отраслевых ведомств требуют радикальных перемен в структуре органов управления.

Раньше решение той или иной задачи по усилению управления сопровождалось нередко созданием новых организационных звеньев, что привело к огромному разрастанию, громоздкости аппарата, его неповоротливости, бюрократизации.

Мы видим, что темпы перестройки экономики в немалой степени затормаживаются громоздкостью и недостаточной эффективностью аппарата управления. Поэтому пойдем на значительное сокращение управленческого аппарата и при необходимости будем упрощать его структуру, укрупнять отраслевые министерства. Определенный опыт у нас уже есть. Например, сельским хозяйством и переработкой его продукции у нас руководили семь общесоюзных министерств и ведомств. Мы взяли и объединили все эти ведомства в Госагропром, сократив при этом число управленческих работников почти вдвое. В другом случае пошли на укрупнение министерств, их слияние. Так и будем действовать, осуществляя конкретный подход.

Теперь уже всем ясно: при нынешних масштабах экономики никакой, даже самый квалифицированный аппарат министерства или ведомства не способен взять на себя решение абсолютно всех вопросов, не может заменить мысль и инициативу трудовых коллективов.

Между тем процесс перераспределения прав между центральными ведомствами и предприятиями идет непросто. Аппарат министерств и сами министры неохотно отказываются от привычки решать мелкие оперативные вопросы. Это «отработано» годами, и делать это гораздо легче и проще. Передача части прав из центра на места вообще болезненна. Хотя, повторяю, необходимость этого понимают все — и министры, и работники аппарата. Умом понимают, что такая акция только на пользу дела, а вот на деле нередко узковедомственные, а то и просто групповые интересы ставятся выше общественных, народных.

И еще об одном направлении совершенствования управления экономикой. Опыт показывает, что немало резервов в достижении высшей эффективности можно отыскать на стыках отраслей. Однако надеяться, что Госплан сможет проработать все цепочки межотраслевых взаимосвязей и выбрать оптимальный вариант,— значит поддаться иллюзии. Тем более не под силу это министерствам. Все это и поставило в повестку дня вопрос о создании органов управления крупными народнохозяйственными комплексами. Как видите, в системе управления предстоят большие изменения. Будем действовать решительно, но одновременно и взвешенно, без излишней суеты.

На мировой уровень технической оснащенности

Одновременно с перестройкой плановой и хозяйственной деятельности, с расширением прав предприятий мы серьезно занялись вопросами научно-технического прогресса. Отраслям, которые находятся на его острие, оказываем дополнительную финансовую и материальную поддержку. Для этого разработана целевая национальная программа, изысканы средства.

За двенадцатую пятилетку будет обновлена бо́льшая часть основных фондов машиностроения. На эти цели выделяется почти вдвое больше средств, чем за предыдущие пять лет.

Анализ работы промышленности выявил ошибки инвестиционной политики. Многие годы проводилась линия на строительство все новых и новых предприятий. Сооружение цехов, административных зданий

поглощало огромные средства. А действующие предприятия оставались на прежнем техническом уровне. Конечно, если хорошо использовать все имеющееся в две или три смены, то выполнить задания двенадцатой пятилетки можно и на существующем оборудовании. Но стареющие фонды так или иначе будут тянуть нас назад, они не в состоянии обеспечить выпуск современной продукции. От старых машин необходимо отказаться. Поэтому круто меняем структурную и инвестиционную политику.

В 1983 году я побывал на ЗИЛе. Тогда шла активная подготовка к реконструкции этого завода — одного из первенцев советского автомобилестроения. В 1985 году я вновь посетил ЗИЛ, поинтересовался, как идет реконструкция. Выяснилось, что там ориентируются на средний технический уровень, делают ставку на оборудование, выпущенное пять—семь лет назад. Так что существенных сдвигов в технологии ожидать не приходилось. К тому же потребовались бы дополнительные рабочие руки. Ориентация на технику вчерашнего дня не позволяет добиться существенной интенсификации производства, а лишь консервирует отставание. Оказалось, у коллектива есть другой вариант, более прогрессивный, но он не получил поддержки, и работа над ним была заброшена. Мы поддержали коллектив завода — вернуться к плану реконструкции ЗИЛа. Составлен новый план реконструкции, он успешно реализуется. ЗИЛ станет по-настоящему современным предприятием.

Вообще-то, вполне очевидно, что для крупных изменений в технологии и технике необходим временной трамплин. Как у нас говорится: «Москва не сразу строилась». Если бы мы поставили задачу все решить немедленно, то вынуждены были бы осуществлять модернизацию производства на старой, морально устаревшей технике. Это, по сути дела, бег на месте.

Мы проанализировали, какой техникой располагаем и отвечает ли она мировому уровню. Оказалось, что на таком уровне — меньшая часть выпускаемой техники. Вывод был очевиден: чем консервировать на долгие годы техническую отсталость, лучше сейчас раз и навсегда переболеть, получить наконец новую технику,

а потом через подъем машиностроения совершить прорыв к новейшим технологиям. Но «потом» вовсе не значит — отдаленное время. Нет, модернизация отечественного машиностроения идет в сочетании с огромными усилиями, направленными на то, чтобы задействовать научный потенциал — это наша самая насущная и неотложная, я бы сказал, приоритетная задача. В нынешней ситуации с научно-техническим прогрессом мы оказались прежде всего из-за недооценки отечественной науки и техники, по причине чрезмерного упования на внешние связи.

Как мне представляется, у нас слишком радужно, я бы сказал, доверчиво была воспринята политика разрядки. Многие поверили, что она необратима, открывает беспредельные возможности, в частности, для расширения торгово-экономических отношений с Западом. Мы даже свернули некоторые научные исследования, технические разработки, надеясь на международное разделение труда, на то, что некоторые технические новшества выгоднее купить, чем повторять самим. Но что оказалось на деле? Мы были серьезно наказаны за наивность. Наступил период эмбарго, бойкотов, запретов, ограничений, запугивания тех, кто с нами торгует, и т. д. Некоторые западные политики даже публично предвкушали близкий час крушения советской экономики. И на этот раз поторопились.

Мы извлекли необходимые уроки, развернули у себя необходимые разработки и изготовление того, что предполагалось покупать, так что внакладе в конечном счете останутся западные фирмы. Кстати, я думаю, что вся эта возня с запретами и ограничениями направлена не только против СССР. В очень большой мере — против конкурирующих фирм других стран.

В целом же США своими всевозможными «санкциями», «эмбарго» и другими запретами помогли нам многое понять. Как говорится, нет худа без добра. Нам удалось извлечь уроки из позиции США и некоторых других западных стран, которые отказали Советскому Союзу в продаже передовой технологии. Может быть, поэтому у нас царит теперь настоящий бум в области информатики, компьютерной техники, да и на других направлениях научно-технического прогресса.

Мы твердо решили покончить, как говорят у нас хозяйственники, с «импортной чумой». В этих целях задействуем мощный потенциал своей науки и машиностроения.

Ведь это парадокс, что многие достижения советских ученых быстрее внедрялись на Западе, чем в нашей собственной стране. Скажем, роторно-конвейерные линии. Медлительными оказались мы и в другом случае. Первыми изобрели непрерывную разливку стали. Но что получилось? Сейчас некоторые страны до 80 процентов производимой стали разливают по нашему методу, а у нас значительно меньше. Слишком долог путь у нас от научного открытия до его внедрения в производство. Вот и наживаются на наших идеях предприимчивые зарубежные промышленники. Конечно, такая ситуация нас не устраивает. Очевидно, положение будет меняться. Да оно в последнее время уже и начинает меняться. Должна быть взаимность в обменах.

Для активизации научно-технического прогресса проводится большая работа. Внедряем целевые программы, настраиваем на творческий поиск трудовые коллективы, отраслевую и экономическую науку, задействовали более 20 межотраслевых научно-технических комплексов (МНТК), во главе которых стоят ведущие ученые. Настоятельное требование времени, как я уже сказал,— приоритетное развитие отечественного машиностроения. Программу коренной реконструкции машиностроения выработал Пленум ЦК КПСС в июне 1986 года. Была поставлена задача, беспрецедентная в истории отечественной индустрии — в ближайшие шесть-семь лет выйти по параметрам важнейших машин, оборудования и приборов на мировой уровень. Основное внимание решено уделить реконструкции станкостроения, приборостроения, электроники и электротехники. Идет широкая модернизация металлургии и химической промышленности.

Самое опасное занятие — выдавать желаемое за действительное. И все же происходящие сдвиги многообещающи. Недавно я посетил подмосковный город Зеленоград, где сосредоточена часть научных организаций и предприятий электронной промышленности.

Меня порадовали сообщения ученых и специалистов: по ряду решающих позиций мы не только не уступаем, не только идем вровень с США, но кое в чем — уже впереди. Так что технологическое высокомерие Запада пошло нам на пользу. Впереди производственное освоение — не менее трудная задача.

Живая ткань перестройки

Сегодняшний день экономической перестройки вбирает в себя огромное разнообразие проблем и задач, связанных с тем, что нам осталось от прошлого, что необходимо сделать сейчас, немедленно и что еще только стучится в дверь. Рискуя повторить уже сказанное ранее, я хотел бы все-таки предложить читателю пеструю мозаику перестройки, пригласить его заглянуть в тот калейдоскоп повседневности, где формируется живая ткань нашего будущего. Мы готовим массы к радикальным переменам. Здесь требуется обеспечение и хозяйственное, и психологическое. Потому что не так просто побороть привычку к старым подходам, преодолеть представления о социальных формах жизни, сложившихся в конкретных исторических условиях.

До сих пор приходится слышать и читать суровые обличения некоторых наших праведников. Идет такой чопорный «праведник» и по сторонам перстом указывает — здесь беспорядок, там безобразие, здесь не хватает, там недостает. А начнет кто-то что-нибудь путное, но необычное делать, так этот псевдосоциалист криком кричит — основы социализма подрываете! Это тоже реальности перестройки. Приходится с такими борцами за «чистый» социализм, идеальный в своей абстракции, землей не «испачканный», терпеливо вести дискуссию, доказывать, что в жизни так не бывает.

Ленин никогда не думал, что дорога к социализму будет прямой. Он умел менять лозунги, когда того требовала жизнь. И никогда не был рабом раз принятых резолюций. Он не боялся, например, расширения частной трудовой деятельности в условиях, когда государство, государственный сектор были слабы. А теперь, при нашей-то мощи, в ходе перестройки меры по развитию кооперации, индивидуальной трудовой деятель-

ности, подряда, самофинансирования кое у кого вызывают страх: не подрываем ли «устои», не плодим ли частника? Внедряем различные формы подряда — не подорвем ли колхозы? А вот то, что в магазинах многого недостает, как с этим быть? Вот по поводу чего надо тревогу бить, а не паниковать: «Караул, социализм под угрозой!»

Мы считаем, что соединение личного интереса с социализмом — это и сегодня остается главной проблемой. Конечно, имеется в виду широко понимаемый личный интерес, не только материальный. Нам нужен не «чистый», доктринерский, выдуманный социализм, а реальный, ленинский социализм. Ленин очень ясно высказался на эту тему: раз крупная промышленность и власть у нас — ничего не надо бояться. Опираясь на эту силу, осуществлять планомерно социалистические преобразования. Это и есть настоящая социалистическая работа. Это верно было тогда и тем более верно сейчас, когда наше общество сильно́ экономически и политически. Ленин всегда стоял на почве реальной жизни, руководствуясь интересами трудящихся.

Глубоко убежден, что самые эффективные формы организации производства на основе полного хозрасчета очень быстро приживутся в агропромышленном комплексе. Во-первых, здесь глубоки традиции наших колхозов. Во-вторых, на селе народ предприимчивый, оборотистый. Все это позволяет мобильнее и гибче решать вопросы хозрасчета, самоокупаемости, самофинансирования.

С точки зрения организации и оплаты труда в сельском хозяйстве, хорошо зарекомендовал себя коллективный подряд. Идем на создание семейного подряда. Первые итоги обнадеживают.

В начале августа 1987 года я беседовал в Раменском районе в Подмосковье с членами звена, которое уже пять лет работает на подряде по интенсивной технологии. Они выращивают семенной картофель и в прошлом году впятером принесли совхозу огромную прибыль. Удивительные вещи происходят, когда люди сами отвечают за все. Совсем другие результаты получаются, и порой человека не узнаешь. И дело меняется, и отношение к делу.

Человек нашего общества хочет участвовать во всех делах, и это хорошо. Он отвергает ситуацию, при которой не интересуются его мнением, позицией, когда в нем видят простую рабочую силу, а человека, гражданина в нем не ценят. А вот коллективный подряд, демократия, которая с этим связана,— как раз и поддерживают в человеке гражданина, хозяина.

Сейчас мы имеем во многих сельскохозяйственных зонах крупные колхозы и совхозы, в составе которых большие бригады, отделения, комплексы. Они неплохо технологически оснащены, все шире применяют индустриальные технологии, но в какой-то степени оторвались от земли. Это сказывается на конечных результатах. Теперь в рамках этих колхозов и совхозов через коллективный, семейный подряд, через арендный подряд мы должны обеспечить более прочную, прямую связь с интересами человека. И тогда мы соединим преимущества большого коллективного хозяйства, индустриальные методы с личным интересом человека. А это как раз то, что нужно. Действуя таким образом, за два-три года можно серьезно улучшить дело с продовольствием.

Ведь если нарушаются личные интересы, ничего не получится, и общество будет проигрывать. Потому и нужно находить баланс интересов, и мы его находим через новый хозяйственный механизм, через формы демократии, через обстановку гласности, через включение людей во все процессы перестройки.

Первое, что надо обеспечить,— это атмосферу, которая должна работать на перестройку и делать человека социально активным, ответственным.

Это атмосфера открытости, обсуждения с народом всех вопросов, даже самых трудных, чтобы решать их вместе с ним. Для этого нужно реальное участие масс в управлении. Поэтому мы и говорим: фундамент перестройки — демократизация. Получили уже свое законное применение такие формы, как выборы руководителей, советы коллективов и на уровне бригады, и на уровне цеха, и на уровне предприятия. На примере подрядных коллективов и семейных ферм видно, как, оказывается, изголодались наши люди по хозяйской роли. Они хотят не просто заработать больше — это

желание есть, и оно понятно,— но заработать честно. Не урвать у государства, а именно заработать. Разве это не социалистическое желание? Вполне социалистическое, и поэтому не должно быть никаких ограничений — все, что зарабатывает человек, должно быть ему отдано. Вместе с тем нельзя допускать, чтобы кто-то, не зарабатывая, получал щедрое вознаграждение.

Социальная политика перестройки

Мы исходим из того, что только сильная социальная политика, провозглашенная XXVII съездом партии, обеспечит успех всего дела перестройки. Надо поднимать жизненный уровень населения, снять напряженность жилищной проблемы, производить больше продовольствия, повышать качество товаров, развивать сферу услуг, здравоохранение, провести реформу высшего и среднего образования, решать многие другие социальные вопросы.

Решая текущие и перспективные задачи, июньский Пленум ЦК 1987 года особое внимание уделил вопросам увеличения производства продовольствия, роста выпуска товаров народного потребления, расширения жилищного строительства.

Меры проводятся крупные. Наращиваем строительство жилья. У нас это — задача всенародная. Сюда направлены дополнительные капиталовложения. Надо помогать людям строиться и благоустраиваться: и в городе, и в сельской местности.

Нужно, чтобы человек был обустроен. Если эти вопросы решаются, стабилизируется и трудовой коллектив. Люди выше ценят не то, как быстро растет зарплата, а как меняются город или село, бытовые условия, производство, сам характер труда.

В нынешней ситуации особенно нетерпима пассивность тех руководителей, которые не используют имеющиеся и сейчас возможности для решения социальных задач. Здесь по-прежнему дают себя знать, с одной стороны, давняя привычка подходить к этим проблемам на основе так называемого остаточного принципа, когда на социальные нужды выделяется то, что остается после удовлетворения потребностей производства, а с другой — укоренившаяся психология иждивенчества. Хозрасчет и самофинансирование кладут всему этому

предел. Сам экономический механизм заставляет действовать напористо, разумно, предприимчиво, в общем, по-хозяйски.

Наши достижения в образовании общеизвестны, и они весьма значительны в сравнении с самыми развитыми странами. И тем не менее мы осуществляем реформу высшей и средней школы. Чем это обусловлено? Ну, прежде всего, новыми требованиями, которые предъявляет современное общество к человеку. И кроме того, застойные явления в обществе затронули и нашу систему образования: здесь тоже допустили самоуспокоенность, удовлетворение достигнутым, и это сразу сказалось на всем.

Главное направление коренной реформы высшей и средней школы — подготовка молодежи к труду с учетом требований научно-технического прогресса и освобождение от второстепенного, что мало дает человеку, но ведет к перегрузкам. Основательно совершенствуется гуманитарная подготовка учащихся, имеющая своей целью воспитание, овладение достижениями культуры. В вузах и школах делается ставка на стимулирование творческих методов обучения и воспитания, развитие самодеятельности и самостоятельности вузовских и школьных коллективов. Новые задачи требуют изменения материальной базы образования и главное — нового уровня работы преподавателей. Рост квалификации будет стимулироваться материально.

Сейчас идет всенародное обсуждение основных направлений совершенствования здравоохранения в стране. По его завершении документ станет предметом обсуждения в ЦК КПСС и правительстве, а затем — в Верховном Совете СССР. Эта комплексная программа потребует больших средств и масштабной работы. На первый этап — оставшиеся годы двенадцатой пятилетки и на тринадцатую пятилетку — финансовые и материальные ресурсы изысканы.

Интенсификация общественного производства побуждает по-новому взглянуть и на проблемы эффективной занятости, произвести перегруппировку рабочей силы.

Поступая так, мы в то же время должны более глубоко разобраться в том, как реализуется принцип

социальной справедливости в обществе. Одна из серьезнейших деформаций последних десятилетий — широкое распространение уравнительных подходов. На этой основе развились иждивенчество, потребительство, мещанская психология: наше дело сторона, пусть обо всем начальство думает.

На XXVII съезде партии проблема социальной справедливости была поставлена так: основой ее при социализме является труд. Только труд человека определяет его подлинное место в обществе, его социальный статус, а коли так, то это исключает какую-либо уравниловку.

Уравнительские настроения нет-нет да и дают о себе знать даже сейчас. Некоторые граждане призыв к социальной справедливости восприняли как — «всех уравнять». Но в обществе настойчиво выдвигается требование — строго проводить в жизнь принцип социализма.

Иначе говоря, для нас прежде всего важен вклад человека в дела страны. Мы должны поощрять высокопроизводительный труд на производстве, талант писателя, ученого, любого другого честного, трудолюбивого человека. Здесь мы стремимся к полной ясности: социализм — это не уравниловка. Социализм не может обеспечить условия жизни и потребления по принципу: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Это будет при коммунизме. При социализме критерий распределения общественных благ иной: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Отсутствует эксплуатация человека человеком, нет деления на богачей и бедняков, на миллионеров и нищих, все нации равны, все люди обеспечены работой, бесплатное среднее и высшее образование, бесплатное медицинское обслуживание, обеспеченная старость. Таково воплощение социальной справедливости при социализме.

Сейчас, когда в обществе остро стоит вопрос о социальной справедливости, много обсуждается вопрос о льготах, поощрениях отдельных лиц и групп лиц. У нас действуют разнообразные льготы, установленные государством. Они предоставляются с учетом количества и качества общественно полезного труда. Есть льготы, которые реализуются в производственной сфере, в сфере науки и культуры. Мы, например, особо заботимся

о крупных ученых, академиках, писателях. Люди, которые внесли выдающийся вклад в социалистическое строительство, отмечаются почетными званиями. Так, Герои Социалистического Труда, заслуженные деятели науки, заслуженные деятели культуры и искусства пользуются определенными дополнительными благами. Существуют льготы для работников различных отраслей, регионов (в первую очередь северных, отдаленных), военнослужащих, дипломатов и т. д. Думаю, что такая практика справедлива, ибо она в интересах всего общества. Но и здесь ведь в основе — значение и величина вклада человека. Если же появляются привилегии, которые государством не установлены, которые кое-кто, пользуясь своим служебным положением, «устанавливает», так сказать, сам для себя, то мы пресекаем их как неприемлемые.

Еще один аспект вопроса. В ведении многих наших организаций, учреждений, предприятий есть службы, которые оказывают услуги. На крупных предприятиях практически повсеместно действует система общественного питания. В большинстве случаев предприятия берут на себя часть расходов по содержанию организаций общественного питания; делается это совместно администрацией и профсоюзным комитетом, а это снижает стоимость питания.

В стране широко распространена сеть медицинских учреждений, обслуживающих работников по месту их трудовой деятельности. Это не только поликлиники, но и дома отдыха, профилактории, расположенные рядом с предприятием или в зонах отдыха и курортного лечения. При многих предприятиях есть магазины, столы заказов, ателье и т. п. Своя, так сказать, сфера услуг.

Причем это не только на предприятиях. А если взять Академию наук, Союз писателей, другую какую-нибудь организацию, то и у них есть свои санатории, пансионаты, дачные поселки. Есть аналогичные службы у профсоюзов (кстати, самая богатая организация в стране), есть и у партийных и советских организаций. Так сложилось исторически.

Конечно, при наличии таких форм обслуживания могут возникать и возникают проблемы. Особенно в тех

случаях, когда услуги всему населению на данной территории сильно уступают по качеству услугам в упомянутых организациях и учреждениях. Такие явления, естественно, подвергаются справедливой критике со стороны трудящихся. И именно эти проблемы должны быть сняты в ходе реализации принятых программ.

Мы твердо будем продолжать борьбу с пьянством и алкоголизмом. Корни этого социального зла уходят в глубину веков, это явление стало привычкой, бороться против него нелегко. Но общество созрело для крутого поворота. Пьянство и алкоголизм, особенно в последние два десятилетия, многократно возросли и стали опасностью для самого будущего нации. Трудящиеся постоянно напоминают нам о необходимости наращивать усилия в борьбе с этим злом. Некоторые даже требуют введения общесоюзного сухого закона. Мы, однако, понимаем, что в государственном масштабе вводить такой закон нецелесообразно. И отвечаем: хотите — принимайте сухой закон у себя в семье, в населенном пункте, в районе, наконец. В тысячах сел, поселков трудящиеся на своих сходах решили прекратить продажу и потребление алкогольных напитков. Борьба продолжается. За последние два года потребление алкоголя на душу населения сократилось наполовину. Однако усилилось самогоноварение. Одними административными мерами проблему не решить. Самый надежный путь к освобождению от такого зла, как алкоголизм, лежит через развитие сферы досуга, физкультуры и спорта, культурно-массовую деятельность, через демократизацию всей общественной жизни.

III. ПО ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Наш главный резерв

Одна из важнейших, если не самая важная политическая задача в условиях перестройки — возродить и укрепить у советских людей чувство хозяйской ответственности за судьбы страны, личной причастности и заинтересованности в общественных делах. Нас не может не беспокоить, что все еще дают себя знать элементы определенного

отчуждения, вызванные ослаблением связей государственных и хозяйственных органов с коллективами, с рядовыми тружениками, недооценкой их роли в развитии социалистического общества.

Человеческий фактор в самом широком его понимании — наш главный резерв, путь его реализации лежит через демократизацию.

Мы приводим его в действие всеми нашими возможностями, прежде всего усиливая социальную направленность всех наших планов. Хочу лишь добавить, что мы добиваемся сбалансированного соотношения двух сторон: экономики и социальной сферы. Если пренебречь интересами этой сферы ради одних темпов экономики, то теряется заинтересованность в результатах труда. Это сказывается на производительности труда, подрывает экономику. С другой стороны, социальная сфера не должна строиться таким образом, чтобы проседалась база, ибо тогда подрывается сама возможность динамичного развития общества. Значит, нужно найти оптимальную меру, отвечающую требованиям гармоничного социально-экономического развития. Соотношение этих двух сторон, видимо, не есть постоянное, статичное состояние, оно меняется. Сегодня на передний план выдвигается социальная политика.

Огромное значение имеет моральный аспект. Не возродим по-настоящему социалистические ценности и социалистическую атмосферу в наших трудовых коллективах и в обществе в целом — не справимся с перестройкой. Можно предложить верную политику, эффективные ее механизмы, но ничего не удастся сделать, если в обществе не произойдет оздоровления на основе утверждения нравственных ценностей социализма. И прежде всего — социальной справедливости, распределения по труду, единой дисциплины для всех, единого закона, единого порядка и требований для всех.

Активизируем человеческий фактор и через совершенствование системы управления, механизма хозяйствования. Что такое хозрасчет в этом плане? Это не только права коллектива, но и его ответственность. Если мы говорим: как работаешь, так и жить будешь, то, значит, возлагаем на людей ответственность за их собственную судьбу. У коллектива, естественно,

рождается встречное желание иметь право реально управлять предприятием, трудовым процессом, по итогам которого определяются его доходы, его жизнь. Тут опять две стороны единого процесса. Иными словами, хозрасчет связан с самоуправлением, с самостоятельностью трудовых коллективов.

По-новому смотрим на соотношение единоначалия и участия трудовых коллективов в решении производственных задач. Это сегодня актуально. Без участия трудящихся — на уровне бригады, цеха, завода, комбината — в управлении через соответствующие механизмы дело не пойдет. Более того, коллектив должен иметь право выбора своего руководителя. А тот уже от имени коллектива получает право на единоначалие, объединяет всех единой волей.

Выборы хозяйственных руководителей — прямая демократия на производстве. На первых порах кое-кто напугался, начал говорить: куда же мы повели, чем это кончится? Но те, кто так рассуждает, забывают о главном, что у человека всегда есть здравый смысл. Где-то может оказаться так, что дадут себя знать групповые интересы, круговая порука, но в принципе все хотят, чтобы во главе бригады, цеха, предприятия, колхоза, совхоза стояли надежные руководители, умные, способные вести, открывать перспективу и для производства, и для улучшения жизни. Наши люди это понимают, и они вовсе не нуждаются в добреньких руководителях. Нет, они нуждаются в талантливых, внимательных, но и требовательных, справедливо требовательных людях.

Люди хотят, чтобы изменилось отношение к ним директора завода, начальника цеха, мастера. Люди ждут нравственного примера, и прежде всего от руководителей. Примеры такие есть, и немало. Там и успех, где хороший руководитель. Он умеет позаботиться о людях. С ним хотят все встретиться. И не надо ему голос свой повышать, когда отдает распоряжения. Бывает, на вид он вроде бы прост, а все понимает и объяснить умеет. А объяснить — это сегодня так важно! Люди готовы и потерпеть, если понимают, почему сразу и полностью невозможно удовлетворить те или иные потребности.

Активизировать человеческий фактор мы стремимся и через демократизацию, совершенствование идеологической работы, оздоровление моральной атмосферы в обществе. Далеко еще не каждый проникся пониманием остроты переживаемого момента, его переломного характера. Предстоит приложить немало усилий, чтобы развернуть в сторону перестройки тех, кто еще приглядывается или кого устраивает существующее положение.

Завалы рутинных представлений одним махом не осилишь. Годами укоренявшиеся психологические привычки никаким, даже самым грозным, декретом не отменишь. Достойно сожаления, что нам до сих пор не удалось полностью отбросить обветшавшие формы работы с людьми, связанные с ориентацией на идеологический «вал» и выспренним пустословием. Здесь необходима длительная, напряженная борьба. Трудная борьба с казенщиной, нарочитой монументальностью, абстрактной лозунговостью, рецидивами помпезной парадности. Главное — не поддаться иллюзии благополучия, не допустить, чтобы бюрократизм и формализм сковали животворные родники народной инициативы.

Беседуя с людьми на улицах или на рабочих местах, постоянно слышу: «У нас перестройку все поддерживают». Я уверен в искренности и справедливости этих слов и все-таки каждый раз отвечаю, что сейчас самое главное — поменьше говорить о перестройке и побольше делать для нее. Нужно побольше порядка, побольше добросовестности, побольше уважения друг к другу, честности. Надо жить по совести. Хорошо, что наши люди это понимают. Более того, принимают умом и сердцем. Это очень важно. Есть политика, есть правительство, которое борется за эту политику, есть народ, который разделяет эту политику. Это самое главное. Все остальное образуется, и перестройка развернется, и результат будет. Главное впечатление, которое я выношу из живых, непосредственных встреч с советскими людьми,— в том, как глубоко они почувствовали своим народным чутьем политический и нравственный смысл перестройки.

Законность — неотделимая часть демократии

С широких и принципиальных позиций перестройки и ее сути — демократизации — подходим мы и к обеспечению прочной законности, совершенствованию законодательства. Без демократии не может быть законности. В свою очередь, демократия не может существовать и развиваться, не опираясь на законность. Ибо она призвана ограждать общество от злоупотреблений властью, гарантировать права и свободы граждан, их организаций и коллективов.

Вот почему мы твердо стоим на этих позициях. И знаем по собственному опыту также и то, что бывает, когда с этих позиций сходят.

С первых шагов Советской власти Ленин, партия придавали установлению и укреплению законности первостепенное значение. И это понятно. Этого требовали политические реалии рождающегося нового общества: упрочение новой власти, отмена частной собственности на средства производства, национализация земли, контроль трудящихся над производством, защита интересов рабочих и крестьян от натиска контрреволюции — все это нужно было обосновать и оформить в законе. Иначе революционному процессу грозил хаос. Иначе невозможно было бы закрепить завоеванное, обеспечить нормальное функционирование Советской власти, утвердить новые порядки общественной жизни.

Решению этих задач служили декреты. Они с самого начала провозглашали законность в качестве одного из основополагающих принципов государственной жизни, ставили задачу привлечь миллионы людей труда к управлению страной, научить их, по словам Ленина, «воевать за свое право». Эта идея красной нитью проходила через первую Советскую Конституцию 1918 года и принятое на ее основе Всероссийским съездом Советов постановление «О точном соблюдении законов».

По завершении гражданской войны законодательная работа стала еще более интенсивной. Смысл ее был в том, чтобы обеспечить юридическое оформление и закрепление социалистических преобразований. Законодательство и работа органов, связанных с исполнением и соблюдением законов, стали очень важным инструментом государственного строительства, упорядочения

того, что создавалось в ходе экономической, социальной, культурной и иной деятельности. При этом руководствовались ленинским требованием о единстве законности на территории всей страны, о необходимости «не допускать *ни тени* отступления от наших законов...» [1]

Вместе с тем нельзя не сказать о таком периоде, который мы называем периодом культа личности. Он сказался и на законах, и на их направленности, и в особенности на их соблюдении. Ставка на сугубую централизацию, командование сверху донизу, преобладание административных указаний и запретов принижали роль закона. На известном этапе это вылилось в произвол, в разгул беззакония, не имевшие ничего общего ни с принципами социализма, ни с нормами Конституции 1936 года. За это руководство страны — Сталин и его ближайшее окружение — несет ответственность. Не имеют оправданий попытки прикрыть это беззаконие какой-то политической необходимостью, накалом международной обстановки или якобы обострением классовой борьбы в стране. Попрание законов привело к трагическим событиям, которые мы до сих пор не можем ни забыть, ни простить. XX съезд КПСС дал этому самую суровую оценку.

Это нашло свое отражение в законодательстве. Были восстановлены его демократические принципы, укреплен правопорядок, проведена известная кодификация законодательства.

Стало практиковаться всенародное обсуждение проектов законов и других наиболее существенных вопросов. За прошедшую четверть века многие миллионы людей участвовали в обсуждении около тридцати крупных союзных законопроектов, высказывали по ним свои суждения, вносили поправки и дополнения.

Однако период застоя связан также и с тем, что ослабла дисциплина исполнения законов. Вновь появились элементы произвола и беззакония, в том числе и среди руководителей. Суды, прокуратура, другие органы, обязанные охранять общественный порядок и бороться со злоупотреблениями, оказывались нередко во власти обстоятельств, попадали в зависимое положение,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 399—400.

сдавали принципиальные позиции в борьбе с нарушениями закона. Участились случаи коррупции в самом правоохранительном аппарате.

Сейчас, когда мы начали перестройку, когда мы хотим решительно избавиться от негативных явлений прошлого и придать новый импульс развитию социалистической демократии, мы увидели необходимость глубоких преобразований и в сфере нашего законодательства, в совершенствовании социалистической законности в целом. Этого требуют и радикальные перемены в механизме управления экономикой, социальным развитием. Это составляет органическую часть демократизации всех сторон жизни общества. Принимаемые нами меры в области законодательства и права становятся опорой процесса перестройки. Эту работу мы ведем в тесной увязке с реформами в хозяйственной, социальной, культурной сферах, учитывая пожелания трудящихся, результаты изучения общественного мнения.

Перестройка нуждается в более высокой степени организованности общества, в сознательной дисциплине граждан. И скажу так: чем дальше будет идти перестройка, тем все более строго и последовательно должны проводиться в жизнь принципы социализма, соблюдаться правила социалистического общежития, закрепленные в Конституции, наших законах.

Перестройка предъявляет более высокие требования и к самому содержанию законодательных актов. Закон должен решительно стоять на страже интересов общества, запрещая то, что может нанести ущерб общенародным интересам. Это — аксиома. Но, устанавливая эти строгие рамки, закон вместе с тем призван давать необходимый простор инициативе граждан, коллективов трудящихся, их организаций. Активность и инициатива, развивающиеся в рамках закона, должны всемерно поддерживаться и поощряться. Мы слишком много потеряли, пытаясь, например, перечислить все права предприятий в разного рода инструкциях. На практике это приводило к тому, что любое начинание, выходящее за пределы этих инструкций, рассматривалось как неприемлемое. Опыт же показал, что нам нужна не всеобщая правовая регламентация многообразных явлений общественной жизни, а умелое соблюдение

разумной меры в этом деле, постоянная забота о том, как лучше развязать и поддерживать активность работников, трудовых коллективов, все формы народной инициативы. Строго будем соблюдать принцип: разрешается все, что не запрещено законом.

В ходе перестройки уже принята целая серия важных законодательных актов. Среди них — Закон о государственном предприятии (объединении), законы об изменении системы управления агропромышленным комплексом, о реформе школы, об индивидуальной трудовой деятельности, о борьбе с нетрудовыми доходами, о борьбе с пьянством, наркоманией. Изданы законы, предусматривающие улучшение охраны здоровья населения и природной среды, усиление заботы о матери и ребенке.

Особое значение мы придаем укреплению гарантий прав и свобод советского человека. Указами Президиума Верховного Совета СССР установлены уголовная ответственность за зажим критики, порядок возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных органов и должностных лиц. Принят Закон о порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан.

Практика всенародного обсуждения важных вопросов государственной жизни получила теперь свое юридическое закрепление в законе, принятом в июне 1987 года Верховным Советом СССР.

В то же время мы хорошо понимаем, что перестройка и дальше будет требовать новых и новых шагов в сфере законодательства и правопорядка. В повестку дня уже встает общая кодификация законодательства, которое должно отвечать таким современным задачам, как повышение эффективности экономики, проведение сильной социальной политики, раскрытие потенциала всех институтов социалистической демократии,— словом, должно обеспечивать простор для самоуправления народа.

Существенные изменения предстоит внести в законодательство о выборах. Проведенные с этой целью в ходе избирательной кампании в июне 1987 года эксперименты позволяют точнее определить методы

решения этой достаточно сложной проблемы. Разрабатываются сейчас законодательные нормы, связанные с перестройкой системы руководства народным хозяйством и повышением роли местных органов власти и управления. Работа эта очень объемная, если учесть, что в сфере экономики у нас действует около 30 тысяч общесоюзных нормативных актов. Многие из них требуют существенного изменения, а нередко — просто отмены. Тысячи из них уже отменены после принятия Закона о государственном предприятии.

После своих недавних съездов профсоюзы и комсомол вошли с предложениями о разработке проектов законов о молодежи и о профессиональных союзах. Идет подготовка трудового законодательства, готовятся законопроекты о кооперации, о расширении круга вопросов, решаемых собраниями трудовых коллективов, о размерах пенсий рабочих, служащих и колхозников, о критериях качества продукции.

Немало предстоит нам потрудиться над внесением изменений в уголовное законодательство. Оно тоже должно быть тесно увязано с нынешней степенью зрелости советского общества. Совершенствование этой важной части нашей законодательно-правовой работы будет проходить в контексте тех огромных преобразований, которые связаны с перестройкой и демократизацией.

Особое значение приобретают повышение роли суда как выборного органа, стоящего ближе всего к населению, обеспечение независимости судей, строжайшее соблюдение демократических принципов судопроизводства, объективности, состязательности, гласности. Этим же целям служат принятые в последнее время меры по усилению прокурорского надзора за соблюдением и единообразным применением законов, по расширению функций Государственного арбитража, занимающегося рассмотрением хозяйственных споров, налаживанию юридической службы в народном хозяйстве, развитию различных форм правового воспитания населения.

Словом, перед нами огромный объем работы, направленной на укрепление правовых устоев социализма. Право, закон, законность — это не просто

спутники углубления нашей демократии и ускорения общественного прогресса. Это — надежные рабочие инструменты перестройки и прочная гарантия ее необратимости.

Перестройка и Советы

Сейчас, на этапе перестройки, в условиях развертывания демократии, по-новому встали вопросы сочетания политического руководства партии с ролью государственных органов, профсоюзов, других общественных организаций.

Возьмите наши Советы. Перестройка потребовала со всей серьезностью разобраться и определить их место в начатых преобразованиях. Ни о какой настоящей демократизации общества не может быть и речи, если не включить в этот процесс Советы, если не осуществить новаторские перемены в их собственном положении и деятельности.

Советы в России — это уникальное явление в мировой политической истории. Они — плод непосредственного творчества трудового народа. Наверное, на Западе мало кто знает, что сама идея Советов и первые опыты их организации возникли задолго до Октябрьской революции, еще в 1905 году. В результате Февральской революции, свергнувшей царизм, Советы стали превращаться в органы власти во всероссийском масштабе, хотя и ограниченной и «ополовиненной» двоевластием (они существовали параллельно с Временным правительством). И они, естественно, стали политической основой новой республики, которая возникла в октябре 1917 года. Само наше государство получило название Республики Советов.

Не будь Советов — нам бы не победить в гражданской войне. Не будь Советов — нам бы не сплотить многомиллионные массы народа огромной страны, прежде всего рабочих и крестьян. Не будь Советов — ничего бы не получилось с НЭПом. Сила их в том, что, созданные самими массами, они выступали как непосредственные выразители и защитники интересов трудящихся. Своеобразие и секрет их молниеносного, можно даже сказать, стихийного распространения по всей стране в том, что они сами вырабатывали решения и сами их осуществляли — причем всенародно,

при открытом контроле со стороны тех, кого эти решения касались. Это уникальная и эффективнейшая форма сочетания прямой демократии и демократии представительной.

Однако с возникновением административно-командной системы управления Советы были как бы потеснены. Немало вопросов решалось помимо них, без их участия. А то и просто оставались без решения, разрастаясь в проблемы. Это сказалось на авторитете Советов. С этого момента и началось торможение в развитии социалистической демократии. Появились признаки отчуждения трудящихся от конституционного права прямо участвовать в государственных делах. Принципу социалистической революции — власть не только для трудящихся, но и осуществляемая самими трудящимися — был нанесен серьезный ущерб.

Нечего греха таить, в этих условиях и многие хозяйственные руководители без должного уважения стали относиться к законным требованиям и рекомендациям Советов. Казалось бы, ясно было всем — никто формально этого не отрицал,— что местный Совет должен быть полным и ответственным хозяином на своей территории во всем, что касается ее развития и удовлетворения повседневных нужд населения. Но реальные возможности Советов в сравнении с возможностями органов хозяйства не позволили им выполнять эти функции. Директора, администрация многих, особенно крупных, предприятий позволяли себе просто отмахиваться от настойчивых и правильных требований Советов — строить жилье, социальные и культурные объекты, очистные сооружения, развивать общественный транспорт, благоустраивать территорию и т. д.

Нельзя сказать, что все это не беспокоило трудящихся, партийные органы. Были и попытки поправить дело, изменить ситуацию. Но делалось это вяло, нерешительно — в силу не столько объективных, сколько субъективных обстоятельств. За последние 15 лет приняли 14 постановлений об улучшении деятельности Советов. И постановления — неплохие. Но дело с места не двигалось. Потому что вся обстановка механизма торможения — экономическая, политическая, идеологическая — всей своей массой противилась активизации

роли Советов, по природе своей органов широкой демократии и гласности.

Теперь мы хорошо видим, что в результате широкого распространения административно-нажимных методов руководства и управления, когда во многих сферах общественной и государственной работы возобладали бюрократические подходы, мы далеко еще не использовали потенциал Советов на благо народа. В условиях ослабления роли Советов возник феномен, который мы называем подменой функций и деятельности органов государственных и административных партийными органами.

В свою очередь, практика подмены Советов партийными органами сказалась и на самой партийной, собственно политической работе. Энергия партийных работников стала уходить в хозяйственные дела, в административную деятельность. И кадры соответственно подбирались из людей, подготовленных профессионально, но подчас не очень умелых и сведущих, чтобы быть настоящими вожаками масс. Словом, образовался своего рода перекос во всем функционировании демократического организма, обязанного своим возникновением нашей социалистической революции.

Итак, в ходе перестройки перед нами встала крупнейшая задача: восстановить во всей полноте роль Советов как органов политической власти, как носителя и мощного фактора социалистической демократии. Сейчас мы возрождаем во всем объеме авторитет и полномочия Советов, создаем условия для их полноценной, активной и творческой работы в условиях перестройки.

Январский Пленум призвал партийные комитеты строго выдерживать линию на повышение роли Советов, отказаться от вмешательства в их дела, а тем более подменять органы Советской власти. Не менее важно, чтобы и сами руководители Советов, советский аппарат заработали в полную силу, избавились от инерции, от привычки все время оглядываться на кого-то, ждать указаний. Новые правовые документы о роли Советов на этапе перестройки поощряют усиление демократических начал в их деятельности, в исполнительных органах Советов. Главным для них должна

быть связь с народом. Новые решения позволяют Советам поставить свою работу так, чтобы проявить себя подлинными органами народовластия. Они наделены широкими правами по координации и контролю за деятельностью всех предприятий и организаций на территории, подведомственной Совету.

Но это лишь первые шаги, направленные на восстановление революционной, демократической сути Советов. На предстоящей Всесоюзной партийной конференции будут рассмотрены вопросы совершенствования избирательной системы, деятельности Советов всех ступеней. Подготовка предложений уже идет. Сейчас еще преждевременно давать им оценку, но можно указать на главную их особенность — они направлены на углубление советской демократии.

Новая роль профсоюзов

Условия, в которых сейчас живет страна, задачи, которые решаются, заставляют заново осмыслить и роль профессиональных союзов в общественной жизни.

Тут прежде всего следует сказать: профсоюзы у нас — огромная сила. Ни один закон о труде не готовится без участия ВЦСПС. В вопросах трудового законодательства, его соблюдения и охраны прав трудящихся за профсоюзами последнее слово. Если какой-то администратор увольняет работника, не спросив мнения профсоюза, суд автоматически отменяет решение, не вникая даже в его содержание, а только потому, что профсоюз не высказал своей точки зрения. Ни один план — ни годовой, ни пятилетний — без того, чтобы профсоюз дал согласие, не вносится в Верховный Совет. Да и на стадии подготовки планов участвуют профсоюзы всех ступеней.

Социальное страхование, санаторно-курортное обеспечение трудящихся, туризм, физкультура, спорт, отдых детей, их оздоровление — все это в руках профсоюзов. Следовательно, в их руках — реальная власть. Но, увы, на протяжении последних лет произошло снижение активности профсоюзов. По ряду позиций они уступали свои прерогативы администрации, а некоторыми правами пользовались неэффективно.

Вот почему, начав перестройку, мы увидели, что не можем быть удовлетворены работой профсоюзов.

Будучи на Кубани, я упрекнул руководителей профсоюзных организаций в том, что они зачастую угоднически подлаживаются к администрации, нередко прямо-таки польку-бабочку в обнимку с ней вытанцовывают. Не пора ли им наконец занять и свою принципиальную позицию, твердо проводить линию на защиту трудящихся?

Новая роль профсоюзов в условиях перестройки видится прежде всего в том, что они должны добиваться усиления социальной направленности хозяйственных решений, стать противовесом технократическим поползновениям в экономике, получившим в последние годы широкое распространение. А это значит, что профсоюзам надо активнее участвовать в разработке социальных разделов народнохозяйственных планов, в необходимых случаях — выдвигать и отстаивать свои альтернативные предложения.

Профсоюзным комитетам надо быть подлинным, а не удобным партнером администрации. Скверные условия труда на некоторых предприятиях, слабая медицинская служба, плохие бытовки — ко всему этому профсоюзные организации сплошь и рядом словно притерпелись. А ведь советские профсоюзы обладают и правом контроля за соблюдением администрацией трудовых соглашений, и правом критики ее действий, и даже правом потребовать и добиться снятия директора, если он нарушает законные интересы трудящихся.

Неправильно думать, будто при социализме трудящиеся не нуждаются в защите. Их еще больше надо защищать, ибо социализм — это строй трудящихся. Отсюда и огромная ответственность профсоюзов при социализме. Все советское общество кровно заинтересовано в более активной работе профсоюзов.

Молодежь и перестройка

Огромный потенциал перестройки заключен в нашей молодежи. Ведь именно молодежи жить и работать в обновленном обществе. И, естественно, приобретает первостепенное значение организация ее труда, учебы и досуга. Молодежь только вступает в жизнь, ищет в ней свое место. Это для человека — трудный период. Идет формирование семьи, профессиональных навыков, политического облика, гражданских позиций. Идет

становление личности. Поэтому — максимум внимания молодежи, комсомолу.

Условились так повести дело: ни один вопрос, касающийся существенных проблем молодежи, не должен решаться без мнения комсомола. Это не значит, будто мы как-то подлаживаемся, начинаем обхаживать комсомол. Нет! Нам надо решительно поднять его ответственность. Ничто не оказывает такого эффективного воздействия на формирование облика подрастающего поколения, на его способность взять на свои плечи настоящее и будущее страны, как доверие, включение молодежи в реальный политический и хозяйственный процесс. Если похлопывать молодежь по плечу, смотреть на нее свысока или заигрывать с ней — все это недорого будет стоить. Нет, надо дать комсомолу и молодежи возможность самим развернуться по-настоящему. Надо избавить молодежь от мелочной опеки и надзора, воспитывать ее ответственностью и доверием в реальном деле.

Январский Пленум ЦК призвал партийных руководителей усилить внимание к трудовой, идейной и нравственной закалке молодежи. В работе с ней нетерпимы назидательный тон и администрирование. Чем бы они ни объяснялись — неверием в зрелость устремлений и поступков молодых людей или элементарной перестраховкой, желанием облегчить своим чадам жизненный путь,— с такой позицией никак нельзя согласиться. В жизни и деятельности молодежи сегодня — два важнейших направления. Во-первых, необходимо овладеть всем арсеналом средств народовластия и самоуправления, вдохнуть свою молодую энергию в демократизацию на всех уровнях жизни, активно включиться в социальное творчество. Без него невозможно ускорение и вообще какой-либо прогресс. Задача в том, чтобы каждый молодой человек ощущал себя причастным ко всем делам и заботам страны. Во-вторых, молодое поколение должно быть готовым к участию в крупнейшей модернизации нашей экономики, прежде всего через компьютеризацию, освоение новых технологий и материалов. Обновления, обогащения интеллектуального потенциала общества — вот чего мы ждем от молодежи.

Сложен узел социальных проблем молодежи. Многие руководители нередко призывают молодежь помочь, например, на новостройках, но тут же забывают о ней, когда решаются социальные вопросы. Такой подход мы отвергаем. Поддерживаем идею закона о молодежи, в котором, не повторяя всего того, что относится ко всем советским гражданам, можно было бы специально вычленить специфические проблемы, права и обязанности юношей и девушек. Закон о молодежи позволит конкретизировать взаимодействие комсомола с государственными органами, профсоюзами, другими организациями в вопросах учебы, труда, быта, отдыха молодых людей. Он поднимет ответственность министерств и ведомств при решении вопросов, затрагивающих молодежь.

Огромный резонанс в стране вызвал состоявшийся в 1987 году комсомольский съезд. Он показал понимание комсомолом своей ответственности перед народом и страной, горячее желание молодежи еще активнее включиться в процесс общественного обновления. Да и требовательная атмосфера самого съезда порадовала. Пожалуй, у меня никогда не было такого огромного желания принять участие в дискуссии, как на этом съезде. Был живейший контакт с отзывчивой аудиторией, заражавшей своей энергией.

По всему чувствуется, что наша молодежь всей душой принимает начавшиеся в стране революционные перемены, готова влить в них свою молодую энергию, свой душевный порыв.

О женщинах и семье

Сегодня страна нуждается в том, чтобы в управление экономикой, культурой, в общественную жизнь еще активнее вовлекались женщины. Этой цели служат женские советы, созданные ныне по всей стране.

На январском Пленуме был поднят и вопрос о более широком выдвижении женщин на руководящую работу, тем более что миллионы женщин работают в здравоохранении, образовании, культуре, науке. Много женщин трудится в легкой промышленности, торговле, бытовом обслуживании.

Как известно, по степени эмансипации женщины судят о социальном и политическом уровне общества.

Советское государство решительно и беспощадно покончило со всякой дискриминацией женщины, что отличало царскую Россию. Полностью уравняло ее в общественном отношении с мужчиной и гарантировало это законом. Мы гордимся тем, что дала Советская власть женщине: равное право с мужчиной на труд, никаких различий в оплате за тот же труд, социальную защиту. Женщина получила все возможности для получения образования, служебной карьеры, участия в общественной и политической деятельности. И без активного вклада и самоотверженности женщин мы не построили бы нового общества и не устояли бы в войне с фашизмом.

Но в череде наших трудных будней мы как бы упустили из виду специфические права и потребности женщины, связанные с ее ролью матери, хозяйки семьи, ее незаменимой функцией по воспитанию детей. У женщины, занятой на стройке, на производстве, в сфере обслуживания, в науке, поглощенной творческой работой, просто не стало хватать времени на самые житейские дела — домашнее хозяйство, воспитание детей и просто на уют в кругу семьи. И оказалось, что многие беды — и в поведении детей и молодежи, и в вопросах общественной нравственности, культуры, да и на производстве — связаны с ослаблением семейных уз, девальвацией семейного долга.

Вот какой парадокс произошел, хотя у нас и было искреннее и политически вполне оправданное стремление во всем уравнять женщину с мужчиной. Но это упущение, которое стало как бы продолжением достоинств общества, мы начали исправлять в ходе перестройки. И потому сейчас у нас остро и страстно обсуждается в печати, в общественных организациях, да и повсюду — на работе и дома — вопрос о том, как в полной мере вернуть женщине ее истинно женское предназначение.

Есть у нас и такая проблема — занятость женщин на тяжелых работах, неблагоприятно отражающихся на их физическом состоянии. Это — наследие войны, колоссальных потерь в мужской части населения и острой нехватки рабочих рук всюду и везде, во всех сферах производства. И за эту проблему мы взялись серьезно.

Оздоровление семьи, повышение ее роли в жизни и развитии общества сейчас для нас самая актуальная социальная задача, в том числе в борьбе с пьянством. Мы многого ждем от активности и инициативы женсоветов. Они разворачивают работу. И многое могут сделать — ведь никакая другая организация так близко не соприкасается с личными обстоятельствами жизни, с женскими заботами.

Демократизация общества, которая является стержнем и гарантом перестройки, немыслима без повышения роли женщины, без деятельного и специфически женского вмешательства и участия во всех наших преобразованиях. Уверен, что роль женщины в нашем обществе будет неуклонно возрастать.

Союз социалистических наций — уникальное образование

Мы живем в многонациональном государстве. Это качество — фактор его мощи, а не слабости, не дезинтеграции. Царскую Россию называли тюрьмой народов. Революция, социализм покончили с национальным гнетом, неравноправием, обеспечили экономический и духовный прогресс всех наций и народностей. Ранее отсталые, забитые народы обрели развитую промышленность, современную социальную структуру, вышли на уровень передовой культуры, хотя раньше некоторые из них не имели даже своей письменности. Каждый непредубежденный человек не может не признать, что наша партия провела в этой сфере гигантскую преобразующую работу. Ее результаты обогатили советское общество, да и мировую цивилизацию.

Все нации и народности, населяющие нашу страну, внесли вклад в становление и развитие своей социалистической Родины, вместе защищали ее свободу, независимость, ее революционные завоевания от нашествий врагов. Если бы у нас в стране не был решен в принципе национальный вопрос, то не было бы того Советского Союза, каким он сейчас предстает в социальном, культурном, экономическом, оборонном отношениях. Наше государство не удержалось бы, если бы не произошло фактическое выравнивание республик, если бы не возникло сообщество на основе братства и сотрудничества, уважения и взаимопомощи.

Все это, однако, не означает беспроблемности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, возникают они и здесь. К сожалению, раньше мы занимались в основном констатацией действительно больших достижений в решении национального вопроса, оценивали положение с помощью торжественных слов. А ведь это живая жизнь во всем своем многообразии, во всех своих сложностях.

Тут диалектика: с ростом образования и культуры, с модернизацией экономики у каждого народа возникает своя интеллигенция, растет и национальное самосознание, развивается естественный интерес к своим историческим корням. Это замечательно. Это то, к чему стремились революционеры разных национальностей, готовившие нашу революцию и начинавшие строительство нового общества на развалинах царской империи. При этом иногда не обходится без того, что какая-то часть людей сбивается на национализм. Проявляются национальная ограниченность, национальное соперничество, кичливость.

Но дело не только в этом, а в изменениях, происходящих в обществе, и прежде всего в том, что на смену одним поколениям приходят другие и каждое должно пройти школу жизни в многонациональном государстве. Не всегда это дается легко и просто. Социализм, который позволил расправить крылья каждому народу, располагает всеми условиями для решения национальных проблем в духе равенства и сотрудничества народов. Важно действовать в духе социалистических принципов, помня при этом, что выросшие новые поколения часто даже не знают, как добились их народы такого взлета. Им никто не разъяснил как следует, сколько лет и как на них поработал интернационализм.

На фоне межнациональной вражды, от которой не свободны даже самые развитые страны мира, СССР являет собой пример действительно уникальный в истории человеческой цивилизации. И это плоды той национальной политики, у истоков которой стоял Ленин, а ведь трудным, из ряда вон трудным было начало, первые шаги в строительстве многонационального государства. Выдающуюся роль в решении национального вопроса сыграла русская нация. В рамках ленинской

национальной политики за короткий исторический срок многие народы страны прошли путь своеобразного Возрождения и Просвещения. И когда кто-то отвечает на это национальной чванливостью, замыкается в себе и пытается «свое» выдавать за абсолютную ценность — это несправедливо, согласиться с этим нельзя. Это всегда становится предметом живого и обстоятельного обсуждения в советском обществе.

Каждая национальная культура — драгоценность, которую немыслимо потерять. Но здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не должен вырождаться в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур.

Другая опасность — это когда у представителей одной национальности проскальзывает неуважение к людям другой национальности. Многие годы моей жизни прошли на Северном Кавказе — а это подлинное национальное многоцветье. Там каждый город, поселок, аул населен людьми разных национальностей, и это относится также и ко всему региону в целом. История Кавказа знает немало тяжелого, но за годы Советской власти ситуация изменилась коренным образом. Я далек от того, чтобы идеализировать, но все же главным для отношений между народностями, населяющими этот многонациональный район, является уважительное отношение, сотрудничество, сближение и сплочение. По собственному опыту знаю: горцы очень отзывчивы на дружбу и в то же время очень чувствительны к малейшему по отношению к ним высокомерию. Вспоминаю: в Карачаево-Черкесии — автономной области, входящей в Ставропольский край,— живут карачаевцы, черкесы, русские, абазины, ногайцы, осетины, греки, представители других национальностей. И живут дружно. В основе — равенство и справедливый подход к решению всех проблем. Если когда-то случалось отступление от этих принципов, приходилось дорого платить. В этой небольшой автономии сохранилась и развивается культура всех народностей, берегут их традиции, выпускают литературу на языках всех живущих здесь народов. И это не разделяет, а, наоборот, содействует сближению. Недостаточно провозглашать равноправие

наций, надо, чтобы все народы жили полнокровной жизнью.

Хочу сказать еще раз: если и возникают негативные явления в этой весьма чувствительной сфере человеческих отношений, то они возникают не на пустом месте, и в частности из-за бюрократизма, игнорирования законных прав. Временами у нас разгораются дискуссии о развитии национальных языков. Что тут можно сказать? Даже самому малому народу нельзя отказать в языке. Ведь это человеческая культура во всем своем многообразии, в каком она дошла до нас, во всем этом многоязычии, в одежде, обрядах, внешнем облике. Это наше общее богатство. Разве можно проявлять к нему невнимание, допускать его умаления?

Но в то же время, живя в нашей огромной многонациональной стране, не обойдешься без средства общения, каким естественно стал русский язык. Всем нужен этот язык, да и сама история определила, что объективный процесс общения развивается на основе языка самой крупной нации. Скажем, в США съезжались представители многих наций, но общим языком стал английский. Видимо, это был естественный выбор. Можно себе представить, что было бы, если бы представители каждой нации, переселившиеся в США, говорили бы на своем языке и не захотели бы знать английского! Так и в нашей стране. Тем более что русский народ доказал всей своей историей, что у него огромный потенциал интернационализма, уважительности, доброжелательства ко всем народам. Жизнь показала — надо изучать два языка (помимо иностранного): родной и для общения — русский.

Всякие попытки разжигать страсти на национальной почве могут лишь осложнить поиски разумных решений. Мы не собираемся уходить от этой и других возникающих проблем, будем их решать в рамках демократического процесса, укрепляя наше интернационалистское сообщество народов.

Ленин учил предельной осторожности и деликатности в национальном вопросе. Не может и не должно быть схем в этих делах. Одно ясно: когда коренные интересы наций совпадают, когда в основе межнациональных отношений лежит принцип равенства во

всем — а именно так и обстоит в советском обществе,— тогда даже в трудных ситуациях возможно решение любых возникающих проблем и недоразумений. Конечно, на Западе, да и на Востоке есть немало тех, кто хотел бы подорвать, ослабить дружбу и сплоченность народов СССР. Но это уже другого порядка явления. Тут на страже стоит советский закон, оберегающий завоевания ленинской национальной политики.

Исходя из этих позиций, мы будем тверды и принципиальны. Национальные чувства людей должны уважаться, их нельзя игнорировать, но спекулировать на них — политическая безответственность, если не преступление. В традициях нашей партии — принципиальная борьба против любых проявлений национальной ограниченности и шовинизма, местничества, сионизма и антисемитизма, в каких бы формах они ни выступали. Мы верны этим традициям. Весь наш опыт показывает: националистическим поветриям может быть успешно противопоставлен только последовательный интернационализм, интернационалистское воспитание.

В своих поездках по республикам и национальным районам Советского Союза, встречаясь там с людьми, я каждый раз вновь и вновь убеждаюсь, что они ценят и гордятся тем, что их народы принадлежат к одной большой интернациональной семье, что они — неотъемлемая часть огромной и великой державы, которая занимает столь значительное место в прогрессе человечества. Это и есть **советский** патриотизм. Мы будем и дальше укреплять Союз и Братство свободных народов в свободной стране.

Авторитет и доверие

Перестройка охватила все слои общества — по вертикали и горизонтали. Пошла в глубину и вширь. Перестройка развивается, решая проблемы, преодолевая трудности. Инициатором, генератором идей, организатором, руководителем и, я бы сказал, гарантом перестройки в интересах укрепления социализма, в интересах трудящихся выступает КПСС. На нашей партии лежит поистине историческая ответственность. В свое время, в 1917 году, В. И. Ленин сказал: начав революцию, надо идти до конца. Так и с перестройкой — партия пойдет до конца. Авторитет и доверие к партии

растут. Несмотря на то что мы находимся еще на этапе перехода от одного качественного состояния в другое, партийные органы стараются по возможности не брать на себя функций хозяйственных и административных ведомств. Хотя это непросто: вроде бы испытанный путь — поднажать по партийной линии и обеспечить выполнение плана. Но задача партии в другом — прежде всего теоретически осмысливать процессы, вовремя улавливать критические точки в развитии противоречий, вносить коррективы в стратегию и тактику, вырабатывать политику и определять методы и формы ее реализации, подбирать и расставлять кадры, обеспечивать перестройку организационно и идеологически. Всего этого никто, кроме нее, не сделает.

Делами управления, хозяйственными делами должны заниматься государственные и другие организации, в чью компетенцию это входит. Такой подход подсказан исторической практикой, а не просто кем-то придуман. Партия должна делать свое дело. Все другие — свое. Там, где этого нет, ослабляются партийное руководство, идеологическая, кадровая работа.

Наше общество исторически так сложилось, что все происходящее в партии отражается на жизни страны. Официальной оппозиции в нашей стране нет. Тем большая ответственность возлагается на КПСС как партию правящую. Вот почему свою важнейшую задачу мы видим в дальнейшем развитии внутрипартийной демократии, в укреплении принципов коллегиальности в работе, расширении гласности и в партии. Центральный Комитет требует от людей, избранных на руководящие посты, скромности, порядочности, честности, нетерпимости к лести, подхалимству. В партии не может быть лиц, стоящих вне критики, равно как и лиц, не имеющих права критиковать.

Для нас было ясно, что начинать надо с перестройки в мышлении и психологии, в организации, стиле и методах работы, начинать с людей, и прежде всего с руководящих кадров.

Мы решительно взяли курс на поддержку людей инициативных, думающих, энергичных, которые способны самокритично оценивать состояние дел, избавляться от формализма и шаблона в работе, находить

новые, неординарные решения, могут и хотят смело идти вперед, умеют добиваться успеха. Перестройка открывает для них широкий простор творческой деятельности.

Но конечно же нет нужды сплошь заменять все кадры. Да и невозможно это. Конечно, могут быть перестановки и в высших, и в средних эшелонах, и на уровне хозяйств, нужен прилив новых, свежих сил. Собственно, так оно и происходит сейчас. Кроме того, дает себя знать и естественный процесс: кто-то уже подошел к итогу своей трудовой деятельности. И это понятно. Или кому-то просто уже не под силу взять на себя новые задачи. Это тоже понятно, и не надо драматизировать такую ситуацию.

У каждого времени свои требования, свои передовики, свои подходы. Кто способен перестроиться и пойти новыми путями в политической, организаторской и идеологической работе, тот будет работать и будет пользоваться поддержкой у трудящихся и партийных организаций. Основная масса наших кадров готова к этому. Пусть по-разному: один быстрее воспримет новые требования, другой, может, подумает еще раз. В принципе мы исходим из того, что основной состав наших кадров способен решать задачи перестройки. И в то же время мы не можем мириться с тем, чтобы все шло как прежде, без ускорения, без включения новых скоростей.

Перестройка требует от работников компетентности и высокого профессионализма. Сегодня не обойтись без современной и разносторонней подготовки, без глубоких знаний в области производства, науки и техники, управления, экономики, организации и стимулирования труда, социологии и психологии. В общем, нам нужно максимально задействовать интеллектуальный потенциал страны, существенно повысить его творческую отдачу.

Еще раз хочу подчеркнуть значение теоретической деятельности партии. В этом направлении также развернута большая работа. Но и здесь мы стремимся углублять демократические начала, не допустить монополии одного лица или группы лиц. ЦК КПСС ставит вопрос таким образом, чтобы в эту работу вовлечь все

творческие силы партии, общества. Если прийти к тому, что только из центра, а еще хуже — от одного лица или группы лиц все будет исходить, тогда, того и гляди, соскользнем к окостенению мысли. Это было бы смертельным ударом по перестройке, да и по развитию всего общества. Уроки на этот счет имеются в истории КПСС — и уроки горестные, тягостные. Нельзя отводить общественной науке, творческим силам в партии роль только комментаторов тех или иных решений или речей товарищей, занимающих высокое положение. Мы избрали иной подход — будем действовать в ленинском духе, в ленинских традициях.

IV. ЗАПАД И ПЕРЕСТРОЙКА

Мы постоянно интересуемся, как наша перестройка воспринимается за пределами страны, и в частности на Западе. Не любопытства ради, а по обязанности политиков. Видим, что процессы перестройки вызывают нарастающий интерес не только сами по себе, не только как вопрос судьбы великого народа. Наша перестройка по справедливости воспринимается как событие с большими международными последствиями. «То, что происходит в Советском Союзе, касается всего мира»,— писала одна западногерманская газета.

Прежде всего должен отметить, что у огромного большинства людей во всех странах мира неподдельный интерес к нашей перестройке сопровождается оптимизмом и добрыми пожеланиями успеха преобразованиям, которые начал советский народ. От нашей перестройки многого ждут во всем мире, ждут с надеждой, что она позитивно отразится на всем мировом развитии, на международных отношениях в целом.

Что касается официальных кругов и большей части западных средств массовой информации, то в этой среде поначалу мало кто верил в реальность перемен, которые были нами провозглашены в апреле 1985 года. Недостатка не было и в язвительных суждениях: вот, мол, одна команда сменила другую и спешит с новыми концепциями и программами. Русские, мол,— народ

эмоциональный, у них это принято — новые руководители списывают все грехи на прежних, но все остается по-старому. Пройдет какое-то время, заглохнет и критика, забудут и о новых начинаниях.

Долго, однако, на такой позиции удержаться не удалось. Слишком очевидным стало, что перестройка — историческая реальность, что процесс разворачивается. После январского Пленума ЦК КПСС 1987 года уже невозможно было обойти тот факт, что наша страна действительно вступила в полосу смелых и далеко идущих преобразований.

Еще более отчетливо новые мотивы зазвучали в комментариях к июньскому Пленуму ЦК КПСС 1987 года. Начали признавать, что размах и радикальность предложенных реформ в области управления хозяйством превзошли прогнозы большинства советологов. Многие на Западе, мы это видим, не ожидали столь откровенного и глубокого разговора, столь масштабных конструктивных мер. Эпитет «половинчатые», который навешивался на наши шаги до июня, кажется, уже не в моде применительно к июньским решениям Пленума ЦК и сессии Верховного Совета СССР. Мы далеко вышли за пределы того «мелового круга», который очертили западные интерпретаторы для наших возможностей и намерений. А ведь еще накануне Пленума не было недостатка в утверждениях, будто «кампания Горбачева за перемены» теряет силу.

Теперь заговорили о «второй революции», о необратимости перестройки, о том, что на вновь созданной экономической и правовой основе она сделает «новый рывок». В общем-то правильно уловили этапный характер июньского Пленума на путях перестройки. Тем актуальнее стал вопрос об отношении к ней. Со всех сторон нас критикуют за темпы перестройки. «Слева» — за то, что медленно идем, «справа» — за то, что шагаем слишком быстро. Но, пожалуй, все сходятся хотя бы в одном, что советское руководство серьезно взялось за реформы.

Западных наблюдателей волнует, каковы будут последствия для Советского Союза и всего мира, если перестройка не остановится. Они задаются вопросом: что выгоднее Западу — ее успех или неудача?

Диапазон ответов на эти вопросы, понятное дело, чрезвычайно широк. Многие серьезные специалисты признают возможность значительного ускорения социально-экономического развития советского общества, подчеркивают, что успехи перестройки будут иметь позитивные последствия в международном плане. Мировое сообщество, по их здравому мнению, только выиграет в результате роста материального благосостояния советских людей, дальнейшего развития демократии. Сам размах социально-экономических программ, осуществляемых в Советской стране, служит и доказательством, и своего рода материальной гарантией ее миролюбивого внешнеполитического курса. Отсюда и практические рекомендации руководству западных держав: не страшиться перестройки, не делать ее объектом психологической войны, а скорее содействовать ей через механизм экономических связей, культурного и гуманитарного обмена, всерьез воспринимать инициативы Советского Союза по вопросам разоружения и оздоровления международной обстановки, идти к соглашениям по этим вопросам.

Оставляя в стороне многие спорные, на наш взгляд, оценки и расчеты, мы в целом считаем такую позицию реалистичной, приветствуем ее общую конструктивную направленность. Она отвечает задачам оздоровления международных отношений, отражает настроения широкой общественности.

Обнаруживают свою дальновидность те политические деятели, которые считают, что Запад совершил бы ошибку исторического масштаба, если бы не откликнулся на позитивные сигналы из Москвы, не сумел освободиться от ложных представлений о Советском Союзе, мистификаций, созданных собственными усилиями.

Но в западных средствах массовой информации, в политических дискуссиях весьма активно пропагандируется и другая, прямо противоположная позиция. Не ослабевают попытки дискредитировать нашу политику и намерения. Полно пессимистических пророчеств и страхов по поводу динамизма во внутренней и внешней политике. Это еще раз показывает, сколь сильна инерция «холодной войны», сколь глубоки корни

антисоветизма, питаемые корыстными интересами определенных кругов. Если бы дело сводилось к теоретическим дебатам и пропагандистским упражнениям, можно было бы не обращать внимания. Сама жизнь, в конце концов, покажет, где правда. Но дело в том, что отсюда следует установка на запугивание перестройкой, которая-де обернется усилением военно-экономического потенциала Советского Союза, а значит, и «советской угрозы». А раз так, надо делать ставку в отношениях с Советским Союзом на неудачу перестройки, ориентировать на ее торможение и срыв, руководствуясь принципом закоренелых антисоветчиков: «Чем хуже для СССР, тем лучше для Запада».

Крайне правые круги не скрывают враждебности к перестройке. Она ломает их расчеты на то, что социализм ничего привлекательного не способен противопоставить «свободному миру». Для этой публики отказ от замшелой догмы о «социальной неподвижности» советского общества равноценен идеологической катастрофе. Тогда пришлось бы пересмотреть и всю доктрину антисоветизма, вытекающие из нее политические установки. Тогда испарится выдумка о «советской угрозе», которая якобы проистекает из того, что Советский Союз, не способный справиться с внутренними трудностями, обращается к экспансии.

Даже пытаются дискредитировать гласность и демократизацию. Например, сообщают лживые новости из СССР, причем со ссылками на советскую печать. Потом оказывается, что ничего подобного в советских изданиях нет. Хотят спровоцировать нас на то, чтобы ограничить, затормозить гласность, отступиться от демократизации, вызвать, так сказать, раздражение средствами массовой информации. И тут цель — подорвать процессы перестройки, не мыслимые без гласности и демократизации.

Активизировались попытки посеять у наших граждан сомнение в правильности политического курса на перестройку, запугивают трудностями, возбуждают нереалистические ожидания. Рассчитывают вызвать недоверие народа к руководству, столкнуть отдельных руководителей друг с другом, расколоть партию, расколоть общество.

Некоторые политические деятели и средства массовой информации, особенно в США, пытаются представить перестройку в нашей стране как «либерализацию», предпринимаемую под давлением Запада. Конечно, нельзя не отдать должного западным пропагандистам — они весьма профессионально ведут словесную игру в демократию. Но мы поверим в демократизм западных обществ тогда, когда там рабочие и служащие начнут свободно на общих собраниях избирать владельцев заводов и фабрик, директоров банков и т. п., когда средства массовой информации начнут регулярно критиковать корпорации, банки и их хозяев, рассказывать о реальных процессах в странах Запада, а не только вести бесконечный и бесполезный спор с политическими деятелями.

Иные критики наших реформ упирают на неизбежность болезненных явлений в ходе перестройки. Пророчат нам инфляцию, безработицу, рост цен, усиление социального расслоения, то есть то самое, чем так «богат» Запад. Или исподволь внушают: у Центрального Комитета сильнейшая оппозиция — партийно-государственный аппарат. Или такой ход: у вас, мол, и армия против, и КГБ еще не сказал своего слова. Все пущено в ход.

Но должен огорчить наших оппонентов: сегодня члены Политбюро, Центрального Комитета сплочены, как никогда, и ничто эту сплоченность не в состоянии поколебать. И в армии, и в КГБ, и в любом другом ведомстве высший авторитет — партия, ей принадлежит политически решающее слово. Перестройка только еще больше укрепила позиции партии, придала новое качество ее моральной и политической роли в обществе и государстве.

Впрочем, справедливости ради отмечу, что серьезные западные обозреватели видят социалистический характер наших перемен, видят их нацеленность на упрочение социализма. Те же, кто стращает западную публику перестройкой, действительно боятся ее успеха. А все потому, что она подрывает возможность использовать пугало «советской угрозы», заслонять реальный облик нашей страны карикатурным и отталкивающим «образом врага», продолжать под этими демагогиче-

скими лозунгами бессмысленную гонку вооружений и наживаться на ней.

В самом деле, если наши планы развития будут успешно выполняться, как же тогда морочить людям голову, будто социализм — система нежизнеспособная, не может прокормить и одеть людей? Разваливается вся концепция, с помощью которой клеймили нашу страну как «империю зла», изображали Октябрь как историческую ошибку, а наш послеоктябрьский путь как «зигзаг истории». Такая перестройка действительно кого-то не устраивает.

«Сейчас безрассудно пытаются оклеветать и опорочить реформы в СССР,— пишет западногерманский журнал «Штерн»,— причем утверждают, что в действительности они только усиливают коммунизм и что Кремль хочет одного: сделать систему более эффективной. Но, бог ты мой, если борьба против коррупции и бесхозяйственности, если большая свобода мнений усиливают коммунизм, то, согласно этой логике, демократия была бы наилучшей питательной средой для марксизма-ленинизма!» Добавлю к этой красноречивой цитате несколько слов. Если бы социализм в самом деле был принципиально несовместим с демократией и экономической эффективностью, как утверждают его противники, последним нечего было бы беспокоиться за свою судьбу и свои прибыли.

И если мы себя критикуем так, как никто и никогда нас не критиковал — ни с Запада, ни с Востока, ниоткуда, то это потому, что мы сильны и у нас нет страха за свое будущее. Мы выдержим эту критику, и народ выдержит, и партия выдержит. А когда наши реформы дадут расчетный результат, тогда критикам социализма тоже придется «перестраиваться».

Мы поставили их в сложное положение, потому что знаем свои недостатки куда лучше, пишем и говорим о них куда откровеннее и с точным знанием дела. И люди на Западе постепенно перестают верить всей той чепухе о Советском Союзе, которая продолжает нагромождаться на Западе. Разумеется, все это не помогает формированию доверия к политике западных стран.

В беседах с американцами, с представителями других государств Запада я напрямую спрашиваю, заин-

тересованы ли они в том, чтобы Советский Союз имел возможность направлять больше средств на цели экономического и социального развития за счет снижения в своем бюджете доли военных расходов? Или же, напротив, Запад стремится экономически измотать Советский Союз путем гонки вооружений, сорвать начатую нами огромную работу внутри страны, вынудить советское руководство все больше и больше средств выделять на непроизводительные расходы, на цели вооружения? Неужто расчет делается на то, чтобы замкнуть Советский Союз на внутренних проблемах, а самим хозяйничать в мире?

Есть и другая сторона вопроса. Те, кто рассчитывает измотать Советский Союз, слишком самонадеянно оценивают собственное экономическое здоровье. Как ни богаты США, но выбрасывать ежегодно по трети триллиона долларов на военные расходы и им не по карману. Вслед за кривой военных затрат устремляется ввысь и кривая бюджетного дефицита. Учитывая его масштабы, можно сказать, что уже теперь военные расходы США на две трети осуществляются в кредит. Государственный долг США — это, по существу, долги Пентагона, которые будут выплачиваться многими поколениями американцев. Бесконечно эта веревочка виться не может. Впрочем, это дело самих американцев.

У меня иногда создается даже впечатление, что некоторые американские политики, постоянно восхваляя капиталистическую систему, рекламируя свою демократию, тем не менее не очень-то уверены в них, боятся соревнования с СССР в мирных условиях. Поэтому и нажимают на военную машину, прибегают к раздуванию напряженности и т. п. Чувствую, что после прочтения этих строк обозреватели напишут, что, к сожалению, Горбачев плохо знает западную демократию. Увы, коечто знаю, по крайней мере достаточно, для того чтобы непоколебимо верить в демократию социалистическую, в социалистический гуманизм.

Мы переболеем проблемами, которые сами ставим очень остро, и выйдем к намеченным рубежам. Нужно еще учесть и характер нашего народа. Если уж он, как говорится, «задет за живое», если затронуты его патриотические чувства, он не пожалеет сил и своего добьется,

может буквально творить чудеса. Советский Союз — огромная страна с богатейшими природными ресурсами, располагающая высококвалифицированными кадрами, великой наукой. Большинство рабочих имеют полное среднее образование. Так что не надо торопиться отправлять нас «на свалку истории». В Советском Союзе это вызывает только улыбку.

В беседе с делегацией палаты представителей США в апреле 1987 года я говорил о том, что осуществление наших планов обновления не представляет собой никакой угрозы — ни политической, ни экономической, ни какой-либо другой для американского народа, для любой страны. То же самое было еще раз сказано в Кремле перед участниками форума «За безъядерный мир, за выживание человечества»: мы хотим быть понятыми, надеемся, что мировое сообщество признает, что от того, что мы хотим сделать свою страну лучше, никому хуже не будет, весь мир от этого только выиграет.

Так что ни Советский Союз, ни перестройка никому и ничем не угрожают, кроме разве примера, если он для кого-то окажется приемлемым. Однако нам вновь и вновь приписывают намерение насадить коммунизм во всем мире. Чушь какая-то! Ладно, если занимаются этим в порядке заработка те, кому все равно, о чем писать. Но подобное до сих пор произносят публично, казалось бы, ответственные государственные деятели. И уж совсем меня удивило, когда спустя два года после начала перестройки я услышал такое из уст уважаемого мной политика. А на каком основании? — возразил я. Известны доктрины Трумэна, Эйзенхауэра, Рейгана. А вот наших заявлений относительно «насаждения коммунистического господства» нет и не было. Ленин сказал: главное свое влияние на мировое развитие мы, то есть социалистическое государство, будем оказывать успехами в своей хозяйственной деятельности.

Успех перестройки покажет, что социализм не только способен решить историческую задачу восхождения на высоты научно-технического прогресса, но и решит ее с высшей социальной и моральной эффективностью, методами демократии, ради человека и его собственными усилиями, его умом, мастерством, талантом, совестью и чувством ответственности перед другими людьми.

Успех перестройки вскроет классовую ограниченность и эгоизм главенствующих ныне на Западе сил, помешавшихся на милитаризме, гонке вооружений и поисках «врагов» по всему миру.

Успех перестройки поможет развивающимся странам определить пути экономической и социальной модернизации без уступок неоколониализму и не бросаясь в котел капитализма.

Успех перестройки будет решающим аргументом в историческом споре: какой строй больше отвечает интересам людей. Облик Советского Союза, очищенный от наслоений, возникших в экстремальных условиях, обретет новую притягательность, станет живым воплощением преимуществ, принципиально заложенных в социалистической системе. Идеалы социализма получат новый импульс.

Я не раз убеждался, что мои западные собеседники хорошо это понимают. «Если вы сделаете то, что задумали, это будет иметь колоссальные, поистине всемирные последствия»,— эти слова принадлежат известному западному политическому деятелю, далеко не коммунисту.

Наверное, многие наши проблемы не так просто понять зарубежному читателю. Это естественно. У каждого народа, каждой страны своя жизнь, свои законы и порядки, свои надежды и заблуждения, свои идеалы. Такое разнообразие прекрасно, его надо развивать, а не пытаться всех стричь под одну гребенку. Мне, например, претят попытки некоторых политиков учить других, как жить, какую вести политику, исходя при этом из высокомерного убеждения, что жизнь и политика его страны являются образцом, эталоном свободы, демократии, экономической деятельности, социального положения и т. д. Думаю, куда демократичнее допустить, что народы других стран могут и не согласиться с этим. Нельзя в нашем сложном и неспокойном мире все мерить на свой аршин. Не только попытки военного диктата, но и морально-политического и экономического давления нынче не в моде. Это опасно, это раздражает мировую общественность, а значит, затрудняет движение к миру и сотрудничеству.

Правильное представление о перестройке — ключ к пониманию и внешнеполитического курса Советского Союза. Правда о перестройке отвечает интересам всеобщего мира и международной безопасности. Призывая Запад к ответственному, честному, непредвзятому анализу нашей работы, мы исходим не только из собственных интересов. Неумение или нежелание понять сущность перестройки — это исходный пункт заблуждений относительно наших намерений вовне или новая попытка сохранить и углубить недоверие между странами и народами.

Органическая связь внешней политики каждого государства с внутренней становится особенно тесной и практически значимой в переломные периоды. Смена внутреннего курса неизбежно влечет за собой и новый подход к внешнеполитической проблематике. Поэтому сейчас, в условиях перестройки, как никогда, наглядно и конкретно проявляется единый смысл нашей деятельности внутри страны и на мировой арене. Новая концепция советской внешней политики, ее программные установки и практические шаги — все это прямое и непосредственное выражение философии, программы и практики перестройки.

Процесс перестройки в нашей стране открывает новые возможности для международного сотрудничества. Объективные обозреватели предсказывают рост удельного веса Советского Союза в мировой экономике, оживление внешнеэкономических и научно-технических связей, в том числе по линии международных экономических организаций.

Мы честно, во всеуслышание заявляем: нам нужен прочный мир, чтобы сосредоточиться на развитии своего общества, чтобы решать задачи по улучшению жизни советских людей. Планы наши имеют долгосрочный, фундаментальный характер. Поэтому все, в том числе и наши западные партнеры-соперники, должны уяснить, что столь же фундаментален, столь же надежен в своих принципиальных основах наш международный курс на безъядерный и ненасильственный мир, на утверждение цивилизованных начал в межгосударственном общении.

Раздел второй

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И МИР

Глава III

КАК МЫ ВИДИМ СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Где мы находимся?

Мы приступили к перестройке в обстановке нарастающей международной напряженности. Разрядка 70-х годов практически была свернута. Наши призывы к миру не встречали отклика в правящих кругах Запада. Советская внешняя политика буксовала. Гонка вооружений набирала новые обороты. Военная угроза увеличивалась.

Чтобы ответить на вопрос, как добиться поворота к лучшему, нужно было задаться вопросом: почему так происходит? К какому рубежу подошел мир в своем развитии? А для этого потребовалось взглянуть на всю всемирную панораму трезво и реалистически, высвободиться из плена привычных схем. Посмотреть, как у нас говорят, свежим глазом.

Какой же он, наш общий мир, мир нынешних поколений рода человеческого? Он многолик, пестр, динамичен, пронизан противоборствующими тенденциями, острыми противоречиями. Это мир фундаментальных социальных сдвигов, всеобъемлющей научно-технической революции, обострения глобальных проблем — экономических, сырьевых и др., радикальных перемен в информации. Мир, где соседствуют невиданные возможности развития, прогресса и свирепая нищета, отсталость, средневековье. Мир, где существуют обширные «поля напряженности».

Когда-то все было просто. Было несколько держав, и они определяли, балансировали свои интересы, если удавалось балансировать, а нет — воевали. И на балансе интересов этих нескольких держав строились международные отношения. Тут одна вотчина, там другая, третья. Но теперь-то, посмотрите, что произошло за 40 лет после войны.

Политическая картина мира включает в себя значительную группу социалистических стран, прошедших за свою не столь уж долгую историю большой путь прогрессивного развития; обширный массив развитых капиталистических государств со своими интересами, своей историей, своими заботами и проблемами; и океан «третьего мира», рожденный за последние 30—40 лет, когда обрели политическую независимость десятки и десятки стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Вроде бы очевидно, что у каждой группы государств, у каждой страны есть свои интересы. Вроде бы с точки зрения элементарной логики все эти интересы должны находить разумное отражение в мировой политике. Но этого-то как раз и нет. Я не раз и не два говорил своим собеседникам из капиталистических стран: давайте видеть и учитывать реальности — есть мир капитализма и мир социализма, есть огромный мир развивающихся стран. Там живут миллиарды людей. Проблемы есть у всех. Но в развивающихся странах их во сто крат больше. И с этим надо считаться. У этих стран есть собственные национальные интересы. Они десятилетиями были колониями, упорно боролись за свое освобождение, завоевали независимость, хотят улучшить жизнь своих народов, свободно распоряжаться своими ресурсами, создавать независимую экономику и культуру.

Можно ли надеяться на нормальные и справедливые международные отношения, исходя лишь из интересов, скажем, Советского Союза или Соединенных Штатов, Англии или Японии? Нельзя! Нужен баланс интересов. Пока этого нет. Пока богатые обогащаются, а бедные становятся беднее. В «третьем мире» происходят такие процессы, которые могут потрясти до основания всю систему международных отношений.

Никому не дано закрыть мир социализма, развивающийся мир или мир развитого капитализма. А ведь есть, существует такая, с позволения сказать, точка зрения, что социализм — историческая случайность и его пора отправить на свалку. И тогда «третий мир» станет ручным. Все вернется на круги своя — можно и дальше благоденствовать за счет других. Но бегство в прошлое — не ответ на вызовы грядущего, а авантюризм, замешенный на страхе и неуверенности в себе.

Мы же реальность многоцветного, многомерного мира не только прочитали заново. Мы оценили не только различия интересов отдельных государств. Но увидели главное — нарастающую тенденцию к взаимозависимости государств мирового сообщества. В этом диалектика современного развития. Трудно, в известной мере как бы на ощупь, через борьбу противоположностей складывается противоречивый, многообразный в социальном и политическом отношении, но взаимосвязанный, во многом целостный мир.

Другая столь же очевидная реальность нашего времени — возникновение и обострение так называемых глобальных проблем, которые тоже приобретают жизненное значение для судеб цивилизации. Речь идет о сбережении природы, о критическом состоянии окружающей среды, воздушного бассейна и океанов, о традиционных ресурсах планеты, которые, оказалось, не безграничны. Речь идет о старых и новых грозных болезнях, об общей заботе человечества, как покончить с голодом и нищетой в обширных районах Земли. Речь идет об умной совместной работе по познанию космоса и Мирового океана, об использовании добытых знаний на благо всего человечества.

Я мог бы многое рассказать, что мы делаем у себя в стране, на национальном уровне, чтобы содействовать решению этих проблем. В какой-то мере я коснулся их, говоря о нашей перестройке. То, что зависит от нас, мы сделаем.

Но в одиночку Советский Союз не в состоянии решать все эти проблемы. И мы это не стесняемся повторять, призывая к международному сотрудничеству. Со всей ответственностью, отбрасывая ложные «престижные» соображения, говорим, что все мы в современном мире все больше зависим друг от друга, становимся необходимыми друг другу. И поскольку знаем, что в этом мире, говоря крупным планом, сейчас мы повязаны единой судьбой, что мы живем на одной планете, пользуемся ее ресурсами, обмениваемся этими ресурсами и видим, что они не безграничны, что их надо беречь, беречь природу, среду, в которой мы живем, то это реальность для всех нас. Все острее вырисовывается нужда в эффективных, основанных на равноправии

международных процедурах и механизмах, которые обеспечивали бы рациональное использование ресурсов планеты как общечеловеческого достояния.

И здесь мы обнаруживаем нашу взаимозависимость, обнаруживаем целостность мира, властную потребность в объединении усилий человечества ради его самосохранения, ради его блага сегодня, завтра, во все времена.

Есть, наконец, еще одна реальность, которую мы обязаны осознать. Вступив в ядерный век, когда энергии атома придали военное назначение, человечество лишилось бессмертия. Были войны, страшные войны. Они уносили миллионы и миллионы человеческих жизней, оставляли на месте городов и сел руины и пепел, истребляли целые народы со всей их культурой. Но продолжение рода человеческого не ставилось под вопрос. Теперь же, разразись ядерная война, все живое будет сметено с лица Земли.

Технически возможным стало даже логически невозможное, а именно многократное уничтожение человечества. Имеющиеся ядерные арсеналы таковы, что на каждого жителя Земли припасен заряд, способный испепелить вокруг него огромную территорию. Сегодня одна стратегическая подводная лодка несет потенциал уничтожения, равный нескольким вторым мировым войнам. А таких подводных лодок многие десятки!

Выиграть гонку вооружений, как и саму ядерную войну, нельзя. Продолжение такой гонки на Земле, а тем более распространение ее на космос ускорит и без того лихорадочный темп накопления и совершенствования ядерного оружия. Обстановка в мире может приобрести такой характер, когда она уже не будет зависеть от политиков. Она окажется в плену случайности. Все мы встали лицом к лицу с необходимостью научиться жить мирно в этом мире, выработать новое политическое мышление, ибо условия сегодня совсем другие, чем они были даже три-четыре десятилетия тому назад.

Пришла пора покончить со взглядами на внешнюю политику с имперских позиций. Ни Советскому Союзу не удастся навязать кому-то свое, ни Соединенным Штатам не удастся. Можно на время подавить, заставить, подкупить, сломать, взорвать. Но это только на время. С точки зрения долгосрочной политики, крупной,

большой политики никому не удастся подчинить других. Значит, остается одно — равные отношения. Вот это надо всем нам осознать. Вместе с реальностями, о которых говорил выше — ядерное оружие, экология, научно-техническая революция, информатика,— это тоже обязывает относиться уважительно друг к другу и ко всем.

Вот он, наш мир: сложный, но небезнадежный. Мы считаем, что все можно решать, но надо переосмысливать каждому свою роль в этом мире и вести себя ответственно.

Новое политическое мышление

За два с половиной года, прошедших с апреля 1985 года, мы прошли большое расстояние в осмыслении и мировой ситуации, и путей ее изменения к лучшему. Я еще скажу о практических шагах, предпринятых нами в интересах радикального оздоровления международной атмосферы. Но сейчас — о наиболее существенном.

Придя на своем XXVII съезде к концепции противоречивого, но взаимосвязанного, взаимозависимого, по сути дела, целостного мира, мы стали на этой основе выстраивать и свою внешнюю политику. Да, мы остаемся разными — что касается социального выбора, идеологических и религиозных убеждений, образа жизни. Различия, конечно, будут оставаться. Но что же, нам стреляться из-за них? Не правильнее ли будет перешагнуть через то, что нас разделяет, ради общечеловеческих интересов, ради жизни на Земле? Мы свой выбор сделали, утверждая новое политическое мышление и обязывающими заявлениями, и конкретными действиями и поступками.

Народы устали от напряженности, от конфронтации. Им импонируют поиски более безопасного и надежного мира. Мира, в котором каждый сохранял бы свои философские, политические, идеологические взгляды, свой образ жизни.

Мы смотрим открытыми глазами на происходящее. Видим, что стереотипы живучи, глубоко укоренилось старое мышление, питающее и милитаризм, и имперские амбиции, когда другие страны по-прежнему рассматривают лишь как объект своей политики и иной

деятельности, отказывая им в праве на собственный выбор, на самостоятельную внешнюю политику.

Мы вовсе не за то, чтобы предлагать для решения проблем, касающихся различных районов мира, какие-либо сверхрадикальные методы. Хотя, наверное, кое-где нужны и они. В международных отношениях мы не хотим действовать таким образом, чтобы усиливать конфронтацию. Не приемля, скажем, характер нынешних отношений между Западом и развивающимися странами, мы не призываем взорвать их. Считаем, что их надо преобразовать, избавляясь от неоколониализма, который отличается от старого колониализма только более изощренным механизмом эксплуатации. Нужно создать такие условия, при которых развивающиеся страны смогли бы распоряжаться своими ресурсами — природными и человеческими. И чтобы это работало не на кого-то, а на них самих.

Путь к нормализации международных отношений — в экономике, в сфере информации, экологии — должен проходить на основе широкой интернационализации. Запад, похоже, хотел бы действовать в рамках «семерок» и «пятерок», так сказать, между собой, в своем «домашнем кругу». С этим связаны, очевидно, и попытки дискредитации Организации Объединенных Наций. Утверждают, например, что она теряет лицо, чуть ли не деградирует. И это говорится сегодня, когда в мире так много изменений, когда он насыщен самыми различными интересами многочисленных государств и когда поиск баланса этих интересов — забота забот. В этих условиях, как никогда, велика роль Организации Объединенных Наций с ее опытом налаживания международного сотрудничества.

Верно, усилия ООН не всегда были успешными. Но именно эта организация, на мой взгляд, является наиболее подходящим форумом для поисков баланса интересов государств, без чего не будет стабильности в мире.

Я понимаю, что в один день все не переменится, понимаю, что у нас и у Запада будут сохраняться различные подходы к конкретным ситуациям. Но это не отменяет того, что ныне народы мира, как мне уже приходилось говорить, подобны связке альпинистов на

горном склоне. Они могут либо вместе взбираться дальше, к вершине, либо вместе сорваться в пропасть. А чтобы этого не случилось, политическим деятелям надо подняться над узко понятыми интересами, осознать весь драматизм современной ситуации. Вот почему так остро стоит вопрос о необходимости нового осмысления всей международной обстановки, всех ее образующих факторов.

В нынешнем мире нельзя строить политику на основе подходов 1947 года, доктрины Трумэна и фултонской речи Черчилля. Надо мыслить и действовать по-новому. Причем история торопит, не дает времени на раскачку. Завтра может быть поздно. А послезавтрашний день может и не наступить вовсе.

Основной, исходный принцип нового политического мышления прост: **ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей.** Этот вывод носит поистине революционный характер, ибо означает коренной разрыв с традиционными представлениями о войне и мире. Ведь именно политическая функция войны всегда служила ее оправданием, ее «рациональным» смыслом. Ядерная же война — бессмысленна, иррациональна. В глобальном ядерном конфликте не оказалось бы ни победителей, ни побежденных, но неминуемо погибнет мировая цивилизация. Это, собственно, даже и не война в привычном понимании, а самоубийство.

Впрочем, развитие военной техники приобрело такой характер, что теперь и неядерная война по своим гибельным последствиям становится сопоставимой с ядерной войной. Поэтому и к этому «варианту» вооруженного столкновения крупных держав правомерно отнести оценки, к которым мы пришли в отношении войны ядерной.

Отсюда совершенно новая ситуация. Образ мысли и образ действия, основанные на применении силы в мировой политике, формировались веками, даже тысячелетиями. Они укоренились в качестве, казалось бы, незыблемых аксиом. Теперь же они утратили всякое разумное основание. Бывшая для своего времени классической формула Клаузевица, что война есть продолжение политики, только другими средствами,—

безнадежно устарела. Ей место в библиотеках. Впервые в истории жизненной потребностью стало положить в основу международной политики общечеловеческие морально-этические нормы, очеловечить, гуманизировать межгосударственные отношения.

Из невозможности военного, ядерного разрешения международных противоречий следует новая диалектика силы и безопасности. Безопасность не может быть ныне обеспечена военными средствами — ни применением оружия, ни устрашением, ни постоянным совершенствованием «меча» и «щита». Кажутся смешными и нелепыми новые попытки добиться военного превосходства. Теперь — через космос. Потрясающий анахронизм, сохраняемый благодаря чрезмерной роли, которую играют в политике милитаристские круги. Абсурдной — с точки зрения безопасности — становится гонка вооружений, ибо ее логика ведет к дестабилизации международных отношений и в конечном счете — к ядерному конфликту. Отрывая от других нужд колоссальные ресурсы, она снижает уровень безопасности, подрывает ее. Она сама по себе — враг мира. Единственный путь к безопасности — это путь политических решений, путь разоружения. Подлинная, равная безопасность в наш век гарантируется все более низким уровнем стратегического баланса, из которого необходимо полностью исключить ядерное и другие виды оружия массового уничтожения.

Кое-кого, может быть, это пугает. А куда, мол, тогда девать военно-промышленный комплекс? Он же стольких людей обслуживает, дает доходы? Этот вопрос специально проанализирован в одной из последних работ лауреата Нобелевской премии В. Леонтьева, и он доказал неосновательность с экономической точки зрения доводов милитаристов. Скажу свое мнение: на каждое рабочее место в военно-промышленном комплексе расходуется средств в два-три раза больше, чем в гражданской промышленности, то есть тут можно три рабочих места создать. Это во-первых. Во-вторых, уже сегодня секторы военной экономики связаны с гражданскими секторами. Многое делают для них. Значит, есть задел, и они могут развернуть свои возможности для мирных целей. В-третьих, СССР и США

могли бы продумать крупные совместные программы, объединяя наши ресурсы, научный, интеллектуальный потенциал ради решения самых разнообразных задач на благо человечества.

Новое политическое мышление требует признания еще одной простой аксиомы: безопасность — неделима. Она может быть только равной для всех или же ее не будет вовсе. Единственная ее солидная основа — признание интересов всех народов и государств, их равенства в международной жизни. Нужно, чтобы собственная безопасность сочеталась с такой же безопасностью всех членов мирового сообщества. Разве, например, в интересах США, чтобы СССР оказался в такой ситуации, когда он считал бы, что его безопасность уступает безопасности США? И разве нам выгодна обратная ситуация? Со всей определенностью скажу, что мы этого не хотели бы. Выходит, что противники вынуждены стать партнерами и сообща искать путь к всеобщей безопасности. Мы видим признаки формирования нового мышления во многих странах, в разных слоях общества. И это естественно. Ибо это путь взаимовыгодных соглашений и обоюдных компромиссов на базе общего высшего интереса — не допустить ядерной катастрофы. Выходит, нельзя стремиться к собственной безопасности за счет других.

Новое политическое мышление столь же категорично диктует характер военных доктрин. Они должны быть строго оборонительными. А это связано с такими новыми или сравнительно новыми понятиями, как разумная достаточность вооружений, ненаступательная оборона, ликвидация дисбаланса и асимметрий в различных видах вооруженных сил, развод наступательных группировок войск между двумя блоками и т. п. [1]

[1] Социалистические страны Европы решительно встали на этот путь. 29 мая 1987 года на совещании Политического консультативного комитета в Берлине они приняли принципиальный документ «О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора». В документе раскрыта суть сугубо оборонительного характера этой доктрины. Никогда, ни при каких обстоятельствах, говорится там, мы не начнем военных действий против какого бы то ни было государства или союза государств, если сами не станем объектом вооруженного нападения. Никогда мы не применим первыми ядерное оружие.

Принципиальная основа всеобщей безопасности в наше время — это признание за каждым народом права выбора собственного пути социального развития, это отказ от вмешательства во внутренние дела других государств, это уважение к другим в сочетании с объективным, самокритичным взглядом на собственное общество. Народ может выбрать и капитализм, и социализм. Это его суверенное право. Народы не могут и не должны подстраиваться ни под США, ни под СССР. Значит, нужно освобождать политические позиции от идеологической нетерпимости.

Нельзя переносить идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений, подчинять им внешнюю политику, ибо идеологии могут быть полярными, а интерес выживания, предотвращения войны является всеобщим и высшим.

Наряду с ядерной угрозой новое политическое мышление рассматривает решение и всех других глобальных проблем, включая проблемы экономического развития и экологии, как органическое условие обеспечения прочного и справедливого мира. Мыслить по-новому — значит, в частности, видеть прямую связь между разоружением и развитием.

Мы выступаем за интернационализацию усилий по превращению разоружения в фактор развития. В Обращении к Международной конференции по этому вопросу, состоявшейся в Нью-Йорке в конце августа 1987 г., я писал: «Реализация фундаментального принципа «Разоружение для развития» должна и может

У нас нет территориальных претензий ни к какому государству ни в Европе, ни вне Европы. Ни к одному государству, ни к одному народу государства — участники Варшавского Договора не относятся как к своему врагу: готовы со всеми без исключения странами строить отношения на основе взаимного учета интересов безопасности и мирного сосуществования.

У стран Варшавского Договора нет стремления обладать вооруженными силами и вооружениями сверх того, что необходимо для оборонительных целей. Они будут строго придерживаться принципа достаточности — для ограждения своей безопасности. Они предложили членам НАТО вместе сесть за стол и сопоставить военные доктрины обоих союзов, прийти таким образом к лучшему пониманию намерений друг друга. Ответом было молчание.

сплотить человечество, помочь формированию его общепланетарного сознания».

В Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, которая была подписана премьер-министром Республики Индии Р. Ганди и мною во время визита в Индию в ноябре 1986 года, есть слова, которые я хочу тоже здесь процитировать: «В ядерную эпоху человечество должно выработать новое политическое мышление, новую концепцию мира, дающую надежные гарантии выживания человечества. Люди хотят жить в более безопасном и более справедливом мире. Человечество достойно лучшей участи, чем быть заложником ядерного ужаса и отчаяния. Необходимо изменить сложившуюся мировую ситуацию и построить мир, свободный от ядерного оружия, свободный от насилия и ненависти, страха и подозрительности».

Есть серьезные признаки формирования нового мышления, понимания того, куда подошел мир. Очень трудно идет этот процесс. И самое трудное — добиться, чтобы это понимание нашло отражение в действиях политиков, в их умах. Но я верю, что новое политическое мышление пробьет себе дорогу, так как рождено оно реальностями своего времени.

Наш путь к новому мышлению

Мы не претендуем на то, чтобы давать другим уроки. Наслушавшись бесконечных поучений от других, мы пришли к выводу, что это никчемное занятие. Учит новому мышлению прежде всего сама жизнь. Мы сами постепенно шли к нему, постепенно им овладевали, по-новому осмысливая свои привычные представления по вопросам войны и мира, взаимоотношений между двумя системами, вдумываясь в глобальные проблемы.

Это был долгий путь. Тридцать с лишним лет тому назад на XX съезде КПСС был сделан фундаментальный вывод об отсутствии фатальной неизбежности новой мировой войны, о возможности предотвратить ее. Речь шла не просто об оттяжке грядущего конфликта, не просто о продлении «мирной передышки», о возможности мирного преодоления того или иного международного кризиса. Наша партия провозгласила свою

убежденность в том, что можно и необходимо ликвидировать военную угрозу как таковую, исключить войну из жизни человечества. Тогда было заявлено, что война отнюдь не является обязательной предпосылкой социальных революций. Принцип мирного сосуществования был развит с учетом происшедших в результате второй мировой войны изменений.

В годы разрядки мы попытались наполнить этот принцип конкретным содержанием на основе равноправного международного диалога и сотрудничества. Именно этот период отмечен заключением ряда важных договоров, завершивших, собственно, «послевоенный» период в Европе, улучшением советско-американских отношений, что сказалось на всей мировой ситуации.

Сама логика разрядки диктовалась все более полным осознанием невозможности победы в ядерной войне. Именно исходя из этого, еще пять лет назад мы перед всем миром заявили, что никогда и ни против кого не применим ядерного оружия первыми.

Глубокий концептуальный поворот связан с апрельским Пленумом ЦК КПСС 1985 года, с XXVII съездом партии. Это и был поворот к новому политическому мышлению, к новому представлению о соотношении классового и общечеловеческого начал в современном мире.

Новое мышление — не импровизация, не игра ума. Это — результат глубоких размышлений над реальностями современного мира, понимания того, что ответственное отношение к политике требует научного ее обоснования. И отказа от некоторых ранее казавшихся незыблемыми постулатов. Необъективность в подходе, уступки конъюнктуре ради достижения преходящих целей, отступления от научной строгости в анализе ситуации дорого нам обходились.

Можно сказать, что новое мышление далось нам непросто, в мучительных раздумьях. А вдохновение черпаем у Ленина. Всякий раз, обращаясь к нему, по-новому «прочитывая» ленинские работы, поражаешься его способности проникать в суть явлений, видеть сложнейшую диалектику мировых процессов. Будучи вождем партии пролетариата, теоретически и политически обосновывая

его революционные задачи, Ленин умел видеть дальше, выходить за их классовые пределы. И не раз высказывал мысли о приоритете общечеловеческих интересов над классовыми. Всю глубину и значимость этих мыслей мы поняли лишь теперь. Они и питают нашу философию международных отношений, новое мышление.

Могут возразить: идеями «вечных» общечеловеческих ценностей занимались философы и теологи всех времен. Да. Но тогда это были «умственные конструкции», обреченные быть утопией, мечтаниями. В XX веке, в конце этого драматического столетия, человечество должно признать жизненную необходимость приоритета общечеловеческого как главного императива эпохи.

Во внешней политике, как и во внутренней, испокон веков во главе угла был классовый интерес. Разумеется, официально он, как правило, прикрывался чем-то другим — подавался как национальный, государственный или блоковый, затуманивался ссылками на «всеобщее благо» или религиозные мотивы. Но в конечном счете, по убеждению не только марксистов, но и многих других трезво рассуждающих людей, политика всякого государства или союза государств определяется интересами доминирующих в них социально-политических сил. Острые столкновения этих интересов на международной арене вели на протяжении всей истории к вооруженным конфликтам и войнам. Так и получилось, что политическая история человечества — это в значительной мере история войн. Сегодня эта традиция ведет прямиком к ядерной бездне. Все человечество находится в одной лодке, и потонуть или выплыть можно только вместе. Поэтому переговоры о разоружении — это не игра на выигрыш. Выиграть должны все, иначе все проиграют.

Ядром нового мышления является признание приоритета общечеловеческих ценностей и еще точнее — выживания человечества.

Кому-то может показаться странным, что такой упор на общечеловеческие интересы и ценности делают коммунисты. Действительно, классовый подход ко всем явлениям общественной жизни — это азбука марксизма. Такой подход и сегодня полностью отвечает реальностям классового общества, в котором противоборствуют

классовые интересы, и реальностям международной жизни, также пронизанным этим противоборством. И до самого последнего времени классовая борьба оставалась стержнем общественного развития, она остается таковым и поныне в классово-разделенных государствах. Соответственно, и в марксистском мировоззрении доминировал — применительно к главным вопросам общественного бытия — классовый подход. Понятие общечеловеческое рассматривалось как функция и конечный результат борьбы рабочего класса — последнего класса, который, освобождая себя, освобождает и все общество от классовых антагонизмов.

Но теперь, с появлением оружия массового — всеобщего! — истребления, появился объективный предел для классовой конфронтации на международной арене: это угроза всеуничтожения. Впервые возник реальный, а не умозрительный, сегодняшний, а не отдаленный, общечеловеческий интерес — отвести от цивилизации катастрофу.

В духе нового мышления были внесены изменения в новую редакцию Программы КПСС, принятую XXVII съездом партии, в частности, мы сочли далее невозможным оставить в ней определение мирного сосуществования государств с различным общественным строем как «специфической формы классовой борьбы».

Было принято считать, будто источник мировой войны — в противоречиях между двумя социальными системами. До 1917 года в мире была одна система — капиталистическая, и тем не менее разразилась мировая война между государствами этой одной системы. Были и другие войны. И, наоборот, во второй мировой войне в рамках единой коалиции боролись против фашизма и разгромили его страны, представлявшие разные системы. Общий интерес всех народов и государств, которые оказались перед лицом фашистской угрозы, превысил социально-политические различия между ними и обеспечил основу для создания антифашистской «надсистемной» коалиции. Значит, и сегодня — перед лицом еще более страшной опасности — государства, принадлежащие к разным социальным системам, могут и должны сотрудничать между собой во имя мира, во имя решения общечеловеческих, глобальных задач.

Развивая свою философию мира, мы по-новому взглянули и на взаимосвязь войны и революции. В прошлом война нередко оказывалась детонатором революционных взрывов. Вспомним Парижскую коммуну, ставшую эхом франко-прусской войны, или российскую революцию 1905 года, которую подтолкнула война между Россией и Японией. Первая мировая война вызвала революционный шторм. Его девятым валом стала Октябрьская революция в нашей стране. Вторая мировая война подняла новую волну революций в Восточной Европе и в Азии, а также мощную антиколониальную революцию.

Это подкрепляло марксистско-ленинскую логику: империализм неизбежно порождает крупные военные столкновения, а они закономерно создают в ряде стран «критическую массу» социального недовольства, революционную ситуацию. Отсюда и прогноз, которого у нас в стране придерживались долгое время: третья мировая война, если ее развяжет империализм, приведет к новым социальным потрясениям, которые вообще покончат с капиталистической системой, что будет одновременно означать и наступление всеобщего мира.

Но когда условия в корне изменились, когда итогом ядерной войны может быть только всеобщее уничтожение, мы сделали вывод и об исчезновении причинно-следственной связи между войной и революцией. Перспектива социального прогресса «совместилась» с перспективой предотвращения ядерной войны. На XXVII съезде КПСС мы четко «развели» тему революции и тему войны, исключив в новой редакции Программы нашей партии следующие две фразы: «В случае, если империалистические агрессоры все же осмелятся развязать новую мировую войну, народы не будут больше терпеть строй, ввергающий их в опустошительные войны. Они сметут и похоронят империализм». Это положение, допускавшее теоретически возможность новой мировой войны, было снято как не соответствующее реальностям ядерной эпохи.

Экономическое, политическое, идеологическое соревнование между капиталистическими и социалистическими странами неизбежно. Но его можно и нужно удержать в рамках мирного соперничества, обязательно

предполагающего сотрудничество. Судить о достоинствах той или иной системы должна история. Она все рассудит. Пусть каждый народ разбирается, какой строй лучше, какая идеология лучше. Пусть это решит соревнование мирное, пусть каждая система докажет свою способность ответить на интересы и нужды человека. Государства и народы Земли — очень разные. И даже хорошо, что разные. Это импульс для состязания. Такое понимание вписывается в концепцию мирного сосуществования. Это и есть диалектическое единство противоположностей.

Таковы, в общих чертах, основные вехи нашего пути к новой философии мира, к уяснению новой диалектики общечеловеческого и классового начал в современную эпоху.

Но следует ли из этого, что мы отказались от классового анализа причин ядерной угрозы и некоторых других глобальных проблем? Прямо отвечу: это не так. Нельзя не учитывать классовой разнородности сил, действующих на мировой арене, упускать из виду влияние классового антагонизма на международные отношения, на подходы к решению всех других задач человечества.

Мы видим, как сильны в ведущих капиталистических странах позиции агрессивно и милитаристски настроенной и действующей части правящего класса. Ее оплот — могущественный военно-промышленный комплекс, интересы которого корнями уходят в саму природу капиталистического строя и который извлекает из производства оружия огромные прибыли за счет налогоплательщиков. А чтобы люди верили, что не зря тратят деньги, необходимо внушить им веру в существование «внешнего врага», посягающего на их благосостояние и «национальные интересы» в целом. Отсюда же и силовая политика — безрассудная и безответственная. «Сила, снова сила и еще раз сила» — разве можно так вести дела в наш-то ядерный век, когда оружия накоплено столько, что стоит малую долю его пустить в ход и человечества не станет. Вот это и есть мышление в духе «холодной войны». Но оно коренится в конкретных экономических интересах монополий, производящих оружие, во влиянии на политику армии, которая

не хочет расстаться со своим привилегированным положением, а также чиновничьего аппарата, обслуживающего милитаризм.

Могут спросить: а по каким же причинам существует и совершенствуется оружие и армия в Советском Союзе? Отвечу, поскольку знаю точно, ибо являюсь Председателем Совета обороны нашей страны. Мы в нашей стране со времен Октября находимся под постоянным прессом угрозы нападения. Посудите сами, поставив себя на наше место. Гражданская война не без участия иностранцев, интервенция 14 государств, экономическая блокада и «санитарный кордон», дипломатическое непризнание (США до 1933 года), военные провокации на Востоке, наконец, опустошительная и кровопролитная война с фашизмом, которая пришла с Запада. Не можем мы выбросить из памяти и планы американских военных и Совета национальной безопасности атомного нападения на Советский Союз. Задаем и такой вопрос: почему Запад пошел первым на создание НАТО, всегда первым создавал новые системы оружия? Далеко не праздным является и такой вопрос: почему нынешняя американская администрация не хочет прекращать испытания ядерного оружия и добивается от американцев растраты огромных сумм на программу «звездных войн»? Разве можно все это отнести к разряду мирных устремлений? Повторяю, поставьте себя на наше место и скажите: как бы вы поступали?

Несмотря ни на что, мы искренне готовы разоружаться, но на справедливой основе равной безопасности, готовы к сотрудничеству по самому широкому фронту. Но, памятуя о горьких уроках, мы не можем пойти на крупные односторонние шаги, ибо опасаемся, что они могут послужить соблазном для любителей «глобальных национальных интересов». Главное сейчас, по нашему мнению, привести в действие механизм самосохранения человечества, способствовать возрастанию потенциала мира, разума и доброй воли.

«Рука Москвы»

Едва ли не самым затасканным на Западе высказыванием кого-либо из советских руководителей является известная — в сердцах брошенная Н. С. Хрущевым — реплика: «Мы вас

закопаем!» Для зарубежных читателей надо пояснить: в конце 20 — начале 30-х годов у нас проходили острые дискуссии ученых-аграрников, которые (имея в виду их сугубо политическую подоплеку) кое-кто с горькой иронией называл спором о том, «кто кого закопает». Наверное, эти дискуссии и навеяли образ, примененный Хрущевым, неудачный во всех отношениях.

Но даже и его надо видеть в контексте всей речи Хрущева, не придавать ему военного аспекта. Он имел в виду соревнование двух систем, хотел показать, что социализм не боится сопоставления с капитализмом, что за социализмом будущее. Хрущев был человеком эмоциональным, принимал близко к сердцу, когда его искренние усилия улучшить международную обстановку, его конкретные предложения наталкивались на глухую стену непонимания и сопротивления.

Скажу, но теперь уже по собственному опыту: вести с Западом переговоры по проблемам разоружения, поскольку тут замешаны экономические интересы, нужно набраться адского терпения. И еще, пожалуй, надо добавить, что если бы мы, в Советском Союзе, судили о политике какой-либо другой страны по отдельным высказываниям ее лидеров, то давно стрелять начинать надо. Но ведь этого же не происходит. Так что не надо бесконечно спекулировать на трех словах покойного и превращать их в позицию нашего государства.

Что же касается таинственного цитатника Белого дома, на который ссылаются, разглагольствуя о «доктрине» Ленина насчет насаждения коммунизма во всем мире и планов покорения Европы, то должен сказать: никакой такой «доктрины» не было ни у Маркса, ни у Ленина, ни у кого-то из советских руководителей. Так называемые «цитаты», которыми иногда оперируют весьма высокопоставленные ораторы,— плод грубой фальсификации, в лучшем случае — невежества.

По поводу пресловутой «руки Москвы» хочу сказать следующее. Согласно марксистскому мировоззрению, будущее принадлежит обществу без эксплуатации человека человеком, без национального и расового угнетения. Будущее — за принципами социальной справедливости, свободы и всестороннего развития

личности. Но дело каждого народа решать — брать ли их за ориентир, следовать ли им в переустройстве своей жизни, а если следовать — то в каких формах и какими темпами.

«Победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы» [1]. Эти слова Энгельса — точная формула нашего отношения ко всем разновидностям «экспорта революции». Ведь революции, как говорил Ленин, вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя. Они «созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин» [2]. Всякие попытки сделать революцию «по заказу», «установить очередь», предуказать ей сроки Ленин клеймил как «шарлатанство».

Теория, то, что мы называем научным социализмом, говорит нам, что человеческое общество проходит в своем развитии определенные этапы. Был первобытнообщинный строй, затем рабовладельческий, феодальный. На смену феодализму пришел капитализм. А в XX веке взяло старт социалистическое общество. Мы убеждены, что все это — закономерные ступени одной исторической лестницы. Это — неизбежный мировой процесс. Пусть на Западе думают, что капитализм — высшее достижение цивилизации. Думать так — их дело. Мы с этим просто не согласны. И пусть история решает — на чьей стороне истина.

Революции и освободительные движения рождаются на национальной почве. И рождаются тогда, когда становятся невыносимыми нищета и бесправие масс, когда подавляется национальное достоинство и отрицается право на самостоятельный выбор. Если массы людей поднимаются на борьбу, значит, задеты их жизненные интересы. Дело тут не в чьих-то посторонних амбициях и кознях, не в «руке Москвы». Впрочем, этот миф носит тоже надуманный и злонамеренный характер, служащий определенным целям.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 35, с. 298.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 531.

Интернациональный потенциал нового мышления

Новое мышление мы отнюдь не рассматриваем как какую-то законченную систему. Не считаем, что нашли истину и другим остается лишь к ней присоединиться или отвергнуть, то есть занять позицию, которую мы назовем ошибочной. Нет. И для нас самих новое мышление остается процессом, в ходе которого мы продолжаем учиться, постоянно накапливая новые знания. Как известно, Ленин считал, что не хватило бы и семидесяти Марксов, чтобы проанализировать во всех взаимосвязях процессы в мировой экономике. С тех пор мир так усложнился! Формирование нового мышления требует живого общения не только с единомышленниками, но и с людьми, представляющими иные взгляды, отличающиеся от наших и философски, и политически.

Ибо они — тоже носители исторического опыта, культуры, специфики своих народов, которые все теперь являются субъектами мирового развития и имеют право на свое мнение и на действенное участие в мировой политике. Убежден, что современные политики должны быть восприимчивыми к интеллектуальному потенциалу других стран и народов, иначе их деятельность обречена на провинциализм, национальную ограниченность, если не хуже того.

Вот почему мы — сторонники широкого диалога, сопоставления точек зрения, спора, дискуссий. Это возбуждает мысль, не дает ей застаиваться, замыкаться в привычном кругу представлений. А главное — позволяет обогащать новое мышление интернациональным содержанием.

Особенно важно общение людей «из разных миров», разных по роду занятий и по взглядам, когда они собираются вместе.

Если у них общая забота о человечестве, то их споры и многообразие противоречивых аргументов не мешают им находить согласие, договариваться о самом главном. Они как бы в миниатюре демонстрируют такую возможность для всего мирового сообщества.

Наиболее отчетливо это проступает во встречах ученых, писателей, деятелей искусства, культуры. Их заботы и тревоги о судьбах мира, о предназначении

человека, о его возможностях, их нравственная энергия и боль за все, что не отвечает еще человеческим условиям существования, оснащены искренностью и компетентностью. А это — величайшая ценность в наш век, когда наука, знание проникают в глубочайшие глубины природы и всего живого и фактически определяют движение истории. Поэтому я бы даже сказал так: неформальное, живое общение политиков и представителей науки, культуры — веление времени.

Но общение с такими людьми обогащает не только теоретически, философски. Оно, должен признаться, сказывается и на политических шагах, на решениях, которые приходилось принимать за последние годы.

Хорошо помню свою встречу в ноябре 1985 года с делегацией конгресса ученых — лауреатов Нобелевской премии. Это были Дж. Уолд (США), Т. Книппенберг и С. Габриель (Нидерланды), А. Энглендер (Австрия), А. М. Прохоров (СССР). Присутствовали также академики А. П. Александров и Е. П. Велихов. Беседовал я с ними незадолго до поездки в Женеву на первую свою встречу с президентом Рейганом. Они передали мне обращение от имени участников своего конгресса, состоялся очень серьезный разговор: о возможных последствиях применения ядерного оружия, о значении запрета на ядерные испытания, об опасности милитаризации космоса. Мы говорили о том, что путь к безопасности через разоружение взаимосвязан с усилиями по достижению достойного человека существования.

Мне запомнилось высказанное нобелевскими лауреатами суждение, что в настоящее время мужество требуется не для подготовки к войне, а для утверждения мира. Эта встреча подкрепила морально позиции, которые мы подготовили для встречи с президентом США.

Другой пример. На Московском международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» — беспрецедентном по представительности и авторитету его участников — я соприкоснулся с настроениями, образом мысли и идеями, можно сказать, международной интеллектуальной элиты. Общение с ними оставило большое впечатление. Итоги конгресса я обсуждал со своими коллегами в Политбюро. И мы

решили сделать новый крупный, компромиссный шаг — развязать рейкьявикский пакет, выделив из него проблему ракет средней дальности в Европе.

Еще пример. Как известно, Советский Союз несколько раз продлевал односторонний мораторий на ядерные взрывы. И должен сказать, что это было результатом серьезного рассмотрения многочисленных обращений к советскому руководству со стороны различных кругов зарубежной интеллигенции. Их беспокойство и аргументы мы воспринимали со всей серьезностью, ибо понимали, что ответственная политика не может не считаться с мнением едва ли не самой авторитетной части общественности. Я думаю, что политика, которая не оплодотворяется раздумьями о человеческих судьбах — а именно в этом предназначение настоящей интеллигенции,— это аморальная политика, она не заслуживает уважения.

Глубокий след в наших размышлениях о содержании нового мышления оставил Иссык-кульский форум, на который приехали по приглашению советского писателя Чингиза Айтматова выдающиеся деятели мировой культуры. Я встретился с его участниками. Главной темой нашего обмена мыслями была проблема: гуманизм и политика, нравственное и интеллектуальное начало в политической деятельности в ядерную эпоху. Я говорил тогда: из прошлых бед люди извлекали уроки, собирались с силами, с мыслями и, превозмогая тяготы и лишения, потери, снова поднимались и шли вперед, каждый выбирая свою дорогу. Но что произойдет, если мы не сумеем отвести нависшую над нашим общечеловеческим домом ядерную угрозу? Боюсь, что у нас уже не будет возможности исправить допущенную ошибку. Вот сверхзадача. Вот почему интеллектуальный и нравственный потенциал мировой культуры должен быть включен в практическую политику.

Огромное влияние на мировое общественное сознание за совсем короткий срок приобрело международное движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Основатели его — американский профессор Б. Лаун и наш академик Е. И. Чазов. В него включились уже десятки тысяч врачей Америки, Европы, Азии, Африки, Австралии. Я встречался еще ранее с

профессором Лауном, а на этот раз, после очередного конгресса в Москве,— со всеми руководителями движения. То, что эти люди говорят, невозможно игнорировать. То, что они делают, вызывает огромное уважение. Ибо и то и другое пронизано точным знанием и страстным стремлением предупредить человечество о грозящей ему опасности.

В свете их аргументов, строго научных данных, которыми они располагают, кажется, не остается места для политиканства. И никакой серьезный политик не имеет права не считаться с их выводами, пренебречь идеями, с помощью которых они поднимают на качественно новый уровень мировое общественное сознание.

О советском руководстве скажу — нам интересно мнение (и даже критика) людей, представляющих все разнообразие современного мира. В общении с ними мы выверяем возможности нового мышления и реализм нашей политики. А близость, а то и совпадение взглядов, обнаруживаемые в этом общении, служат для нас свидетельством того, что наши новые подходы идут в том же русле, что и поиски честно думающей части человечества.

В активизации международных контактов ученых, деятелей культуры, вообще интеллигенции, в их профессиональных движениях мы видим попытку повести за собой лучшие силы наций и народов, помочь им понять современный мир и выразить мнение о его будущем, с тем чтобы предотвратить беды, которые могут постигнуть всех вместе.

Это относится не только к разоружению, демилитаризации сознания и общества, но и к таким общечеловеческим проблемам, как экологическая опасность, энергетические и ресурсные перспективы, здравоохранение, образование, продовольствие и народонаселение, информационная агрессия и т. д. Очень много точек соприкосновения, очень много полезного мы извлекаем из контактов по всем этим проблемам с людьми науки и культуры, с авторитетными представителями общественности.

Я бы сказал, что возникла необходимость — и в нынешних условиях она, казалось бы, должна становиться естественной потребностью у политиков и предста-

вителей науки и культуры — общаться, встречаться, поддерживать постоянный обмен мнениями.

Недавно я беседовал с выдающимся латиноамериканским писателем Габриэлем Гарсиа Маркесом. Это — глубочайший ум. Кругозор его мышления глобален: достаточно прочитать хотя бы одну из его книг, чтобы убедиться в этом. Так вот оказалось, что, говоря о перестройке в Советском Союзе, можно углубляться в любую международную и социальную проблему современности. Ибо весь мир нуждается в перестройке, то есть в качественном изменении, прогрессивном развитии. Мнение такого человека много значит. Оно и вдохновляет, потому что отражает мысли, заботы и настроения миллионов — белых, черных, желтых, всех людей Земли. Значит, то, что мы затеяли у себя, может пойти на пользу и другим народам.

Для меня, коммуниста, естественно постоянное общение с представителями коммунистического движения зарубежных стран. В характере этого общения много изменилось за последний период. Мы постепенно «отучиваемся» от межпартийной дипломатии, которая, бывало, подавала правду в подсахаренном виде, а то и вообще оставляла ее где-то в подтексте.

Что бы ни думали противники коммунизма о нем, это движение возникло и существует ради человека — его свободы, защиты его подлинных прав, ради справедливости на Земле. Оно несет в себе огромный потенциал гуманизма. Поэтому идеи, оценки, соображения и взаимная доброжелательная критика, которыми мы обмениваемся с друзьями по духу, по мировоззрению, имеют незаменимое значение для формирования и углубления нового мышления и для правильного использования в политике всего богатства интернационального опыта, отражающего интересы и настроения трудящихся масс.

Мы приветствуем резко возросшее за последние годы непосредственное влияние на международную политику многочисленных и многоликих общественных движений — профсоюзных, женских, молодежных, антивоенных, экологических. Они требовательно и ответственно вторгаются в некогда заповедные зоны дипломатии.

И справедливо, из первых рук хотят знать намерения государственных деятелей, от которых практически зависит ход событий на ключевых направлениях международной жизни. Я встречался с делегацией Всемирной федерации профсоюзов — крупнейшего профцентра, за которым стоят сотни миллионов трудящихся многих стран мира. Делегация передала мне документ XI Всемирного конгресса профсоюзов, содержащий призыв ко мне и президенту США. Значение этого документа, на мой взгляд, в том, что в нем — воля рабочего класса, отражающая общечеловеческий интерес в утверждении мира. Из этого документа, из откровенной и содержательной беседы с профсоюзными лидерами я вынес убеждение в том, что историческая миссия рабочего класса, как выразителя — через свои собственные интересы — интересов всего общественного развития, жива, продолжается и в новых условиях, коренным образом изменившихся с тех пор, как она, эта миссия, была им впервые осознана.

Глубоко взволновал Всемирный конгресс женщин, проходивший в Москве в июне 1987 года. Меня попросили там выступить. Это был необычайно представительный форум — женщины из более чем 150 стран. В выступлениях делегаток, в их словах во время разговоров с ними чувствовалась впечатляющая личная причастность к тому, что происходит в мире. Да, в женщинах, которым природой предназначено хранить и продолжать род человеческий, идея мира обретает сегодня своего самого бескорыстного, самоотверженного и массового защитника. Я много приобрел, побывав на этом конгрессе,— и эмоционально, и в политическом смысле.

Каждый день я получаю десятки писем, обращений, телеграмм со всех концов Земли. От политических и общественных деятелей, мэров городов, парламентариев, бизнесменов и больше всего — от простых людей, супружеских пар, семейных писем. Много коллективных обращений, писем от детей, и коллективных и индивидуальных. Бывают просто трогательные вещи: к письмам прилагаются стихи, целые поэмы, рисунки, маленькие самодельные сувениры, грамоты, дипломы какой-нибудь школы или кружка, клуба, даже молитвы.

Во всем этом многообразии человеческих чувств и мыслей — тревога за судьбы мира, надежда на то, что человечество достойно лучшей участи, чем жить под тенью ядерной катастрофы.

При всей своей занятости я стараюсь по возможности отвечать на письма. Самое главное для нас в этих обращениях и призывах — доверие к Советскому Союзу, к нашей нынешней политике. Этим доверием мы дорожим и будем оправдывать его своими делами как внутри страны, так и на международной арене.

Такое общение с людьми всего мира подкрепляет уверенность в том, что перспективы цивилизации не безнадежны, раз лучшие умы и честные души думают и тревожатся о ее настоящем и будущем, готовы отдавать свой талант, знания, время, эмоциональную энергию для того, чтобы сохранить мир и строить лучший, более справедливый.

Итак. Основывая свою политику на новом мышлении, мы вовсе не хотим замкнуться в круге привычных нам идей и свойственного нам политического языка. Отнюдь не имеем в виду перекрестить всех в марксистскую веру. Новое политическое мышление может и должно впитать опыт всех народов, обеспечить взаимное обогащение и слияние разных культурных традиций.

За честную и открытую внешнюю политику

Советское руководство стремится вести дела по-новому. Прежде всего я должен назвать здесь — **диалог.** Без него о достижении взаимопонимания трудно даже говорить. После того как вышли на принципы нового мышления, мы приняли диалог в качестве исходного инструмента их апробирования в практике международных отношений. Более того, с помощью диалога мы проверяем реалистичность наших идей, инициатив, самого нашего поведения в международных делах. И мы с удовлетворением отмечаем, что это слово, хотя оно в отличие от «перестройки» не русского происхождения, в последние годы прочно утвердилось в дипломатическом лексиконе. А сам политический диалог стал играть небывало важную роль в международных отношениях.

За два с половиной года моего пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС я имел не менее полутораста встреч и бесед с главами государств и правительств, лидерами парламентов и партий — коммунистических, социал-демократических, либеральных, консервативных, с политическими и общественными деятелями различных рангов Европы, Америки, Азии и Африки.

Нормальной практикой это стало и у многих моих коллег из советского руководства. Для нас это большая школа. Думаю, что и для большинства наших собеседников такой диалог небесполезен. В ходе его формируются и закрепляются цивилизованные международные отношения, столь необходимые современному миру.

Далее. Мы хотим в международном общении вернуть словам их подлинный изначальный смысл. Провозглашая свою приверженность к честной и открытой политике, мы имеем в виду честность, порядочность, искренность и следуем этим принципам практически. Сами по себе эти принципы не новы — они унаследованы нами от Ленина. Новое в том, что мы стараемся освободить их от двусмысленностей, которые столь распространены в современном мире. Новое и в том, что сложившаяся ныне обстановка делает их обязательными для всех.

Мы практически исключили всякие расхождения между тем, что говорим нашим зарубежным собеседникам за закрытыми дверьми, и тем, что заявляем и делаем публично. Признаюсь, я не сторонник такой мудреной дипломатии, когда в результате встречи или обмена посланиями не поймешь, что же хотел сказать собеседник. Я сторонник политики открытой, политики реальных дел. У нее не должно быть двойного дна, ибо ее предсказуемость — необходимое условие международной стабильности. Больше света, больше гласности во внешнеполитических делах, поменьше тактических хитросплетений и словесных уверток. Никто никого сейчас обмануть не может. Я не перестаю это повторять своим собеседникам с Запада.

Сегодня от руководителей требуется точная оценка реальностей, ясная голова, повышенное чувство ответ-

ственности. То есть нужна серьезная политика, а не игра в политику, которая есть — политиканство.

Думается, новый стиль в международных отношениях предполагает расширение их рамок далеко за пределы собственно дипломатического процесса. Наряду с правительствами все более активными участниками международных контактов становятся парламенты — и это благоприятный симптом. Он говорит о тенденции к демократизации во внешнеполитической сфере. Знамение наших дней, как я уже говорил,— широкое вторжение в эту сферу общественного мнения, международных и национальных общественных организаций. Публичная, народная дипломатия — обращение непосредственно к народам — становится нормальным средством межгосударственного общения.

Использование методов публичной дипломатии с нашей стороны — не уловка. Просто мы исходим из того, что все тяготы гонки вооружений лежат на народных массах, не говоря уже о возможных последствиях международных конфликтов. Мы хотим, чтобы позиции Советского Союза доходили до народов.

Тут нужно коснуться острого, актуального вопроса о соотношении политики и пропаганды. Сколько раз в ответ на свои внешнеполитические инициативы нам приходилось слышать: «Это пропаганда!» Надо признать, что в наш век массовой информации и массового интереса к международной проблематике все внешнеполитические предложения выступают так или иначе в пропагандистском сопровождении. Они должны «производить впечатление». Американские руководители, например, начинают пропагандировать свои возможные шаги на международной арене задолго до их официальных представлений, причем всегда изображают их как «крупные», «исторические», «поворотные» и т. д. Но все дело в том, каков истинный характер, какова цель предложений: рассчитаны ли они на практическое воплощение, реальны ли они, учитывают ли интересы всех заинтересованных сторон или же заведомо выдвигаются лишь затем, чтобы поднять пропагандистскую волну. Так вот, могу заявить с полной ответственностью, что все наши инициативы — это деловые предложения, это,

используя ленинское выражение, «лозунги действия», а не «лозунги пропаганды».

С чистой совестью могу повторить здесь то, что говорил, отвечая на вопросы журнала «Тайм» в августе 1985 года. Если уже во всем, что мы делаем, и впрямь видят одну пропаганду, почему бы не ответить на нее по принципу «око за око, зуб за зуб»? Мы прекратили ядерные взрывы. Вот и вы, американцы, в отместку взяли и сделали бы то же самое. А вдобавок нанесли бы нам еще один «пропагандистский удар» — приостановили бы, скажем, разработку одной из новых стратегических ракет. А мы ответили бы такой же «пропагандой». И так далее и тому подобное. Кому, спрашивается, повредило бы соревнование в такой «пропаганде»?

Два с половиной года — срок невеликий. Но по всем меркам период, о котором мы ведем речь, оказался исполнен глубокого внутреннего содержания. Что здесь главное? Могут сказать, что новое политическое мышление все еще с трудом пробивает себе путь в мировой политике. И это будет верно. Могут сказать, что инерция старого все еще сильнее новых тенденций. И это верно. И все же главное в том, что трудное начало перестройке международных отношений положено. И мы верим, что мир будет меняться к лучшему. Уже меняется.

Глава IV

ПЕРЕСТРОЙКА В СССР И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

Наш интернационалистский принцип: предпринимая что-то важное, существенное у себя дома, основательно взвесить, что это будет означать для социализма в целом. Не говоря уже о том, что ни одна социалистическая страна не может успешно, в здоровом ритме двигаться вперед без понимания, солидарности и взаимовыгодного взаимодействия с другими братскими странами, а то и без их помощи.

О реальном социализме

Взяв курс на перестройку, мы исходили из того, что, будучи делом советского народа, призванная вывести наше общество на качественно новые рубежи, перестройка работает и будет работать и на укрепление социализма в целом. Это первое.

И второе. Избранный нами курс, необходимость резко прибавить шаг заставили с широких исторических позиций посмотреть на развитие взаимодействия с другими странами социализма. В итоге был сделан вывод — и его разделяют все братские партии,— нашему сотрудничеству надо придать больший динамизм, и в этой сфере назрела своего рода перестройка. Наши размышления, а потом и инициативы основывались на следующем.

За послевоенные десятилетия социализм превратился в мощное международное образование, стал крупнейшим фактором мировой политики. В большой группе стран функционирует социалистическое хозяйство. Заложены основы международного социалистического разделения труда. Накоплен разнообразный опыт деятельности многосторонних организаций социалистических государств. Крупные масштабы приобрел научный и

культурный обмен. Это, конечно, не значит, что путь международного социализма состоял из одних успехов. Исходный экономический уровень стран, вступивших на социалистический путь, существенно различался. И сегодня он далеко не одинаков. И это одна из трудностей в реализации общего потенциала социализма, в отработке механизмов интеграции.

Социализм прошел через непростые этапы развития. В первые послевоенные десятилетия только Советский Союз обладал опытом строительства нового общества. Ему как бы приходилось отвечать за все, что происходило,— и за плохое, и за хорошее. Этому соответствовал и характер экономических отношений, которые развивались с акцентом на поставки советского сырья и топлива, на помощь Советского Союза в создании базовых отраслей промышленности. Да и в сфере государственного строительства братские страны социализма во многом полагались на советский пример. В какой-то степени это было неизбежно. Спекуляции насчет навязывания «советской модели» искажают эту объективную необходимость того времени. Опыт и помощь первого социалистического государства были в целом благоприятным фактором в строительстве нового общества в других странах.

Однако не обошлось без издержек, причем серьезных. Многое из опыта СССР перенималось без учета особенностей тех или других стран. Хуже того, этот шаблонный подход идеологически «освещался» некоторыми нашими теоретиками и особенно практиками, которые выступали чуть ли не в роли единственных хранителей истин. Не учитывая новизны проблем, специфики социалистических стран, они порой проявляли подозрительность к их поискам.

С другой стороны, в ряде социалистических стран возникали тенденции к определенному замыканию в себе, что создавало почву для субъективистских оценок и действий. Я уже не говорю о том, что с момента своего рождения социалистические страны были объектом массированного давления империализма — политического, военного, экономического, идеологического.

Все это в ряде случаев приводило к тому, что объективные процессы и назревавшие проблемы вовремя не

замечались правящей партией, руководством. А друзья по социалистическому содружеству, если что и видели, вызывающее беспокойство, как правило, отмалчивались. Не принята была такая доверительная откровенность. Могла быть, как говорится, «неправильно понята». Некоторые социалистические страны пережили серьезные кризисы в своем развитии. Так было, например, в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии — в 1968 году, в Польше — в 1956 году, а затем — в начале 80-х годов. У каждого из таких кризисов была своя специфика. По-разному из них выходили. Но объективный факт таков: ни в одной из стран социализма не произошло возврата к старым порядкам. И замечу, что в трудностях и сложностях развития социалистических стран виноват, разумеется, не социализм, а в основном просчеты правящих партий. Ну и, конечно, есть здесь и «заслуга» Запада, его постоянных и упорных попыток подорвать развитие социалистических государств, поставить им подножку.

Через суровые, подчас горькие испытания накапливался опыт социалистических преобразований. Из практики, из теоретической работы правящих коммунистических партий складывалось более полное и точное представление о методах, формах, способах социалистического переустройства общества. Маркс, Энгельс, Ленин, теоретически обосновав принципы социализма, не стремились дать детальную картину будущего общества. Да это и невозможно сделать. Оно складывалось и продолжает складываться из революционного творчества всех социалистических государств.

Случались и серьезные сбои в отношениях между социалистическими странами. Особенно тяжелым было нарушение дружественных отношений между Советским Союзом и Югославией, Китайской Народной Республикой, Албанией. В общем, горьких уроков хватало. И коммунисты учились. Продолжаем учиться и сейчас.

Вообще одно из преимуществ социализма — его способность учиться. Учиться решать проблемы, которые ставит жизнь. Учиться предупреждать кризисные ситуации, которые пытается создать и использовать наш противник. Учиться противодействовать попыткам рас-

слоить социалистический мир, противопоставить одни страны другим. Учиться не допускать коллизии интересов различных социалистических государств, взаимно их гармонизировать, находить взаимоприемлемые решения самых сложных проблем.

С чем пришел мировой социализм к середине 80-х годов? Сейчас можно констатировать: социалистический строй прочно встал на ноги в большой группе государств, постоянно растет экономический потенциал стран социализма, его духовные ценности глубоко нравственны и возвышают человека.

Но в таком случае может возникнуть вопрос: раз все так хорошо, то почему перестройка «вторгается» в отношения между социалистическими странами? Что ж, вопрос законный.

В общей форме ответ тоже довольно прост: этап первоначального становления мирового социализма, его формирования остался позади, а сложившиеся в то время формы отношений практически не изменились. Не были с достаточной степенью откровенности прояснены и негативные наслоения в этих отношениях, а значит, не выявлены все «тормозные устройства», сдерживавшие их развитие, выход на новый, современный этап. Между тем каждая социалистическая страна, каждое социалистическое общество накопили большой собственный опыт во всех сферах жизни. И цепляться за старые формы сотрудничества, ограничиваться ими значило бы наносить прямой ущерб и престижу и возможностям социализма.

В самом деле. С конца 70-х годов контакты между руководством братских стран начали приобретать налет парадности. В них стало меньше доверительности, деловитости.

Сейчас многое изменилось. За два с половиной года сообща проделана большая работа. Она требует продолжения, и продолжается. Вся гамма политических, экономических, гуманитарных отношений между социалистическими странами обновляется. Это продиктовано не эмоциями, а объективными потребностями внутреннего развития и международной ситуации в целом.

К новым отношениям

Роль Советского Союза в содружестве в условиях перестройки определяется объективным положением нашей страны. И когда хорошо у нас, и когда плохо — это неизбежно отражается на всех. Но тот уровень взаимодействия, на который мы сейчас выходим,— результат не только работы, которую мы ведем у себя дома. Это итог совместной деятельности и совместных усилий братских стран. Мы не раз и не два обсуждали все аспекты сотрудничества с нашими друзьями и союзниками.

Все мы исходим из того, что в нынешний сложный период мирового развития социализм должен проявить во всей полноте динамизм своей политической и экономической системы, гуманный образ жизни. Перестройка отношений в социалистическом содружестве в соответствии с требованиями времени уже идет. Мы не впадаем в эйфорию, работа еще только разворачивается. Но ключевые ориентиры определились.

В чем их суть? Речь идет прежде всего о том, чтобы всю систему политических отношений между странами социализма строить неукоснительно на основе полной самостоятельности. Это — общая точка зрения всех руководителей братских стран. Самостоятельность каждой партии, ее право суверенно решать вопросы своей страны, ответственность перед своим народом — безусловные принципы.

В равной мере глубоко убеждены мы и в том, что успехи содружества невозможны без заботы каждой партии и государства не только о собственных, но и об общих интересах, без уважительного отношения к друзьям и союзникам, обязательного учета их интересов, внимательного отношения к опыту других.

В понимании этой связи внутренних задач и интересов мирового социализма — наша сила. В этом мы черпаем уверенность при решении задач, которые поставило перед нами время.

Душой политического сотрудничества стран социализма остается взаимодействие правящих коммунистических партий. За последние годы практически не было ни одной братской страны, с руководством которой

у нас не состоялось бы встреч и обстоятельных бесед. Обновляются и сами формы сотрудничества. Складывается новое, может быть, ключевое его звено — институт многосторонних рабочих встреч руководителей братских стран. Они позволяют оперативно, по-товарищески советоваться по всему комплексу проблем социалистического строительства, его внутренним и внешним аспектам.

В непростой международной обстановке большое значение имело продление — по единодушному решению его участников — Варшавского Договора. В рамках периодических совещаний Политического консультативного комитета Договора происходит своего рода аккумуляция идей и инициатив его участников, осуществляется «сверка часов».

Иначе говоря, речь идет об органическом сочетании в международных делах инициативы каждой страны с согласованной всеми общей линией. Опыт показал, насколько важны оба элемента этой формулы. Ни одной братской стране — это мы относим полностью и к себе — не решить своих национальных задач на международной арене в изоляции от общего курса. И точно так же согласованная внешняя политика может быть эффективной только в том случае, если аккумулируется и учитывается вклад каждого государства в общее дело.

Что касается экономических отношений, то мы строим их на последовательном соблюдении принципов взаимной выгоды и взаимопомощи. Сложилось общее понимание, что сегодня всем нам нужен серьезный рывок в научно-техническом и экономическом прогрессе. В этих целях была разработана и принята совместная Комплексная программа научно-технического прогресса, предусматривающая резкий подъем эффективности производства, удвоение — утроение производительности труда к 2000 году. Утопия? Нет. Социалистическое содружество располагает для этого всем необходимым: и мощным производственным потенциалом, и солидным научно-техническим заделом, и природными ресурсами, и кадрами. Да и плановая система позволяет сосредоточивать крупные ресурсы на решающих направлениях.

В ходе встреч с руководителями государств — членов СЭВ все пришли к выводу: в рамках социалистической системы надо обеспечить более продуктивное функционирование всех ее структур. Конечно, это не значит, что повсюду в социалистических странах процессы будут проходить одинаково. Каждая из них имеет свои традиции, особенности, отличия в функционировании политических институтов. Но в принципе все социалистические страны так или иначе находятся в процессе поиска обновления, глубоких преобразований. В каких масштабах их вести, каковы должны быть их формы, темпы, методы — каждая страна, ее руководство и народ решают самостоятельно. Здесь нет противоречий, есть особенности.

Премьер-министр Франции Ж. Ширак меня спросил: «Как Вы думаете, окажет ли дух перестройки свое воздействие на все социалистические государства Восточной Европы?» Я ответил, что здесь взаимное влияние. Мы берем что-то из опыта друзей, они — у нас то, что подходит им. Одним словом, это процесс взаимного обмена и взаимного обогащения.

Признаюсь, мне показалось, что сам вопрос вызван не только интересом к нашим делам, но и в какой-то мере навеян разговорами о «несогласии» некоторых наших друзей с курсом советского руководства на перестройку. Что можно сказать в этой связи? Каких-либо серьезных расхождений с друзьями и союзниками у нас нет. А разговор принято вести откровенный, деловой. Да и дружные аплодисменты в наш адрес по любому поводу, по-моему, хуже, чем заинтересованное критическое осмысление наших действий и инициатив. Это — первое. И второе — повторяю также и в данном контексте,— мы не претендуем на монополию в том, что касается истины. Истина рождается в совместных поисках и трудах.

Но вернусь к экономическим делам. Мы считаем, что основной резерв и рычаг углубления нашей интеграции — это развитие прямых кооперационных связей между объединениями и предприятиями, специализация. Именно в таком ключе мы перестраиваем внешнеэкономическую деятельность, снимаем рогатки, которые мешают предприятиям искать подходящих

партнеров в братских странах, самим договариваться о совместной работе. Идем на создание совместных социалистических фирм, в том числе таких, которые смогут быстрее обеспечить нужды наших стран в самых современных изделиях. Такие фирмы возникнут в сфере услуг, строительства, на транспорте. Советский Союз готов предложить им крупные заказы. Готовы мы положительно отнестись к включению в деятельность таких фирм и западных предпринимателей.

В предстоящие годы рассчитываем ускорить ход интеграционного прогресса. В этих целях работа Совета Экономической Взаимопомощи, очевидно, будет все больше концентрироваться на двух главных задачах.

Во-первых, на согласовании экономической политики, разработке долгосрочных программ сотрудничества в важнейших областях, осуществлении крупных совместных научно-технических программ и проектов. Здесь опять-таки возможно и целесообразно сотрудничество с несоциалистическими странами, с их объединениями, в первую очередь с ЕЭС.

Во-вторых, СЭВ сосредоточится на разработке и согласовании нормативных основ интеграционного механизма, правовых и экономических условий прямых кооперационных связей, включая, конечно, ценообразование.

Мы стремимся к тому, чтобы в деятельности СЭВ было меньше администрирования, всякого рода комитетов и комиссий, больше внимания к экономическим рычагам, инициативе, социалистической предприимчивости, вовлечению в этот процесс трудовых коллективов. И мы, и наши друзья считаем, что надо освободить СЭВ от «макулатурной» деятельности, от бумажной карусели.

Существование СЭВ никоим образом не ущемляет независимость каждого государства, его суверенное право распоряжаться ресурсами, потенциалом своей страны, делать все на благо своего народа. СЭВ — не наднациональная организация. В ней все решается не большинством голосов, а на основе консенсуса, то есть принципа единогласия. Важно только, чтобы нежелание или отсутствие интереса той или иной страны

участвовать в каком-нибудь проекте не сдерживало других. Есть интерес — участвуй, нет интереса — понаблюдай, как дела будут разворачиваться. Каждая страна сама определяет, насколько она готова к такому сотрудничеству и как далеко пойдет в этом деле. По-моему, это единственно правильный подход.

Огромного масштаба задача стоит перед всеми нами и по сотрудничеству в духовной области. Перемены и здесь стучатся в дверь. По сути дела, каждая из социалистических стран представляет собой социальную лабораторию, где испытываются различные формы и методы социалистического творчества. Вот почему, по нашему мнению, резко возрастает значение обмена опытом социалистического строительства, его обобщения.

Мы, советские коммунисты, думая о будущем социализма, ориентируемся на мысль Ленина, что оно будет складываться из ряда попыток разных стран. Вот почему для нас естественно считать, что надежным мерилом серьезности правящей коммунистической партии является не только ее отношение к собственному опыту, но и к опыту друзей, к мировому опыту. Что же касается ценности этого опыта, то критерий у нас один: общественно-политическая практика, результаты социально-экономического развития, укрепление социализма на деле. Сейчас наша наука, наша печать, наши практики несравненно шире и активнее, чем прежде, анализируют и творчески применяют к советским условиям опыт братских стран.

В свою очередь, проявляется огромный интерес к тому, что происходит у нас. Я это вижу в ходе моих встреч с руководителями социалистических стран, с рядовыми гражданами во время зарубежных поездок.

Маленькая иллюстрация к сказанному. Во время визита в Чехословакию на улицах, на предприятиях Праги, когда я по своему обыкновению вступал в разговор с людьми, мне в ответ говорили: «Это правильно, что вы сейчас делаете!» Один молодой человек заметил: «Выходит так, Михаил Сергеевич: говори правду, люби правду и желай правды другому». А я добавил: «Но и действуй по правде. Это самая трудная наука». И еще сказал: «Жизнь труднее, чем любая школа, и не

всегда в ней все легко получается. Иногда приходится отступать, а потом наступать. Мучительно думать, осмысливать и переосмысливать — не надо этого бояться».

Общий вывод советского руководства таков: через развитие связей между трудовыми коллективами, между людьми, через обмен опытом мы можем выйти на новый уровень отношений. Наши связи во всех сферах жизни становятся более активными. Взят хороший старт. Огромное, можно сказать, определяющее значение для сотрудничества братских стран имеет сложившаяся прочная сеть взаимосвязей по партийной, государственной и общественной линиям. Уровни общения у нас разные — от предприятий, бригад, семей, детских и молодежных организаций, университетов и школ, творческих союзов и деятелей культуры, индивидуальных контактов до постоянных деловых связей руководителей ведомств, членов правительства, секретарей ЦК.

Хочу сказать об отношениях с Китайской Народной Республикой, где в процессе «четырех модернизаций» реализуются очень интересные, во многих отношениях продуктивные идеи. В Китае мы видим великую социалистическую державу и предпринимаем практические шаги, чтобы советско-китайские отношения успешно развивались в русле добрососедства и сотрудничества. Определенное улучшение, продвижение тут есть. Мы верим, что период отчуждения принадлежит прошлому. Приглашаем китайских товарищей сообща действовать по умножению и развитию добрых отношений между нашими странами и народами.

Нынешняя полоса исторического развития выдвинула перед социалистическими государствами жесткое требование: резко прибавить шаг, выйти на передовые рубежи экономики, науки, техники, убедительно продемонстрировать привлекательность социалистического образа жизни.

Мы откровенно и самокритично оценили прошлое развитие и взяли на себя свою долю ответственности за то, что не получалось в социалистическом мире. Отклик не заставил себя ждать. Тем самым был открыт путь для перестройки взаимоотношений, вывода их на новый, современный уровень.

За последнее время сообща сделано немало — в политике, экономике, информации. Если что-то еще не получается, мы не нервничаем, работаем настойчиво, ищем новые подходы. Главное — это наша убежденность в важности сотрудничества, в необходимости его обогащения. На нынешнем этапе истории, по сути дела переломном, правящие партии социалистических стран понимают высокую меру своей национальной и международной ответственности, настойчиво ищут резервы ускорения общественного развития. Ориентация на научно-технический прогресс, творчество масс, развитие демократии — залог того, что в предстоящий период, вопреки пророчествам разного рода недоброжелателей, социализм еще полнее раскроет заложенный в нем потенциал.

Революционные перемены входят в большой международный социалистический дом. Они набирают силу. Это касается социалистических стран, но это же и вклад в прогресс цивилизации.

Глава V

«ТРЕТИЙ МИР» В МЕЖДУНАРОДНОМ СООБЩЕСТВЕ

Среди великих реальностей современного мира — выход на международную арену более сотни государств Азии, Африки, Латинской Америки, вступивших на путь самостоятельного, независимого развития. Мы приветствуем этот феномен XX столетия. Это огромный и многоликий мир со своими большими интересами и трудными проблемами. Понимаем, что от того, как и каким образом будет он развиваться, зависит будущее человечества.

Ответственность за то, чтобы эти десятки стран и многомиллионные массы населения Земли смогли раскрыть и реализовать свой богатейший потенциал на пользу всемирного прогресса, лежит не только на них самих.

С одной стороны, в «третьем мире» мы видим примеры быстрого экономического роста, хотя и неравномерного, болезненного. Многие страны выдвигаются в ряд современных индустриальных государств. Некоторые уже выступают в роли великих держав. Самостоятельная политика большинства государств «третьего мира», опирающаяся на обретенное национальное достоинство, все больше отражается на международных делах в целом.

С другой стороны, отличительной чертой жизни 2,5 миллиарда людей, живущих в бывших колониях и полуколониях, остается бедность, нищета, просто нечеловеческие условия повседневного бытия, неграмотность и темнота, недоедание и голод, вопиющая детская смертность, эпидемии. Такова горькая правда. В начале 80-х годов уровень доходов на душу населения был там в 11 раз ниже, чем в развитых капиталистических странах. Разрыв этот не сокращается, а растет.

Тем не менее богатые государства Запада продолжают собирать неоколониальную «дань». Лишь за последнее десятилетие прибыли, выкачанные корпорациями США из развивающихся стран, вчетверо превысили их вложения.

На развивающихся странах лежит бремя колоссальной внешней задолженности. В сочетании с объемом ежегодно вывозимых оттуда прибылей растущая задолженность означает одно: сужение перспектив развития, неизбежность дальнейшего обострения и без того тяжелейших социальных, экономических и иных проблем.

Вспоминаю свою беседу с президентом Миттераном. Смысл ее сводился к следующему. Ясно, что каждое капиталистическое предприятие стремится к максимальной прибыли. Но вместе с тем этот же капиталист или компания вынуждены, в значительной мере под давлением трудящихся, считаться с тем, что для эффективного, нормального функционирования своих предприятий необходимо обеспечить такие доходы работников, которые при их низком уровне тем не менее позволяли бы восстанавливать производственные способности, поддерживать здоровье, повышать квалификацию, растить детей. Капиталист вынужден это делать, понимая, что тем самым обеспечивает себе прибыль сегодня и обеспечит ее завтра. А совокупный капиталист в лице западных стран в отношении своих бывших колоний даже этой простой истины не хочет понять. Совокупный капиталист довел экономические отношения с Азией, Африкой и Латинской Америкой до того, что целые народы обрекаются на экономическую стагнацию, не в состоянии обеспечить свои первейшие нужды, опутаны чудовищными долгами.

Вернуть долги при нынешних условиях эти страны, конечно, не смогут. Такая ситуация, если не будет найдено справедливое решение, чревата любыми последствиями. Задолженность развивающихся стран превратилась в своего рода «социальную бомбу» замедленного действия. Если она взорвется, это может причинить ужасные бедствия. Накапливается потенциал социального взрыва огромной разрушительной силы.

Проблема задолженности развивающихся стран — одна из самых серьезных проблем в мире. Существует

она давно. Но ее либо откладывали, либо оставляли без внимания, либо ограничивались общими рассуждениями. Лидеры Запада недооценивают грозящей опасности, далеки от понимания всей серьезности экономических потрясений, которые могут произойти. Поэтому и предлагают частичные меры, чтобы попытаться паллиативами спасти ситуацию. Но явно нет желания сделать настоящие, существенные шаги по нормализации экономического сотрудничества с развивающимися странами.

Предстоит тяжелая борьба, прежде чем окажется возможным осуществить подлинные перемены, перевести отношения в русло нового мирового экономического порядка. Путь предстоит длинный и трудный, и надо быть готовыми к любым неожиданностям. Ведь перестройка международных отношений требует учета интересов всех стран, требует баланса интересов, а многие ничем не хотят поступиться.

Региональные конфликты

В бедственном положении развивающихся стран — подлинные истоки многих конфликтов в Азии, Африке, Латинской Америке. Когда еще на встрече с президентом Рейганом в Женеве об этом зашла речь, я сказал ему: надо прежде всего понять, откуда берутся региональные конфликты.

Правда такова: хотя они неодинаковы по своей природе и по характеру противоборствующих сил, возникают они, как правило, на местной почве, как следствие внутренних или региональных противоречий, порождаемых либо колониальным прошлым, либо новыми социальными процессами, либо рецидивами захватнической политики, либо тем, другим и третьим, вместе взятым.

Кризисы и конфликты — благодатная почва для международного терроризма. Советский Союз отвергает терроризм в принципе и готов деятельно сотрудничать с другими государствами в искоренении этого зла. Эту работу целесообразно сконцентрировать в рамках ООН. Полезно было бы создать под ее эгидой трибунал по расследованию актов международного терроризма. В ходе двустороннего диалога с западными странами,— а за последний год углубленный обмен мнениями на этот счет состоялся у нас с США, Англией, Францией, ФРГ,

Италией, Канадой, Швецией — мы выступаем за разработку эффективных мер борьбы с терроризмом. Готовы пойти на заключение специальных двусторонних соглашений. Надеюсь, что фронт общей борьбы с международным терроризмом расширится в предстоящие годы.

Но нужно отдавать себе отчет и в том, что для искоренения терроризма необходимо ликвидировать причины, порождающие конфликты и терроризм. Мне не раз приходилось сталкиваться с точкой зрения ведущих западных политиков, которые усматривают в самом существовании региональных конфликтов плод «заговорщической деятельности Кремля». А какова реальность?

На Ближнем Востоке вот уже долгие десятилетия сохраняется острая конфликтная ситуация между Израилем и его соседями. Кто виноват? Оказывается, Москва, неизменно выступающая против израильской экспансии, в защиту суверенных прав арабских народов, в том числе арабского народа Палестины. При этом Советскому Союзу приписываются несуществующие антиизраильские предубеждения, хотя он был одним из первых, кто содействовал возникновению государства Израиль.

О серьезных вещах надо говорить серьезно. Ближний Восток — это сложный, запутанный узел, в котором переплетаются интересы многих стран. Обстановка там остается опасной. Мы считаем, что и для Востока, и для Запада, да и вообще для всего мира важно этот узел развязать. Но есть и такая точка зрения: проблемы Ближнего Востока вообще не поддаются развязке. Такую позицию трудно даже понять. С ней нельзя согласиться ни по политическим, ни по моральным соображениям. Ведь логически отсюда следует одно: что мы обречены на новые обострения, новые вспышки военных действий, новые бедствия для народов этого региона. Не предпочтительнее ли занять активную позицию и поддержать усилия тех, кто ищет выхода из ближневосточного тупика на пути справедливого политического урегулирования?

Мы понимаем, что при существующем положении вещей трудно добиться гармонии интересов конфликтующих сторон. Но надо искать, надо пытаться приве-

сти к какому-то общему знаменателю интересы арабов, Израиля, его соседей, других государств. При этом мы отнюдь не хотим, чтобы ход и форма урегулирования, сами цели этого процесса ущемляли естественные интересы США и Запада. Мы не стремимся вытеснить США с Ближнего Востока, да это и нереально. Но и Соединенные Штаты не должны ставить перед собой нереальных целей.

Самое главное здесь — учитывать интересы всех сторон. Именно этим объясняется наша давняя инициатива с созывом международной конференции по Ближнему Востоку. Я уже вспоминал эту историю в беседе с Дж. Картером. Десять лет понадобилось американцам, чтобы убедиться на собственном опыте (хотя они могли бы воспользоваться опытом предшественников), что сепаратные сделки ничего не дают, что идти по этому пути непродуктивно. Только теперь, похоже, пройдя своеобразный курс «переподготовки», в Вашингтоне склоняются к более реалистическому пониманию ситуации и возвращаются к обсуждению этих вопросов на более широкой основе.

Важно, чтобы переговорный процесс начал двигаться, чтобы он включал в себя уже существующие двусторонние, многосторонние контакты, чтобы поиски справедливого политического урегулирования велись активно. Если конференция не станет «зонтиком» для прикрытия сепаратных сделок и шагов, если она будет направлена на подлинное урегулирование на Ближнем Востоке, с учетом интересов арабских стран, в том числе — палестинцев, и Израиля, то мы готовы оказать все содействие, какое сможем, и участвовать на всех стадиях такой конференции. Причем участвовать конструктивно.

В этой связи хочу подчеркнуть: у нас в принципе нет какой-либо враждебности к Израилю. Мы признаем его законное право на существование. Однако в нынешней ситуации и в свете действий, совершаемых Израилем, мы не можем пойти на восстановление дипломатических отношений. Если же ситуация изменится, если мы увидим, что возникает возможность для продвижения к нормализации и урегулированию на Ближнем Востоке, можно будет рассмотреть и этот вопрос. У нас

тут нет никаких комплексов. Что касается контактов, которые уже имеют место между нашими странами, то мы от них не уходим.

Возьмем другую «болевую точку» планеты — Центральную Америку. В чем суть конфликта? В Никарагуа свергается антинародный режим Сомосы, побеждает народная революция. И опять, как говорится, с ходу сандинистскую революцию объявляют «делом Москвы и Кубы». Вот оно — стандартное, затасканное идеологическое обоснование для необъявленной войны против небольшой страны, единственная «вина» которой состоит в том, что она хочет жить по-своему, без чужого догляда, без чужой подсказки. Между прочим, то, что произошло в Никарагуа, показывает, что можно ожидать и в других странах. Для нас дико звучит, когда мы слышим, что Никарагуа «угрожает» безопасности США, что вот-вот там будут созданы советские военные базы, о которых американцы якобы знают, а я слыхом не слыхивал.

На эту тему у меня была оживленная дискуссия с Маргарет Тэтчер.

Я говорил: невыносимые жизненные условия вынудили никарагуанцев совершить революцию. А создали эти условия американские друзья Великобритании, которые задвинули Центральную и всю Латинскую Америку на задворки, безжалостно вычерпывают оттуда ресурсы, а потом удивляются, почему народ восстает. То, что произошло и происходит в Никарагуа,— это дело сандинистов, никарагуанского народа. Наш разговор был прямой, откровенный. Я спросил у М. Тэтчер: «Вы обвиняете нас за солидарность с Никарагуа, но почему вы считаете нормальным оказывать поддержку апартеиду, расистам? Вас не смущает, как вы выглядите в глазах мирового общественного мнения? Мы сочувствуем освободительным движениям за социальную справедливость, а вы, как я понимаю, не сочувствуете. Здесь у нас подходы неодинаковые».

Право, если бы Соединенные Штаты оставили в покое Никарагуа, это было бы лучше для них самих, для латиноамериканцев, для всего мира.

Взрывные проблемы нельзя откладывать, сами по себе они не уладятся. Давно уже бурлит Юг Африки.

Ситуация там грозовая. Против апартеида выступают широкие массы населения ЮАР, растет международная изоляция этого безнравственного и репрессивного режима. Но и эта конфликтная ситуация многими на Западе прочитывается как следствие «коммунистического заговора», и здесь усматривается «рука Москвы», хотя в ЮАР мы вообще «не присутствуем», чего не скажешь о США и их партнерах.

То же самое можно сказать о ситуации, сложившейся в зоне Персидского залива. Наша оценка обстановки в Персидском заливе, причин ее обострения известна, она изложена в официальных заявлениях. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, требующую прекращения огня и всех военных действий, а также отвода войск Ираном и Ираком к международно признанным границам. Советский Союз голосовал за эту резолюцию. Но Соединенные Штаты вразрез с ее духом ищут повод для вмешательства в ирано-иракский конфликт, наращивают в Персидском заливе военное присутствие, опять же под предлогом защиты интересов Запада от «угрозы», якобы исходящей со стороны Советского Союза. И обещают остаться в заливе и после улаживания конфликта.

Так судят о всех региональных конфликтах. Все они рассматриваются через призму советско-американского противоборства. У нас создается впечатление, что Соединенным Штатам нужны региональные конфликты как постоянный резерв для маневрирования уровнем конфронтации, силовой политики и антисоветской пропаганды. Мы же считаем, что нельзя их превращать в арену противоборства двух систем, особенно СССР и США.

Поскольку зашла речь о региональных конфликтах, у читателей возникает, видимо, вопрос: а что думает Горбачев об афганской проблеме?

Возможно, не все знают, что Афганистан — это первая страна, с которой Советский Союз установил дипломатические отношения. И всегда с этой страной — будь то с королями или племенными вождями — мы поддерживали хорошие отношения. Конечно, у Афганистана множество проблем, вызванных крайней отсталостью страны. Не в последнюю очередь это и плоды английского владычества. И поэтому вполне естествен-

но, что среди афганцев появились люди, которые хотели помочь народу вырваться из средневековья, модернизировать государственные и общественные институты, придать развитию больший динамизм. Но как только в Афганистане наметились прогрессивные изменения, страна попала под давление извне, вмешались империалистические круги. Поэтому афганское руководство, в соответствии с имеющимся между нашими странами договором, обратилось к Советскому Союзу за помощью (оно обращалось к нам 11 раз, прежде чем мы дали согласие ввести ограниченный контингент советских войск).

Мы хотели бы по возможности быстрее вернуть на родину советские войска. В принципе этот вопрос решенный. Но он связан с необходимостью политического урегулирования вокруг Афганистана. Мы поддерживаем линию нынешнего афганского руководства на национальное примирение. Советский Союз хочет и впредь видеть Афганистан независимым, суверенным, неприсоединившимся государством. Какой дорогой он пойдет, какое у него будет правительство, какие программы развития будут осуществляться — решать афганскому народу, это его суверенное право. Американское же вмешательство задерживает вывод наших войск, тормозит реализацию политики национального примирения, а значит, и урегулирование всей проблемы вокруг Афганистана. Передача же контрреволюционным бандам «Стингеров», которыми они сбивают гражданские самолеты,— дело просто безнравственное и не имеет никаких оправданий.

Право на собственный путь развития

За всеми народами должно быть оставлено право выбора собственного пути развития, право распоряжаться своей судьбой, своей территорией, человеческими и природными ресурсами. Если у всех политиков всех государств не будет такого понимания, то нельзя будет направить международные отношения в нормальное русло. Ведь идеологические и социальные различия, различия в политических системах также являются результатом выбора, сделанного народами. И такой выбор не должен служить поводом для возникновения в международных отношениях событий или

тенденций, которые могли бы выливаться в конфликты или военную конфронтацию.

Западным лидерам пора — это все равно придется делать — освобождаться от психологии и представлений, сложившихся во времена колониальных империй. До тех пор, пока Запад будет рассматривать «третий мир» как сферу влияния, где он привык хозяйничать веками, будут сохраняться и очаги напряженности. Будет усиливаться сопротивление империализму, что приведет к появлению новых «горячих точек».

Нашим оппонентам на Западе не нравится, когда мы так с ними говорим. Они теряют спокойствие, даже возмущаются, когда мы называем вещи своими именами. Толкуют наши оценки по-своему: как покушение на традиционные связи США и Западной Европы с развивающимися странами, на жизненный уровень населения капиталистических государств.

Мне не раз приходилось разъяснять, что мы не преследуем целей, враждебных интересам Запада. Мы знаем о том значении, которое имеют для США, для Западной Европы Ближний Восток, Азия, Латинская Америка, другие районы «третьего мира», да и ЮАР — с точки зрения хозяйственных интересов и получения сырья. Мы не за то, чтобы взорвать эти связи, не провоцируем нарушения исторически сложившихся хозяйственных связей.

Но наступила пора признать, что народы «третьего мира» имеют право стать самими собой. После долгой и тяжелой борьбы они добились политической независимости. Они стремятся также и к экономической независимости. Люди, стоящие во главе этих стран,— а я беседовал со многими из них — опираются на волю и поддержку своих народов, хотят что-то сделать для них. Они хотят вывести их на путь подлинной независимости, равноправия и сотрудничества. Ведь эти страны располагают огромными ресурсами — природными и человеческими, и понятно их стремление использовать эти ресурсы в интересах собственного развития. Они хотят жить так, как народы развитых стран, не хуже. А их терзают голод, болезни. Их ресурсы утекают в развитые государства и попадают в национальный доход этих государств по каналам неэквивалентного обмена.

Развивающиеся страны не желают мириться с таким положением.

Такова одна из реальностей современного мира, которую на Западе не все учитывают, хотя и понимают ее. А не учитывать нельзя. Ведь речь сейчас идет о десятках и десятках государств.

Чем быстрее эта реальность будет осознана всеми и на всех континентах, тем быстрее международные отношения войдут в нормальное русло. Тем быстрее улучшится вся международная обстановка. Это очень важно. Это проблема проблем.

Считаю, что пришло время поставить ее в международном плане, искать подходы к решению на основе баланса интересов. Искать какие-то организационные формы такого решения в рамках международного сообщества. Самым лучшим форумом для этого является ООН. Мы готовим свои предложения на этот счет. Я информировал об этом генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, который в беседе со мной не скрывал своего положительного отношения к постановке этого вопроса в ООН.

Большинство развивающихся государств придерживается политики неприсоединения. На этой платформе возникло Движение неприсоединения — более 100 государств, представляющих огромную часть населения Земли. В настоящее время это движение является мощной силой, крупным фактором международной политики. Оно содействует строительству международных отношений нового типа — при всех, конечно, нюансах и особенностях, имеющихся в нем.

Движение неприсоединения олицетворяет стремление освободившихся народов к равноправному сотрудничеству, к признанию другими их законных прав и интересов, к исключению из международной жизни проявлений господства и диктата, претензий на гегемонию. Советскому Союзу понятны цели Движения неприсоединения, он солидарен с ним.

Еще не так давно среди участников этого Движения считалось, что вопросы разоружения, ликвидации ядерного оружия — дело «великих держав», Соединенных Штатов и Советского Союза, а развивающихся стран оно-де мало касается.

Однако на VIII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Хараре движение продемонстрировало глубокое понимание взаимосвязи разоружения и развития. И официально заявило свою позицию. Действительно, если удастся остановить гонку вооружений и осуществить разоружение, то высвободится достаточно ресурсов, чтобы помочь развивающимся странам решать их острейшие проблемы.

Взаимосвязь разоружения и развития я обсуждал с генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльяром. И мы согласились, что этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания со стороны ООН. Советский Союз представил конкретные предложения конференции ООН по разоружению и развитию. К сожалению, Соединенные Штаты отказались участвовать в этой конференции.

Сегодня не только социалистические, но и многие капиталистические государства отмечают, что Движение неприсоединения является важным и позитивным фактором в мировой политике. Советский Союз приветствует это и учитывает в своей внешнеполитической деятельности.

Азиатско-тихоокеанский узел

Развитие цивилизации приобретает все более энергичный характер на Востоке, в Азии и в зоне Тихого океана. Наша экономика также смещается в Сибирь, на Дальний Восток. Так что у нас есть объективная заинтересованность в обогащении азиатско-тихоокеанского сотрудничества.

Советский Союз — не только европейская, но и азиатская страна, и он выступает за создание в огромном азиатско-тихоокеанском регионе, куда, скорее всего, в предстоящее столетие будет перемещаться центр мировой политики, основ для улучшения обстановки, пересмотра отношений на основе учета интересов всех государств, на основе баланса таких интересов. Мы против того, чтобы этот регион был чьей-то вотчиной. Мы предлагаем всем действительное равноправие, взаимодействие и общую безопасность.

В Азии проблемы мира, пожалуй, не менее, а кое-где даже более остры и болезненны, чем в других частях света. Естественно, что Советский Союз, Индия, другие государства, обеспокоенные этим, выдвигали

в разные годы соответствующие инициативы. Наиболее известная среди них — предложение о превращении Индийского океана в зону мира. Оно было поддержано Генеральной Ассамблеей ООН и Движением неприсоединения.

Очень важным фактором мира в Азии, на Тихом океане, да и во всем мире стало взятое на себя СССР и КНР обязательство не применять ядерное оружие первыми.

Когда в мае 1985 года, впервые в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС, я встретился с премьер-министром Республики Индии Радживом Ганди, я высказал мысль: не следует ли с учетом ранее выдвинутых инициатив, а также в какой-то мере и опыта Европы подумать об общем комплексном подходе к проблеме безопасности в Азии и возможном объединении усилий азиатских государств в этом направлении?

Эта мысль крепла в ходе встреч с руководителями зарубежных государств, с другими их политическими деятелями. Невольно сравнивал положение в Азии с европейской ситуацией. И приходил к выводу, что тихоокеанский регион, ввиду набирающей опасную скорость милитаризации, также нуждается в какой-то системе «предохранителей», подобной хельсинкскому процессу в Европе.

В Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС было подчеркнуто возрастающее значение в советской внешней политике азиатского и тихоокеанского направления. Мы констатировали, что здесь надо, не откладывая, искать свои решения, свои пути, причем начинать с координации, а затем и объединения усилий в интересах политического урегулирования болезненных проблем, чтобы параллельно на этой основе хотя бы снять остроту военного противостояния в различных районах Азии, стабилизировать там обстановку. Соответствующие предложения были выдвинуты мною во Владивостоке (июль 1986 г.) [1].

---

[1] О создании заслона на пути распространения и наращивания ядерного оружия в Азии и на Тихом океане; о сокращении активности на Тихом океане военных флотов; сокращении вооруженных сил и обычных вооружений в Азии; о мерах доверия и неприменении силы в регионе.

Находясь в этом городе, казалось особенно уместным посмотреть на вопросы мировой политики под азиатско-тихоокеанским углом зрения. Положение на Дальнем Востоке в целом, в Азии и на прилегающих к ней океанских просторах, где мы — постоянные, давние жители и мореплаватели, представляет для нас национальный, государственный интерес. Здесь, на этом огромном пространстве, охватывающем едва ли не половину земного шара, расположены многие крупнейшие государства, в том числе СССР, США, Индия, Китай, Япония, Вьетнам, Мексика, Индонезия. Здесь находятся государства, считающиеся средними, но по европейским меркам довольно крупные,— Канада, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия, и паряду с ними — десятки небольших и совсем крохотных.

Кстати, сколько шуму было в связи с моим выступлением во Владивостоке! Сколько инсинуаций насчет того, что Советский Союз решил теперь взяться и за Тихий океан, навязать «и там» свою гегемонию и прежде всего, конечно, ущемить интересы Соединенных Штатов.

Впрочем, мы привыкли к подобного рода «пещерной» реакции на наши инициативы. Малейшая наша попытка установить добрые, да просто дипломатические или торговые отношения с той или иной страной региона тотчас зачисляется в разряд коварных козней.

А как на деле? В связи с годовщиной поездки на Дальний Восток я дал интервью индонезийской газете «Мердека». Главный редактор Б. М. Диах совершенно правильно оценил смысл моей речи там — как приглашение ко всем странам региона совместно решать проблемы. Но, перечисляя страны, забыл упомянуть Соединенные Штаты. Я напомнил ему об этом и сказал: мы надеемся на сотрудничество с США. А рассуждения, будто наша активность и наш интерес к этому региону представляют угрозу для интересов других — это абсурд. То, что было сказано во Владивостоке, является выражением нашей продуманной политики. Она ни у кого не должна вызывать беспокойства. Мы говорим, что готовы сотрудничать с США так же, как с Японией, со странами АСЕАН, Индией, другими государствами.

Мы приглашаем всех к взаимодействию в интересах мира и для общей пользы.

В ответах на вопросы редактора «Мердеки» я подтвердил наши действительные намерения в этом регионе новыми конкретными предложениями, среди которых самое крупное — о ликвидации всех наших ракет средней дальности в азиатской части СССР, разумеется, на основе «глобального нуля» с США.

Наш подход к этой гигантской части мира, где сосредоточена масса столь разных государств и народов, основан на признании и понимании существующих здесь реальностей. Наши представления о формировании международной безопасности и мирного взаимодействия в Азии и на Тихом океане опираются на эти реальности, они продиктованы искренним стремлением совместно строить новые, справедливые отношения в этом регионе.

Спустя год мы смогли констатировать — об этом я говорил в упомянутом интервью — ряд позитивных тенденций. Но не уменьшились сложности, противоречия, по-прежнему нарастает тенденция к конфронтации. Это побудило нас предложить дополнительные меры по ослаблению напряженности в Азии и на Тихом океане, конкретизирующие и развивающие владивостокские инициативы.

Мы внимательно изучаем мнения и инициативы самих расположенных в этой части мира государств. Оригинальные, конструктивные идеи уже появляются и входят в оборот регионального общения. Особенности мировоззрения живущих здесь народов, их исторический и политический опыт, культурная самобытность действительно могут подсказать многое в решении проблем региона, понятное и приемлемое для всех.

Нам импонирует нарастающий вклад АСЕАН в международные дела. Мы готовы развивать наши отношения с каждой из стран — членов АСЕАН в отдельности и с АСЕАН как с организацией на основе уважения того самостоятельного независимого вклада, который эти страны вместе и по отдельности вносят в улучшение международной обстановки.

Почему я говорю о ценности независимой линии, проводимой отдельными странами или группой стран? Не потому, что, поддерживая такую независимую линию, мы хотели бы действовать в ущерб кому-то другому. А потому, что только на основе независимой линии и можно начать строительство новых международных отношений. До сих пор международные отношения находились в большой зависимости от действий определенных стран или групп стран. Это не способствовало улучшению обстановки во всем мире. Таков урок прошлого, который должны усвоить все серьезные политики. Строительство новых отношений в нашем сложном мире, в таком сложном регионе, как азиатско-тихоокеанский регион, возможно только на путях сотрудничества и сложения интересов всех государств. Сегодня тип отношений, унаследованный от прошлого, когда с одной стороны — метрополии, с другой — колонии, изжил себя. Он должен уступить место новому типу отношений.

Много комментариев вызвала идея провести когда-то в обозримом будущем тихоокеанскую конференцию с участием всех тяготеющих к океану стран. Эта идея была высказана в качестве своего рода рабочей гипотезы, лучше сказать — как приглашение к обсуждению. Ссылка же на Хельсинки связана с тем, что другим опытом такого рода мировое сообщество пока не располагает. Это, конечно, не значит, что европейскую «модель» можно перенести на азиатско-тихоокеанскую почву. Однако в наше время в любом международном эксперименте есть и общие, глобальные черты.

Среди вопросов, заданных мне газетой «Мердека», был такой: как нам видится роль СССР в развитии регионального экономического сотрудничества? В соответствии с концепцией ускоренного социально-экономического развития страны мы уделяем повышенное внимание расположенным за Уралом территориям, чей экономический потенциал в несколько раз превышает активы европейской части СССР. Считаем, что в освоении богатств этих районов могли бы принять участие совместные фирмы и предприятия, создаваемые в сотрудничестве с деловыми кругами стран азиатско-тихоокеанского региона.

О ядерном разоружении в Азии

Учитывая мнение и обеспокоенность азиатских стран, Советский Союз сделал важный шаг — согласился на «глобальный двойной нуль» в отношении ракет средней дальности и оперативно-тактических ракет. Мы выразили также готовность взять обязательство не наращивать количество самолетов — носителей ядерного оружия в азиатской части страны, если США не будут дополнительно размещать здесь ядерное оружие, достигающее территории СССР. Мы рассчитываем, что все это послужит импульсом для процесса ядерного разоружения в Азии.

При всей сложности и пестроте азиатско-тихоокеанской ситуации, при всех оттенках в распределении светлых и темных тонов выделяется антиядерная композиция общей картины. И есть возможность уже сейчас начать движение по маршрутам, ведущим к ликвидации ядерного оружия в Азии. Важным шагом в этом направлении явилось бы, например, создание безъядерных зон. Советский Союз, как известно, подписал соответствующие протоколы к Договору Раротонга о создании такой зоны в южной части Тихого океана. Мы поддерживаем предложения других стран о создании зон, свободных от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии, на Корейском полуострове. Целям ядерного разоружения служила бы и международная конференция по Индийскому океану, на которой можно было бы рассмотреть и решить вопрос об объявлении этого района зоной мира.

В Азии, как и в Европе, наша методология, наш подход к ядерному разоружению едины. Оно должно осуществляться под строгим международным контролем, включая инспекции на местах. Мы настоятельно предлагаем начать с Соединенными Штатами переговоры о ядерных вооружениях в азиатско-тихоокеанском регионе и решать эту проблему на основе взаимности, строго соблюдая интересы безопасности всех.

Таково в целом наше понимание того, как развязать азиатский ядерный узел. Взявшись за эту проблему, расположенные в этом районе государства могли бы приступить к построению региональной системы безопасности. Что, собственно, такое — создание нормальных

отношений, хорошей обстановки в регионе, где проживает два с половиной миллиарда человек? Это можно сравнить со строительством здания, в стены которого каждый будет закладывать по одному или несколько кирпичей, с тем чтобы шаг за шагом, общими усилиями возводить удобную для всех конструкцию сотрудничества и взаимопонимания. Это — великая, трудная, но реальная цель.

Усилия в этом направлении стран двух континентов — Европы и Азии — могли бы слиться в единый евроазиатский процесс, который дал бы мощный импульс созданию всеобъемлющей системы международной безопасности.

События последнего времени все больше убеждают нас в правильности и своевременности постановки вопросов безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. Пробудился значительный интерес к поискам путей сотрудничества в региональном и континентальном масштабе. Больший динамизм получили наши двусторонние отношения с некоторыми странами азиатско-тихоокеанского региона.

Советско-индийские отношения

Индия — наш южный сосед, страна с населением в 800 миллионов человек, великая держава, пользующаяся большим влиянием в Движении неприсоединения, международным авторитетом. Это — важнейший фактор мира в Азии и в мире в целом.

Советско-индийские отношения давно и уверенно идут по восходящей. Мы неоднократно встречались с премьер-министром Индии Радживом Ганди — и в Москве, и в Дели. Глубокое впечатление оставил визит в Индию в 1986 году. Там была принята знаменитая теперь Делийская декларация.

Понятен повсеместный интерес, который вызвал этот документ. Делийская декларация — явление неординарное. Она демонстрирует совершенно новый пример политико-философского подхода к межгосударственным отношениям. Философская и нравственная основа Декларации — приоритет общечеловеческих ценностей в ядерно-космический век. Хотя этот документ и разработан совместно двумя странами, его значение далеко выходит за двусторонние и региональные рамки.

Само появление Делийской декларации отразило уникальный характер советско-индийских отношений. У нас разные социальные системы, но это не мешает такому сотрудничеству, которое ведет к взаимному духовному обогащению, к широкой общности взглядов по коренным вопросам современности. К этой общности взглядов наши страны пришли каждая своим путем, исходя из собственных побудительных мотивов.

Отношения между Индией и СССР можно назвать примерными во многих смыслах — и по наполненности многообразным политическим, экономическим, научно-техническим, культурным содержанием, и по глубокому взаимному уважению и симпатии между народами двух стран, и по тональности, отражающей взаимное доверие в сочетании с глубокой обоюдной потребностью в дружбе.

Почему между Индией и Советским Союзом, государствами с различными социально-политическими системами, могли сложиться отношения такой высокой пробы? Потому что обе стороны — не на словах, а на деле — основывают свою политику на принципах суверенитета, равноправия, невмешательства во внутренние дела, сотрудничества, признания за каждым народом свободы выбирать свой политический строй, свои формы общественного развития.

Именно поэтому мы и говорим с чувством гордости, что Советский Союз и Индия являют пример межгосударственных отношений, который может стать притягательным для других. В них мы видим ростки такого международного устройства, когда мирное сосуществование и доброжелательное взаимовыгодное сотрудничество станут универсальной нормой.

На трудном перевале

За последние полтора-два года у меня было немало встреч и основательных бесед с африканскими политическими деятелями. Я встречался (с некоторыми не по одному разу) с Р. Мугабе, Менгисту, Ж. Э. душ Сантушем, О. Тамбо, М. Траоре, М. Кереку, Ш. Бенджедидом и другими. Из бесед с этими крупными деятелями, признанными национальными лидерами, у меня сложилось впечатление, что африканский континент переживает новый, весьма ответственный и активный

этап своего развития. Он — в движении. Там происходят большие перемены. Но и существует много острых, трудных проблем.

При этом, разумеется, мы не рассматриваем Африку как континент, где все однозначно, где все процессы протекают по одной схеме. Как и повсюду в мире, каждая африканская страна имеет черты, свойственные только ей, проводит собственную политическую линию. Да и африканские лидеры — люди разные, со своими особенностями. Одни стоят у руля своих стран сравнительно давно и хорошо известны во всем мире. Другие только выдвигаются на африканскую и мировую арену, накапливают опыт практической деятельности.

Мы понимаем сложность задач, решаемых сегодня прогрессивными африканскими режимами. Реальность такова, что их страны исторически связаны с бывшими метрополиями, а то и зависят от них экономически. Однако вопреки попыткам империализма удержать свои позиции — экономическими, финансовыми, даже военными средствами — они полны решимости твердо вести линию на укрепление национальных завоеваний.

Советский Союз солидарен с этими усилиями и с этой политикой стран Африки. Ибо речь идет о незыблемости политического суверенитета и экономической самостоятельности, на которых только и можно строить международные отношения в современном мире. Каждый африканский народ имеет законное право на выбор собственного пути развития. И мы решительно осуждаем любые попытки вмешательства в их внутренние дела. Наша страна выступала и будет впредь выступать в поддержку национально-освободительной борьбы африканских народов, в том числе Юга Африки, где расположен один из последних бастионов расизма.

При встрече с президентом Африканского национального конгресса Оливером Тамбо я сказал ему: мы на вашей стороне в борьбе против режима апартеида и его пособников, за создание демократического государства, за независимый путь развития, за то, чтобы люди всех рас и национальностей жили в условиях равенства. Знаменательно, что все больше представителей белой общины в ЮАР начинают осуждать апартеид,

ищут встречи с АНК, заявляют о поддержке его целей. Это лишь подтверждает, что у апартеида нет будущего.

Дружественные отношения связывают нас с «прифронтовыми» государствами Юга Африки. Мы поддерживаем их справедливые позиции, решительно осуждаем враждебные акции со стороны ЮАР.

Советский Союз не имеет на Юге Африки особых интересов. Мы хотим только одного — чтобы народы и страны региона получили наконец возможность суверенно решать вопросы своего развития, свои внутренние и внешние дела в обстановке мира и стабильности.

Латинская Америка: время больших перемен

Теми же общими принципами мы руководствуемся и в отношениях со странами Латинской Америки. Это — континент своеобразных исторических традиций, огромных возможностей. У латиноамериканских народов есть сильная тяга к лучшему будущему, и они стремятся реализовать свои надежды и чаяния, несмотря на все препятствия. Путь к свободе — всегда трудный путь. Но мы уверены, что движение Латинской Америки к прогрессу будет нарастать.

Правые круги, а за ними и пропаганда США изображают наш интерес к Латинской Америке в таком виде, будто мы хотим провести там серию «социалистических революций». Это — чушь! Это никак не вяжется с тем как мы действуем многие десятилетия. Это не вяжется с нашей теорией, нашими принципами, всей нашей внешнеполитической концепцией.

Я говорил президенту Рейгану: вы десятилетиями рассматривали Латинскую Америку как свою прихожую и вели там себя соответствующим образом. Народы этого больше не хотят. Как они осуществляют свои чаяния — мирным или немирным путем — это их выбор. Вы сами заложили бомбу в Латинской Америке в виде огромной задолженности стран континента. Вот над чем надо подумать.

Возможно, правящие круги США понимают это. Но признать не хотят. Ведь тогда надо будет менять политику. И все увидят, что пресловутая «рука Москвы» — это грандиозная ложь.

Мы действительно сочувствуем борьбе стран Латинской Америки за утверждение своей независимости во всех сферах, за освобождение от всех пут неоколониализма. И не скрываем этого. Высоко ценим активную внешнюю политику Мексики, Аргентины, их ответственный подход к проблемам разоружения и международной безопасности, их вклад в «инициативы шести». Поддерживаем миротворческие усилия Контадорской группы, инициативы глав центральноамериканских государств, Гватемальское соглашение. Приветствуем процесс демократизации режимов во многих странах Латинской Америки. С пониманием относимся к растущей консолидации стран континента в интересах сохранения и укрепления национального суверенитета.

Вместе с тем хочу и в этом случае подчеркнуть: мы не ищем для себя каких-то выгод в этом регионе. Нам не нужно там ни сырья, ни дешевой рабочей силы. Не собираемся эксплуатировать антиамериканские настроения и тем более подстегивать их. Мы не преследуем цели разрушить традиционные связи, сложившиеся между Латинской Америкой и США. Это был бы авантюризм, а не политика. Но мы не авантюристы, а реалисты. Но когда народ той или иной страны борется за то, чтобы получить свободу и независимость, наши симпатии всегда будут на его стороне. Заблуждаться на этот счет не следует.

Не конфронтация, а сотрудничество

Убежден, что человечество подошло к такому этапу, когда все зависят друг от друга. Нельзя отрывать одну страну от другой, один народ от другого, а тем более противопоставлять их. На коммунистическом лексиконе это называется интернационализмом. Но это совпадает с утверждением общечеловеческих ценностей.

В конечном счете с интересами народов «третьего мира» вынуждены будут считаться и правящие круги Запада. Я спрашивал американского политического деятеля Г. Харта: неужели Америка не может предложить развивающимся странам иной политики, чем та, что она проводит сегодня? США могут сделать многое для строительства новых отношений между государствами и при этом ничего не потеряют в экономическом отношении, наоборот — выиграют. Зачем Соединенным

Штатам отказываться от этого, зачем пилить сук, на котором сидишь?

От позиции США, Запада в целом зависит очень многое. Зависит прежде всего, сможем ли мы развязать узлы проблем современного мира, разблокировать возможности развития. Если построить новые отношения, основанные на равноправии и учете интересов всех, то зачем нужна военная машина, которая и была-то создана как орудие экспансионистской внешней политики?

Понятно, эта машина сформировалась на протяжении веков и ликвидировать ее не так просто. Но сейчас мы подошли к той точке, когда это становится повелительной неизбежностью, в частности, потому, что миллиарды людей, которые населяют Азию, Африку, Латинскую Америку, хотят жить по-человечески. Убежден, что в поисках путей создания новых взаимоотношений в мире Соединенные Штаты и Советский Союз могут сделать очень многое.

Мы призываем американское руководство вместе искать пути решения проблем «третьего мира». Есть для этого иные пути, иные методы, кроме принуждения. То, что мы предлагаем, вполне реалистично. Соединенные Штаты должны найти возможность использовать свою мощь, свой капитал, все, что обращается сейчас на военные цели,— в других целях, для решения экономических и социальных проблем современного мира. Уверен, что это возможно, что США могут привлечь к этому и другие страны Запада. И, повторяю, ничего при этом не потерять, только выиграть.

Глава VI

ЕВРОПА В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Позволю себе одно личное замечание. Свою первую поездку на Запад в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС я совершил в октябре 1985 года во Францию. Примерно за год до этого, в декабре 1984 года посетил Великобританию во главе делегации Верховного Совета СССР. Обе эти поездки о многом заставили задуматься, прежде всего — о роли и месте Европы в мире.

Ф. Миттеран высказал тогда мысль, показавшуюся мне важной. «Почему не допустить возможность того,— говорил он,— чтобы постепенно... пойти по пути более широкой европейской политики?» А спустя год, уже в Москве, он сказал: «Надо, чтобы Европа действительно вновь стала главным действующим лицом собственной истории, чтобы она в полной мере могла играть роль фактора равновесия и стабильности в международных отношениях». В этом направлении шли и мои размышления. Непосредственные контакты с руководителями двух ведущих западноевропейских государств, с парламентариями, представителями политических партий и деловых кругов позволили лучше, точнее оценить европейскую ситуацию.

На XXVII съезде КПСС европейское направление нашей международной политики было охарактеризовано как одно из основных. И нам хотелось бы, чтобы позиция советского руководства в отношении Западной Европы была правильно понята всеми.

И до, и после съезда мне пришлось встречаться и беседовать со многими видными западноевропейскими деятелями, принадлежащими к различным политическим лагерям. Эти контакты подтверждают: западноевропейские государства также заинтересованы в том, чтобы

развивать отношения с Советским Союзом. Наша страна занимает в их внешней политике существенное место.

Итак, почему мы придаем такое значение Европе?

Наследство истории

Кое-кто на Западе пытается «исключить» из Европы Советский Союз. То и дело будто ненароком ставят знак равенства между понятиями «Европа» и «Западная Европа».

Но подобные ухищрения ничего не могут изменить в существующих географических и исторических реальностях. Связи России с другими европейскими народами и государствами — торговые, культурные, политические — уходят в глубь веков. Мы — европейцы. С Европой Древнюю Русь объединило христианство. Тысячелетие прихода его на землю наших предков будет отмечаться в 1988 году. История России — органическая часть великой европейской истории. Русские, украинцы, белорусы, молдаване, литовцы, латыши, эстонцы, карелы, другие народы нашей страны внесли немалый вклад в становление европейской цивилизации. И по праву считают себя ее законными наследниками.

Наша общеевропейская история сложна и поучительна, велика и трагична; она заслуживает того, чтобы ее изучали, извлекали из нее уроки.

Вехами истории Европы издавна были войны. В XX веке этот континент стал очагом двух мировых войн — самых кровопролитных и разрушительных, которые когда-либо знало человечество. Наш народ принес на алтарь освободительной борьбы против гитлеровского фашизма самые большие жертвы: в той страшной войне погибло более 20 миллионов советских людей.

Об этом мы напоминаем вовсе не для того, чтобы принижать роль других европейских народов в борьбе с фашизмом. Советские люди уважают вклад всех стран антигитлеровской коалиции и участников Сопротивления в разгром фашистской нечисти. Но мы никак не можем согласиться с мнением, будто Советский Союз вступил в схватку с нацистской Германией «только» в 1941 году, а до этого другие-де сражались с Гитлером «один на один».

Когда подобное мнение высказала мне М. Тэтчер, я возразил ей, напомнив, что Советский Союз боролся с

фашизмом с 1933 года политически, а с 1936 года и с оружием, оказывая помощь республиканскому правительству Испании. Что касается пакта о ненападении с Германией (смысл которого постоянно искажается нашими оппонентами), то его могло и не быть, как и многого другого, если бы правящие круги Великобритании и Франции пошли в то время на сотрудничество с Советским Союзом против агрессора.

А кто отдал на растерзание нацистам Чехословакию? Чемберлен по возвращении из Мюнхена заявил, что принес английскому народу мир, но на деле все обернулось иначе, он принес войну. И прежде всего потому, что у правящих кругов Англии было одно на уме: как бы направить Гитлера на Восток, на Советский Союз, как бы раздавить коммунизм.

Не хочу упрощать: ведь и страны Восточной Европы получили непростое наследие. Взять, например, отношения между Россией и Польшей — на протяжении столетий они осложнялись борьбой правящих классов обеих стран. Короли и цари бросали поляков на русских, русских на поляков. А войны, насилие, захваты отравляли души народов, пробуждали взаимную неприязнь.

Социализм обозначил глубокий поворот в многовековой истории этой части мира. Разгром фашизма и победа социалистических революций в восточноевропейских странах создали новую ситуацию на континенте — здесь сложилась мощная сила, поставившая целью прервать нескончаемую цепь вооруженных конфликтов. И вот уже пятый десяток лет народы Европы не знают войн.

В то же время Европа остается ареной острой идеологической, политической и военной конфронтации. Некоторые возводят раскол Европы к Ялте и Потсдаму, ставят под вопрос заключенные там исторические соглашения. Все тут перевернуто с ног на голову.

Ялта и Потсдам заложили основу послевоенного устройства Европы. Жизненность их в том, что это были антифашистские, демократические по сути соглашения. Они предусматривали ликвидацию гитлеровского «нового порядка», который лишил целые народы и государства независимости и самой надежды на свободу и самостоятельность.

Логика старого политического мышления привела к разделению Европы на два противостоящих военных блока. На Западе бытует версия, согласно которой Европу раскололи коммунисты. А фултонская речь Черчилля? А доктрина Трумэна? Начало политическому расколу Европы положили те, кто развалил антигитлеровскую коалицию, кто организовал «холодную войну» против социалистических стран, кто создал блок НАТО как орудие военно-политической конфронтации в Европе. Следует еще раз напомнить, что Варшавский Договор был подписан **после** создания НАТО.

По вине НАТО Европа вновь оказалась впряженной в милитаристскую колесницу, наполненную на этот раз ядерными зарядами. И сегодня главный счет за углубление раскола Европы следует предъявлять тем, кто превратил ее в поле ракетно-ядерного противостояния, кто призывает к пересмотру границ между европейскими государствами, расшатыванию территориально-политических реальностей.

Мы не раз предлагали распустить военные блоки или, по крайней мере для начала, военные организации обоих союзов. Коль скоро на это не идут, вынуждены считаться и с этой реальностью. Но мы полагаем, что и в условиях сохранения блоков надо прокладывать путь к лучшему миру, к таким международным отношениям, которые на каком-то этапе привели бы к ликвидации всех военных группировок.

В послевоенной Европе было немало драматических ситуаций и поворотов. Но так или иначе европейские страны, в соответствии с конкретными условиями и своими возможностями, определяли свой выбор: одни остались капиталистическими, другие двинулись к социализму. Подлинно европейскую политику, общеевропейский процесс можно строить, только признавая и уважая эту реальность.

Мы не хотим мириться с бытующим взглядом, будто Европа обречена на конфронтацию между блоками и подготовку войны друг против друга. О том, что социалистические страны не согласились с такой перспективой, свидетельствует их инициатива, приведшая всю Европу, США и Канаду в Хельсинки. Принятый там Заключительный акт указал реальные пути до-

стижения единства континента на мирной равноправной основе.

Однако импульс, который дала знаменитая конференция в столице Финляндии, стал гаснуть под ветрами надвинувшейся второй «холодной войны». О причинах этого говорилось немало, и не о том сейчас речь. В порядке самокритики упомяну только одну — допущенное нами ослабление экономических позиций социализма на рубеже 70—80-х годов. В то же время это лишний раз, как бы от обратного, доказывает, что именно социализму принадлежит основная роль в обуздании недругов разрядки, нормализации отношений между всеми европейскими государствами. Стоит социализму дать слабину, как снова активизируется милитаризм, силовая политика, имперские амбиции.

Сейчас Советский Союз, социалистическое содружество вновь взяли на себя инициативу. Укрепляя социализм, мы придаем дополнительную силу и жизненность хельсинкскому процессу. Пора наконец усвоить простую мысль: существующие сейчас барьеры могут быть преодолены не в том смысле, что Запад навяжет Востоку или Восток навяжет Западу свои порядки. Надо совместными усилиями поворачивать дело от конфронтации и военного соперничества на рельсы мирного сосуществования, взаимовыгодного сотрудничества. Только в таком понимании наш континент может быть единым.

Европа — наш общий дом

Этот образ пришел мне как-то на ум в ходе одной из бесед. Высказался вроде бы случайно, но мысленно я искал такую формулу давно. Возникла она не вдруг, а после долгих размышлений и, в частности, встреч со многими европейскими деятелями.

Настроив себя на новое политическое мышление, я уже не мог по-старому воспринимать многоцветную, будто лоскутное одеяло, политическую карту Европы. Она навоевалась вдоволь, наплакалась досыта. С нее хватит. Вглядываясь в панораму этой многострадальной земли, задумываясь над общими корнями столь многообразной, но в сущности единой европейской цивилизации, все острее ощущал условность, временность блокового противостояния, архаизм «железного

занавеса». Так, видимо, и родилась мысль об общем европейском доме. Вот это выражение в нужный момент словно само и слетело с языка.

Потом зажило как бы самостоятельной жизнью, вышло на страницы газет. Послышались и упреки — слишком, мол, абстрактное, бессодержательное. Тогда я решил изложить в цельном виде свои взгляды на эту проблему. И подходящий случай представился — визит в Чехословакию, где как раз расположен географический центр Европы. Это навеяло «европейскую тему» в моем публичном выступлении в Праге.

Европа — это действительно наш общий дом, где география и история тесно связали между собой судьбы десятков стран и народов. Конечно, у каждого из них есть свои проблемы, каждый хочет жить своей жизнью, придерживаться своих традиций.

Поэтому, продолжая метафору, можно сказать: дом-то общий, но у каждой семьи своя квартира, да и подъезды разные. Но сохранить его, уберечь от пожара или иных бедствий, сделать лучше и безопаснее, поддерживать в нем должный порядок европейцы могут только вместе, коллективно, следуя разумным нормам общежития.

Кому-то это может показаться всего лишь красивой фантазией. Но это не фантазия, а результат серьезного анализа ситуации на континенте. Если для мира нужны новые отношения, то для Европы — в особенности. Народы Европы их, можно сказать, выстрадали и заслужили.

Понятие «общеевропейский дом» означает прежде всего признание определенной целостности, хотя речь идет о государствах, принадлежащих к разным социальным системам и входящих в противоположные военно-политические союзы. Оно сочетает в себе **необходимость и возможность.**

Необходимость: императивы общеевропейской политики

Можно указать несколько объективных обстоятельств, создающих потребность в общеевропейской политике.

1. При высокой плотности населения и уровне урбанизации Европа перенасыщена оружием — и ядерным, и иным. О ней сегодня уже мало

сказать — «пороховой погреб». Здесь противостоят друг другу самые мощные военные группировки, оснащенные самой современной техникой, которая продолжает совершенствоваться. Здесь сосредоточены тысячи ядерных зарядов, в то время как всего нескольких десятков достаточно, чтобы превратить европейскую землю в геенну огненную.

2. Для Европы не то что ядерная, даже «обычная» война сегодня губительна. Не только потому, что «обычное» оружие сейчас на много порядков разрушительнее, чем то, которое применялось во второй мировой войне. Но и потому, что на ее территории около 200 блоков на атомных электростанциях, большое число мощных химических заводов. Поражение этих объектов в ходе «обычных» военных действий сделало бы континент непригодным для жизни.

3. Европа — один из наиболее индустриализованных регионов мира. Масштабы индустриализации и развития транспорта на континенте таковы, что экологическая опасность уже приблизилась здесь к критической отметке. Проблема эта вышла далеко за национальные границы, она приобрела общеевропейский масштаб.

4. В обеих частях Европы интенсивно протекают интеграционные процессы. Пора думать о том, что же будет дальше? Будут ли они и дальше работать на раскол Европы, или их можно сочетать на благо и восточной, и западной ее частей, в интересах, кстати, и остального мира. Потребности развития экономики в обеих половинах Европы, да и научно-технический прогресс подталкивают к поиску каких-то форм взаимовыгодной кооперации. Речь не идет о «европейской автаркии», а о том, чтобы лучше использовать совокупный потенциал Европы на благо живущих в ней народов и в отношениях с остальным миром.

5. Между двумя половинами Европы немало своих проблем по линии Восток — Запад, но в решении острейшей проблемы Север — Юг у них общая заинтересованность. Это не значит, конечно, что страны Восточной Европы разделяют ответственность за прошлую колониальную политику западноевропейских держав. Но сейчас речь о другом: пренебрежение к судьбам народов развивающихся стран, игнорирование острейшей

проблемы преодоления пропасти между развитыми и развивающимися государствами чреваты катастрофическими последствиями и для Европы, и для всего мира [1]. Как западноевропейские государства, так и Советский Союз, другие социалистические государства имеют широкие связи с «третьим миром» и могли бы объединить свои усилия в целях содействия его развитию.

Таковы в основном и главном императивы общеевропейской политики, обусловленные интересами и потребностями Европы как определенной целостности.

Возможности Европы

Теперь о возможностях и предпосылках действий европейцев в качестве жильцов «общего дома».

1. У европейских народов самый тяжелый и горький опыт двух мировых войн. В их исторической памяти сильнее, чем у кого бы то ни было, отложилось сознание недопустимости новой войны. Недаром именно здесь самое массовое, самое авторитетное, захватившее все социальные круги антивоенное движение.

2. Европейская политическая традиция — самая богатая в смысле культуры ведения международных дел. Представление друг о друге в европейском комплексе государств более правильное, чем в каком бы то ни было другом регионе. Политическое «знакомство» более широкое, длительное и поэтому более близкое.

3. Нигде в масштабе целого континента [2] нет такой, как в Европе, развернутой системы двусторонних и многосторонних переговоров, консультаций, договоров, контактов фактически на всех уровнях. Имеется такое уникальное завоевание в истории международных отношений, как хельсинкский процесс. Обнадеживающие результаты дала Стокгольмская конференция. Затем эстафету приняла Вена, где, как мы надеемся, будет сделан новый шаг вперед в развитии хельсинкского

---

[1] В этом отношении мы разделяем дух и направленность докладов «Комиссии Брандта» по проблеме Север — Юг и доклада Социалистического интернационала «Глобальный вызов», подготовленного под руководством Вилли Брандта и Майкла Мэнли.

[2] Существует также латиноамериканский комплекс государств, но у него — иные исторические предпосылки и особенности другого рода.

процесса. Так что чертежи для строительства «общего европейского дома» практически готовы.

4. Громаден экономический и научно-технический потенциал Европы. Он разрознен, силы отталкивания между западной и восточной частями континента преобладают над силами притяжения. Однако современное состояние дел в экономике как на Западе, так и на Востоке, и ощущаемые перспективы таковы, что становится возможным найти какой-то модус сочетания экономических процессов в обеих частях Европы — на пользу всем.

Таков единственно разумный путь дальнейшего движения европейской материальной цивилизации.

5. Европа «от Атлантики до Урала» — это и историко-культурная целостность, объединяемая общим наследием эпохи Возрождения и Просвещения, великих философских и социальных учений XIX—XX веков. Это — сильные магниты, облегчающие политикам возможность искать пути к взаимопониманию и сотрудничеству на уровне межгосударственных отношений.

В европейском культурном наследии заложен огромный потенциал политики мира и добрососедства. Словом, в Европе новое, спасительное мышление имеет гораздо более благоприятную почву, чем в любом другом районе соприкосновения двух социальных систем.

Не скрою, нас радует, что к идее «общего европейского дома» с пониманием относятся видные политические и общественные деятели не только Восточной, но и Западной Европы, в том числе и те, чьи политические взгляды далеки от наших. Так, министр иностранных дел ФРГ Геншер заявил о готовности «принять концепцию общего европейского дома и работать вместе с Советским Союзом во имя того, чтобы он стал подлинным общим домом». В этом же духе высказывались в беседах со мной федеральный президент Р. фон Вайцзеккер, министр иностранных дел Италии Дж. Андреотти, другие деятели. Значит, не утрачено еще осознание общности европейской культуры, взаимосвязи и взаимозависимости судеб всех стран континента, жизненной необходимости их сотрудничества.

Но есть идеологи и политики, которые продолжают сеять недоверие к Советскому Союзу. В большинстве

стран Западной Европы, вслед за США, нет недостатка в кликушествующих статьях, но особенно, как и всегда, старается французская правая пресса. Она прямо-таки в ужасе от самой перспективы улучшения обстановки в Европе. Возьмите для примера французский еженедельник «Экспресс». 6 марта 1987 года он приписал нам стремление к установлению своего господства над Европой. Опубликованная под кричащим заголовком «Горбачев и Европа», статья построена по схеме известной всем сказки о Красной Шапочке и Сером Волке.

Я подумал: неужели европейский читатель, европейские народы столь наивны, чтобы верить подобной пачкотне? Мы верим в здравый смысл европейцев, в то, что они в конце концов научатся отличать правду от выдумок. Похоже, если судить по опубликованным данным опросов общественного мнения, большинство в Западной Европе по достоинству оценивает открытую европейскую политику СССР, направленную на то, чтобы покончить с вечными ссорами на этом континенте.

Два немецких государства

Размышляя о концепции общего европейского дома, нельзя не сказать о нашем отношении к той ситуации, которая сложилась в итоге второй мировой войны в центре Европы, там, где сейчас существуют два немецких государства — ГДР и ФРГ. Об этом состоялся довольно обстоятельный разговор с президентом ФРГ Р. фон Вайцзеккером.

Он говорил, что в ФРГ внимательно прислушиваются к лозунгу «общего европейского дома». Как Вы это понимаете в ФРГ? — спросил я. Позволю себе воспроизвести здесь последовавший краткий диалог:

Р. фон ВАЙЦЗЕККЕР. Это — ориентир, который помогает нам представить себе, как должен выглядеть порядок в этом общеевропейском доме. Насколько, в частности, будут в нем квартиры доступны для взаимных посещений.

М. С. ГОРБАЧЕВ. Все это правильно. Только не всякому может понравиться, когда приходят в гости ночью.

Р. фон ВАЙЦЗЕККЕР. Нам тоже не очень нравится, когда через общую гостиную тянется глубокий ров.

Он подразумевает тот факт, что ФРГ и ГДР разделены международной границей, такая же граница проходит и через Берлин. Такова исторически сложившаяся реальность, порожденная итогами второй мировой войны.

Как сегодня выглядела бы Германия, исполнив Потсдамское соглашение во всем его объеме, можно гадать сколько угодно. Другой основы для единства, кроме Потсдама, не существовало. Однако не только тогдашние американские, британские и французские руководители саботировали договоренности с нами. Против Потсдама ополчились западногерманские приверженцы политики силы. Для них Потсдам был «кошмаром». Итог — налицо.

Нас, естественно, не может не настораживать, когда приходится слышать, будто «немецкий вопрос» открыт, с «землями на Востоке» не все ясно, а Ялта и Потсдам «неправомерны». Такие высказывания в ФРГ, как известно, не редкость. Надо прямо сказать: заявления насчет возрождения «немецкого единства» — это совсем не «реальполитик», если использовать немецкое выражение. Они ничего не дали ФРГ за 40 лет. Поддерживать иллюзии возврата к «Германии в границах 1937 года» — значит подрывать доверие к ФРГ со стороны соседей и других народов.

Что бы по этому поводу ни говорили Р. Рейган, другие западные лидеры, в действительности они ничего реально не могут предложить ФРГ в так называемом германском вопросе. То, что сложилось здесь исторически, надо истории и оставить. В том числе и вопрос о немецкой нации, о формах государственного существования немцев.

Сейчас важен политический аспект. Есть два немецких государства с разным социально-политическим строем. У них свои ценности. Оба они извлекли уроки из истории, и каждое может вносить свой вклад в дела Европы и мира. Что будет через 100 лет — решит история. А пока надо исходить из сложившихся реальностей, и не заниматься поджигательскими спекуляциями.

В порядке отступления позволю себе одно воспоминание, которым я поделился с Вайцзеккером. В 1975 году, когда исполнилось 30-летие Победы над фашизмом,

я был в ФРГ. На автозаправочной станции под Франкфуртом-на-Майне разговорились с ее владельцем. Он мне сказал: «Сталин заявлял: гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остается. А потом, по окончании войны, Советский Союз взял и разъединил немецкий народ».

Завязалась дискуссия. Я напомнил о планах раздробления германского государства, разработанных Черчиллем и американскими политиками еще во время войны. Мы были противниками этих планов, хотели создания единого и суверенного демократического немецкого государства. Напомнил и о том, что западные державы поддержали создание сепаратного государства в Западной Германии и лишь позднее появилась ГДР. И после Ялты и Потсдама мы были за то, чтобы на основе денацификации, демократизации и демилитаризации Германии создать единое, суверенное и прежде всего мирное немецкое государство. Однако на Западе нашлись силы, которые повели дело к тому, что и существует сегодня. Так что не Советский Союз виноват в расколе Германии, виновников надо искать в другом месте. А сегодня существуют два немецких государства, реальность которых признана международными договорами. Этим только и может руководствоваться любой реальный политик.

Вот такой состоялся разговор.

Советский Союз, даже вынеся ту страшную войну, занимал принципиальную позицию. Нам не изменило чувство реальности. Мы не спутали немецкий народ с нацистским режимом. И не его виним в бедствиях, которые нам принесла гитлеровская агрессия.

В отношениях с ФРГ мы учитываем ее потенциал и возможности, ее место в Европе и мире, ее политическую роль. История обязывает нас должным образом относиться друг к другу. Европейское строительство немыслимо без активного взаимодействия наших двух государств. Основательность отношений между ФРГ и СССР имела бы поистине историческое значение. Оставаясь самими собой в своих системах и своих союзах, оба государства могут сыграть очень большую роль в европейском и мировом развитии. Советский Союз заинтересован в надежной безопасности ФРГ. Если будет

нестабильна ФРГ, то не приходится рассчитывать на стабильность Европы, а это значит и в мире. А стабильные отношения между ФРГ и СССР в значительной мере изменят обстановку в Европе к лучшему.

Европа и разоружение

К Европе прямое и непосредственное отношение имеет все то, о чем говорилось в Рейкьявике. Мы в своих контактах с США никогда не забываем об интересах Европы.

После Рейкьявика я встречался с главами правительств ряда западноевропейских стран НАТО: Дании — П. Шлютером, Нидерландов — Р. Любберсом, Норвегии — Г. Харлем Брундтланд, Исландии — С. Херманнссоном, с представителями итальянского руководства А. Фанфани и Дж. Андреотти. Мы много говорили на тему «Европа и разоружение».

Много интересного я услышал от моих собеседников. В советском руководстве мы серьезно потом обдумывали их аргументы и идеи. И то, что сочли справедливым, приняли во внимание в своей политике. В частности, в вопросе о евроракетах. Но были и споры, особенно острые с М. Тэтчер и Ж. Шираком, по поводу их и вообще натовской концепции «ядерного сдерживания». Высказал я им свое удивление по поводу переполоха, которым сопровождался в некоторых западных столицах Рейкьявик. Никак невозможно было увидеть в его итогах угрозу безопасности Западной Европы, а кое-кому это померещилось. Такие выводы и оценки — плод устарелого мышления времен «холодной войны».

В беседах с зарубежными деятелями, бывает, задашь им прямой вопрос: верите ли в то, что Советский Союз собирается напасть на вашу страну, вообще на Западную Европу? Почти все отвечали: нет, не верим. Но некоторые тут же оговаривались: мол, сам факт огромной военной мощи СССР «объективно» создает потенциальную угрозу. Ну что ж, такое рассуждение еще можно понять. Но куда менее понятно, когда национальный престиж и национальное величие связывают с обладанием ядерным оружием, хотя знают, что, разразись ядерная война, это их оружие лишь вызовет огонь на себя. Другого реального значения оно иметь не будет.

Когда речь идет о разоружении как необходимой и первоочередной конструкции в строительстве общеевропейского дома, естественно, в первую очередь мы обращаемся к европейским ядерным державам — Англии и Франции. Согласившись в ходе нынешних переговоров о разоружении не учитывать их ядерный потенциал, Советский Союз проявил огромное доверие к Западной Европе. Главный мотив этого нашего шага состоит в том, что мы исключаем даже в мыслях, не говоря о стратегических планах, саму возможность войны с Англией или Францией, тем более — с неядерными европейскими государствами.

И когда в связи с нашими предложениями мы столкнулись с разглагольствованиями, а не замышляет ли Москва какой-то обман, не хочет ли она расколоть НАТО, усыпить бдительность, а потом подмять под себя Западную Европу, когда вновь начали поносить идею безъядерной Европы как вредную и опасную, я публично сказал всем этим деятелям: «Чего вы боитесь, господа? Неужели так трудно подняться на уровень реальных оценок действительно исторических процессов, которые развернулись в Советском Союзе, во всем социалистическом мире? Неужели непостижимо для вас понять объективную, неразрывную связь этих процессов с подлинно добрыми намерениями во внешней политике?»

Пора наконец покончить с выдумками об агрессивности Советского Союза. Никогда, ни при каких обстоятельствах наша страна не начнет военных действий против Западной Европы, если мы и наши союзники не станем объектом нападения со стороны НАТО! Повторяю, никогда!

Пусть Западная Европа побыстрее освобождается от навязанных ей страхов в отношении Советского Союза. Пусть задумается о том, что ликвидация ядерного оружия в Европе создала бы новую ситуацию не только для Запада, но и для нас. Мы не можем забывать, что вторжения на нашу территорию в доядерную эпоху совершались, причем не раз, с западного направления. И разве не говорит сам за себя тот факт, что в ходе натовских военных учений неизменно проигрывается вариант наступательных действий?

Мы считаем фактором большой политической важности, что в пользу решения проблемы евроракет возвысили свой голос Греция, Голландия, Испания, Италия, Швеция, Финляндия, многие другие европейские страны.

Со стороны Запада говорят о неравенстве, дисбалансе. Верно, в Европе с обеих сторон есть дисбалансы и асимметрии по отдельным видам вооружений и вооруженных сил, обусловленные историческими, географическими и иными факторами. Мы за устранение возникшего в каких-то элементах неравенства, но не за счет наращивания у отставшего, а за счет сокращения у того, кто оказался впереди.

Здесь много конкретных вопросов, ждущих своего решения: о сокращении и в конечном итоге ликвидации тактического ядерного оружия одновременно с радикальным сокращением вооруженных сил и обычных вооружений, о выводе из непосредственного соприкосновения наступательного оружия, чтобы исключить возможность внезапного нападения, об изменении всей структуры вооруженных сил с целью придания им исключительно оборонительного характера. Я говорил об этом, в частности, на митинге в Праге. Подробно предложения на этот счет изложены в Будапештской программе стран Варшавского Договора.

Крупнейшим актом доверия в духе нового мышления явилось провозглашение странами Варшавского Договора на заседании Политического консультативного комитета в Берлине в мае 1987 года своей военной доктрины. Во всех своих компонентах она проработана как исключительно оборонительная.

Целям укрепления европейской безопасности содействовали бы и такие меры, как создание безъядерных зон, зон, свободных от химического оружия. Мы поддерживаем обращение правительств ГДР и ЧССР к правительству ФРГ с предложением о создании безъядерного коридора в Центральной Европе. Как известно, вклад в разработку этой идеи внесла и Социал-демократическая партия Германии. Мы готовы гарантировать и уважать безъядерный статус этой зоны. Полагаем своевременным и перспективным компромиссный план Польши по вопросу сокращения

вооружений и укрепления доверия в Центральной Европе.

Мы считаем, что вооружения должны быть снижены до уровня разумной достаточности, то есть до уровня, необходимого для решения только оборонительных задач. Настало время внести необходимые коррективы в стратегические концепции обоих военных союзов в сторону обороны. В «европейском доме» каждая квартира вправе защитить себя от взломщиков, но так, чтобы не разрушать квартиры соседние.

Общеевропейское сотрудничество

Строительство «общеевропейского дома» нуждается в материальном фундаменте — в деловом сотрудничестве в самых различных областях. Мы в Советском Союзе к этому готовы, в том числе к поиску новых форм кооперации и сотрудничества, включая создание совместных смешанных предприятий, осуществление совместных проектов в «третьих странах» и т. д.

Мы ставим вопрос о широком научно-техническом сотрудничестве отнюдь не как просители, которым нечего предложить взамен. К сожалению, именно на этом направлении возводится больше всего искусственных барьеров. Ссылаются на то, что речь идет о «чувствительной технологии», имеющей-де стратегическое значение. Под «чувствительной технологией» понимается в первую очередь электроника. Но сейчас нет практически ни одной области промышленного производства, стоящей действительно на передовых позициях, где бы не использовалась электроника.

Не милитаристская программа «звездных войн» открывает возможность для Западной Европы совершить технологический рывок. Не милитаризация космоса — путь к технологическому прогрессу. Это сплошная демагогия, замешанная на технологическом империализме. Есть немало путей и объектов мирного научно-технического сотрудничества. Уже имеется опыт совместных работ по исследованию кометы Галлея с помощью космического аппарата «Вега». Реализуя этот проект, удалось выйти на новые конструкционные материалы, на открытия в области радиоэлектроники, систем управления, математики, оптики и т. д. Перспективной

представляется принадлежащая Дж. Андреотти идея «Всемирной лаборатории». Этот принципиально новый международный исследовательский проект, кажется, уже обретает реальные контуры.

На очереди совместное освоение термоядорной энергии. Научная база для этого уже создана в результате работы ученых ряда стран на основе идей, предложенных советской наукой. Разумеется, к этой работе могла бы подключиться и американская наука. А впереди и такие возможности, как совместное исследование и освоение космоса, планет Солнечной системы, проблем сверхпроводимости, биоинженерии.

Конечно, все это означало бы и усиление взаимовыгодной зависимости европейских государств. Но она была бы полезной для обеих сторон, укрепляла бы ответственность, сдержанность.

Руководствуясь духом сотрудничества, можно многое сделать в той широкой области, которую называют «гуманитарной». Крупной вехой на этом пути могла бы стать международная конференция по гуманитарному сотрудничеству, которую Советский Союз предлагает провести в Москве. На ней можно было бы обсудить все аспекты этой проблемы, касающиеся как Востока, так и Запада, включая многоплановую проблему прав человека. Это дало бы новый сильный импульс хельсинкскому процессу.

Но вот что здесь интересно. Как только мы пригласили серьезно, по-деловому поговорить о правах человека, сравнить в обстановке взаимной гласности, как на самом деле живут люди у нас и в странах капитала, там, похоже, занервничали и упорно пытаются свести всю эту тему к отдельным персональным казусам, уклоняясь от обсуждения всего остального.

Я и публично, и в беседах с зарубежными деятелями и делегациями говорил, что мы готовы обсуждать в духе гуманности и частные случаи, но решительно настроены разговаривать по всей этой проблематике открыто и широко.

В целом можно сказать, что отношения мирного сотрудничества и соревнования между государствами Востока и Запада могут служить и служат на пользу обеим сторонам. Большой вклад в это дело могут

внести малые и средние страны Европы. Мы говорили об этом и с бывшим премьером Исландии Херманнссоном, и с премьером Нидерландов Любберсом, с премьером Швеции Карлссоном, с другими государственными деятелями.

Ростки нового мышления в Европе

Мне кажется, в последнее время, особенно после Рейкьявика, Западная Европа острее почувствовала необходимость внести свой вклад в оздоровление обстановки на континенте. И нам импонирует то, что европейцы уже многое делают для очищения политической атмосферы в мире.

Думаю, что не выдам большого секрета, если упомяну следующий эпизод, о котором я услышал от А. Фанфани. Он рассказывал мне об одной своей беседе с всемирно известным кинорежиссером Эдуардо де Филиппо. Они говорили о сложной международной обстановке, и де Филиппо спросил: «Так что же мы должны делать?» Фанфани, по его словам, ответил: «Уповать на бога». На это де Филиппо возразил: «Давайте мы, люди, поступать так, чтобы не создавать богу препятствий».

Вот такое понимание, что все в ответе за судьбы мира, сейчас особенно необходимо и ценно. Надо отдать должное тем западноевропейским политикам, которые сознают, что заложенную в Рейкьявике основу нужно охранять общими усилиями всех европейцев.

В Западной Европе мы являемся сегодня свидетелями первых всходов нового мышления в международных делах. Определенные изменения происходят в правящих кругах. Новые подходы в области оборонной политики и безопасности разрабатывают многие социалистические и социал-демократические партии Западной Европы. Во главе их мы видим зрелых политиков с широким взглядом на мировые проблемы.

Накануне визита во Францию в 1985 году французские журналисты попросили меня охарактеризовать отношения, которые у нас установились с социал-демократическими правительствами Европы. Я сказал, что в вопросах войны и мира мы в последние годы активно сотрудничаем с социал-демократами. Беседы с делегациями социалистических и социал-демократиче-

ских партий занимают довольно большой удельный вес в числе моих встреч и бесед с зарубежными деятелями.

Я принимал Консультативный совет Социнтерна во главе с К. Сорса, встречался с В. Брандтом, Э. Баром, Ф. Гонсалесом и другими социал-демократическими лидерами, и каждый раз мы констатировали близость или совпадение наших взглядов по актуальным вопросам международной безопасности и разоружения. Очень сожалею, что не довелось познакомиться с Улофом Пальме, трагическая гибель которого глубоко нас потрясла. Выдвинутая У. Пальме и развитая международной «Комиссией Пальме» идея «безопасности для всех» во многом перекликается с нашей концепцией всеобъемлющей безопасности.

Диалог, завязавшийся между коммунистами и социал-демократами, отнюдь не означает, что устраняются или как-то стираются имеющиеся идеологические различия. Думаю, однако, что мы не можем упрекнуть друг друга в том, что кто-то из участников диалога потерял свое лицо или оказался под пятой партнера. Такой опасности, как показал опыт, не существует.

У нас хорошие отношения, полезные контакты с социал-демократами ФРГ, Финляндии, Швеции, Дании, с английскими лейбористами, испанскими социалистами и т. д. Мы ценим это. В общем, мы открыты к сотрудничеству со всеми силами, которые заинтересованы в том, чтобы преодолеть опасные тенденции в развитии мировой обстановки.

Тем не менее считаю, что вклад Европы в дело мира и безопасности мог бы быть значительно большим. У многих западноевропейских лидеров не хватает политической воли, а может быть, и возможностей. Но жизнь все равно заставит перейти к реальным оценкам того, что происходит вокруг.

О Европе и США

Достойно сожаления, что правительства стран НАТО, в том числе и те, которые на словах отмежевываются от опасных крайностей американской политики, в конце концов уступают давлению и тем самым берут на себя ответственность за усиление гонки вооружений, международной напряженности.

Вот конкретный пример. В апреле 1986 года американская авиация подвергла бомбардировке Триполи, Бенгази, другие объекты на территории Ливии. Это был акт прямой агрессии под предлогом, не выдерживающим никакой критики в цивилизованном обществе. Американские самолеты стартовали с баз в Англии, пролетали через западноевропейское воздушное пространство. И что же Западная Европа? Правительства стран НАТО, по сути дела, молча взирали на происходящее, не решились воспрепятствовать этой американской акции. Я сказал тогда шведскому премьер-министру, с которым мы беседовали спустя несколько часов после получения информации о налете, что такая позиция напоминает мне политику «умиротворения» агрессора накануне второй мировой войны. А вдруг американским военным «захочется» наказать бомбардировками одну из стран — членов Организации Варшавского Договора. Тогда как? Снова спрятаться «в кусты»? Но ведь это война! В наш ядерный век неизмеримо возрастает ответственность всех.

У древних греков есть миф о похищении Европы. Этот сказочный сюжет неожиданно обрел современное звучание. Разумеется, Европа как географическое понятие остается на месте. Но временами создается впечатление, что похищена и вывозится за океан самостоятельная политика западноевропейских государств. Что под предлогом защиты безопасности отдаются на откуп национальные интересы.

Серьезная угроза нависла над европейской культурой. Эта угроза исходит из хлынувшей из-за океана «массовой культуры». Нам понятна обеспокоенность по этому поводу западноевропейской интеллигенции. Действительно, приходится лишь удивляться, когда на смену глубокой, пронизанной мыслью, человечностью европейской культуре идет примитивный разгул насилия и порнографии, поток дешевых чувств и мелких мыслей.

Когда мы подчеркиваем значение самостоятельной позиции Европы, нам часто бросают в ответ обвинение в том, что мы стремимся поссорить Западную Европу с США. Такого намерения у нас не было и нет. Мы далеки от того, чтобы игнорировать или преуменьшать

исторические связи, которые существуют между Западной Европой и США. Абсурдно трактовать европейскую политику Советского Союза как выражение какого-то «антиамериканизма». Мы не собираемся заниматься дипломатической эквилибристикой, не хотим провоцировать хаос в международных отношениях. Это несовместимо с главной целью нашей внешней политики — способствовать стабильному и прочному миру, основанному на взаимном доверии и сотрудничестве государств.

Наше представление об «общеевропейском доме» отнюдь не означает намерения захлопнуть его двери для кого-либо. Мы, правда, не хотели бы, чтобы кто-либо открывал пинком двери в европейском доме и садился бы не в своей квартире во главе стола. Но это уж забота хозяина квартиры. В свое время социалистические страны позитивно восприняли участие США, как и Канады, в рамках хельсинкского процесса.

Ответственность Европы

Итак, ничуть не умаляя роли и значения других континентов, других народов, мы говорим об уникальной роли Европы.

Успех европейского процесса позволил бы ей вносить еще больший вклад в прогресс всего остального мира. Европа не должна уклоняться от участия в решении проблем голода, задолженности, слаборазвитости, от содействия в ликвидации вооруженных конфликтов.

Можно не сомневаться, что все без исключения европейские народы за то, чтобы на континенте утвердилась атмосфера добрососедства и доверия, сосуществования и сотрудничества. Это было бы в полном смысле триумфом нового политического мышления. Европа может показать достойный пример. Мир стоит сейчас на перепутье, и то, куда он пойдет, во многом зависит от политической позиции Европы.

Ни в мировой политике, ни в мировом развитии Европу с ее огромными возможностями и опытом никто заменить не может. Роль Европы может и должна быть конструктивной, новаторской, благотворной.

Глава VII

ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ И СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Еще во время учебы в Московском университете я интересовался историей Соединенных Штатов, немало читал американских авторов, постоянно следил за состоянием наших отношений. А перепады в этих отношениях были крутыми: от союза во второй мировой войне к «холодной войне» 40—50-х годов; от разрядки 70-х к резкому обострению на рубеже 80-х.

Расстояние от поворотного для нас апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС до выхода в свет этой книги вместило в себя множество событий, в том числе непосредственно связанных с советско-американскими отношениями.

Сейчас мы поддерживаем диалог с США. Время от времени обмениваемся письмами с президентом США. На переговорах наши представители обсуждают действительно важные проблемы.

Последние год-два чуть-чуть оттаяли наши контакты в таких областях, как научное и культурное сотрудничество. На различных уровнях обсуждаются теперь такие вопросы, которые прежде были лишь предметом взаимных обличений. Обозначились контакты даже в области информационной деятельности, которая должна избавиться от пропаганды насилия, вражды, от вмешательства во внутренние дела.

Что же, «лед тронулся», отношения вступают в какую-то более спокойную и конструктивную фазу? Хотелось бы, чтобы процесс продолжался. Но утверждать, что достигнуты какие-то заметные результаты, означало бы погрешить против истины. Забота о реальном улучшении советско-американских отношений требует

честной оценки их состояния. Перемены к лучшему, если они и есть, происходят крайне медленно, прежние несостоятельные подходы то и дело берут верх над жизненной потребностью обновления советско-американских отношений.

Научно-техническая революция, информатика сблизила сейчас людей. Можно использовать эти процессы, чтобы взаимопонимание росло. Но можно использовать их так, что они будут разделять людей. До сих пор это как-то сходило с рук, хотя потери, и огромные потери от этого уже есть. Но вот мир подошел к такой черте — я отношу это и к США, и к СССР,— что пора подумать, как дальше жить. Если продолжать как было и ничего не менять, тогда трудно предсказать, где мы окажемся через 10—15—20 лет. Мне кажется, что чувство тревоги за будущее наших стран, за будущее всей цивилизации нарастает. Оно нарастает и в советском, и в американском народе.

Я никогда не соглашусь — кто бы мне что ни говорил,— что американский народ настроен по отношению к Советскому Союзу агрессивно. С этим я не могу согласиться. Есть, наверное, люди, которых устраивает напряженность, конфронтация или острое соперничество между нашими странами. Может быть и наверное — от этого кто-то что-то получает. Но большим, широким интересам наших народов такое положение не отвечает.

Мы размышляем над тем, что надо сделать, чтобы все-таки отношения улучшались. Они нуждаются в этом. Ведь мы в этом плане не только не продвинулись вперед, например, от середины 70-х годов. Многое даже разрушено из того, что тогда было создано, сделано. Вперед не двигались, наоборот. Мы говорим, что американцы виноваты. Американская сторона говорит, что Советский Союз виноват. Видимо, разбираться в причинах того, что произошло, следует, потому что надо извлекать уроки из прошлого, в том числе и из прошлого наших отношений. Это наука, серьезная наука, ответственная наука, если, конечно, стоять на позициях правды. И все-таки сейчас больше нужно думать о том, как нам жить в будущем вместе в этом мире, как сотрудничать.

У меня было множество встреч с американскими политическими и общественными деятелями. Иногда это создает большое напряжение в моем графике, но каждый раз я стараюсь найти время для таких встреч. При этом я вижу свою задачу не только в том, чтобы донести смысл нашей политики, нашего видения мира, но почувствовать, лучше понять и разобраться в умонастроениях американцев, полнее узнать, что же представляют собой американские проблемы и особенности политических процессов в США. Иначе нельзя. Научная политика должна строиться на строгом учете действительности. Невозможно идти к более гармоничным отношениям между СССР и США, оставаясь во власти идеологических мифов.

Нам не хватает общения, понимания друг друга, уважительности даже не хватает. Очень много тут поработали известные силы. Очень много накопилось таких представлений, которые мешают сотрудничеству, стоят на пути его развития.

История советско-американских отношений в послевоенный период — не предмет данной книги. Но, перебирая мысленно события даже недавнего прошлого, видишь, какую недобрую роль сыграли предубежденность, неприятие нового. Встретившись в начале лета 1987 года с бывшим президентом США Дж. Картером, я искренне сказал ему, что отнюдь не считаем все происходившее во время его президентства негативным. Нет, были и позитивные вещи. Я имею в виду, в частности, Договор ОСВ-2, который, даже не будучи ратифицирован, работает с большой пользой, несмотря на нынешнюю линию администрации США. Дух этого договора жив. В то же время нельзя не сказать, что многие возможности были упущены. Мы считали и считаем, что на рубеже 80-х годов было, как говорится, рукой подать до важных договоренностей в таких областях, как противоспутниковое оружие, торговля оружием, ограничение военной деятельности в Индийском океане, ближневосточное урегулирование. Десять лет тому назад! Сколько потеряно времени, средств на гонку вооружений и человеческих жизней!

Чего мы ждем от Соединенных Штатов Америки?

В конце августа 1985 года, отвечая на вопросы американского журнала «Тайм», я говорил: Наши страны просто не могут позволить себе довести дело до конфронтации. В этом — действительный интерес и советского, и американского народа. И это надо выразить на языке реальной политики. Необходимо остановить гонку вооружений, заняться разоружением, ввести в нормальное русло советско-американские отношения. Честное слово, пора сделать отношения между двумя великими народами достойными их исторической роли. Ведь от наших отношений действительно зависят судьбы мира, судьбы мировой цивилизации. Мы готовы действовать в этом направлении.

Мы должны учиться жить в реальном мире, в мире, где есть интересы и Советского Союза, и США, и Англии, и Франции, и ФРГ. Но есть интересы и Китая, и Индии, и Австралии, и Пакистана, и Танзании, и Анголы, и Аргентины, других государств, есть интересы у Польши, Вьетнама, Кубы — у каждого. Не признавать этого значило бы отказывать народам в праве на свободу выбора, в праве на социальное устройство по-своему. Даже если народ заблуждается в выборе, он сам должен найти выход. Это его право.

Об этом у нас шел разговор со многими американцами, в том числе с Дж. Шульцем весной 1987 года в Москве. Разговор был широкий, но я его постоянно выводил на одну мысль: давайте попытаемся жить в реальном мире, давайте учитывать интересы обеих стран. А это невозможно без учета интересов других членов мирового сообщества. Не сложатся международные отношения, если исходить только из интересов СССР и США. Нужен баланс.

На каждом этапе истории эта задача встает по-новому. Меняются интересы, меняется и баланс. И нужны новые подходы. Повторяю: было бы опасно и вредно в конце XX века строить политику на подходах, основанных на фултонской речи Черчилля и доктрине Трумэна. Давно пора всерьез взяться за перестройку советско-американских отношений. А если это признать, то тогда надо избавляться от привычки командовать. Никто —

ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты, ни другие страны не могут рассматривать мир или какие-то его части как объект эксплуатации, хотя бы и под лозунгом «национальных интересов».

Попытки строить отношения на диктате, на насилии, на командовании уже сейчас трудно проходят. А со временем и вовсе это станет невозможным. Процесс осмысления новых реальностей — непростое дело. Он требует времени и усилий ото всех. Но раз начавшись, этот процесс будет идти. Мы должны научиться слушать и понимать друг друга. Мы за то, чтобы взаимодействовать с США, взаимодействовать конструктивно, говорил я Дж. Шульцу, и лежащую на СССР и США ответственность никто не заменит.

Припоминаю беседу с бывшим президентом Соединенных Штатов Америки Р. Никсоном. Он говорил о словах Уинстона Черчилля, надеюсь, не пророческих, что на сияющих крыльях науки на землю может вернуться каменный век, и подчеркивал, что мне, как Генеральному секретарю ЦК КПСС, и президенту Рейгану, а также преемникам предстоит сделать исторический выбор в пользу мирного будущего.

Тогда я рассказал Р. Никсону, что видел однажды киноленту, рассказывающую о поездке американских туристов по Волге. На экране — наши граждане и американцы. И нелегко отличить, кто здесь американец, а кто русский. Люди оживленно беседуют, чувствуется, что говорят дружелюбно, понимают друг друга, а вот политикам этого не хватает.

Хорошо, что говорят не только политики, а непосредственные представители народов. Это очень важно. Я бы это приветствовал. Пусть больше встречаются советские люди и американцы, пусть у них у всех складывается свое собственное внечатление друг о друге. Великое это дело — общение, прямое общение людей. Без него политика тоже много не даст, без широкого общения и взаимопонимания между народами.

Я обратил внимание Р. Никсона на то, что наиболее серьезной реальностью сегодняшнего мира является существование колоссального военного, в том числе ядерного, арсенала именно у наших двух стран. Говорил ему: если мы будем строить политику в отношении друг

друга и в отношении всего остального мира на ошибочных посылках, то тогда дело может дойти до крайней точки конфронтации с самыми трагическими последствиями и для СССР, и для США, и для всего мира.

И сегодня готов повторить сказанное в той беседе: в советском обществе, не только в руководстве, сложилось твердое намерение — искать пути нормализации советско-американских отношений, находить и расширять точки соприкосновения, чтобы в конечном счете прийти к дружественным отношениям. Быть может, пока что такая цель покажется слишком завышенной, однако мы убеждены, что должен быть сделан именно этот выбор, ибо иначе невозможно вообразить, к чему придем.

К лучшему или к худшему, но политика не знает сослагательного наклонения. История вершится без репетиций. Ее не сыграешь заново. Но тем важнее осмысливать ее ход, ее уроки.

США — «сияющий град на вершине холма»?

Нам слишком часто приходится сталкиваться с искаженными представлениями о нашей стране, с расхожими антисоветскими стереотипами, поэтому мы слишком хорошо знаем зло, порождаемое сознательной или неосознанной ложью, чтобы воспринимать США исключительно в черно-белом цвете.

Знаю, что американская пропаганда, да-да, пропаганда, стремится представить Америку как «сияющий град на вершине холма».

У Америки — великая история. Кто возьмется оспаривать значение американской революции в социальном прогрессе человечества или научно-технический гений Америки, ее достижения в литературе, зодчестве, искусстве? Все это есть у Америки. Но есть в сегодняшней Америке острые социальные и иные проблемы, на которые американское общество пока не нашло ответа, а то и того хуже — бывает, ищет их там и так, что другим может не поздоровиться.

Мощный производственный потенциал, материальное богатство США и миллионы обездоленных. Здесь есть над чем задуматься. Почти миссионерская страсть к проповедям о правах и свободах человека и пренебрежение

к обеспечению этих самых элементарных прав в собственном доме — тоже повод для раздумий. Бесконечные разговоры о свободе человека и навязывание своего образа жизни другим, массированная пропаганда культа силы и насилия. Как это понять? Упоение силой, силой военной, постоянный рост расходов на вооружения и бреши в бюджете, внутренний, а теперь и внешний долг. Во имя чего? Что движет США? Все эти и многие другие вопросы мы задаем себе, пытаясь разобраться в американской действительности, стремясь увидеть пружины, приводящие в движение политику США.

Скажу откровенно, из того, что мы знаем, у нас не складывается представление о Соединенных Штатах Америки как о «сияющем граде на вершине холма». Столь же определенно могу сказать, что не считаем мы США и «империей зла». Как и в каждой стране, есть свет и тени в американской действительности. Мы видим США такими, какие они на самом деле, видим все разнообразие мнений и суждений в американском обществе и об американском обществе.

Советское руководство не воспринимает США в одном измерении, четко различая все спектры: и занятые своими делами и заботами, в общем миролюбиво настроенные миллионы людей труда, и реалистически мыслящие политические деятели, и влиятельные консервативные и рядом с ними — реакционные круги, связанные с военно-промышленным комплексом и прибылями от военного производства, и здоровый нормальный интерес к нам, и довольно распространенный ослепляющий антисоветизм, антикоммунизм.

Считаем, что политическая система, общественный строй США — это дело самого американского народа. Ему решать, как управлять своей страной, как избирать свое руководство, свое правительство. Мы уважаем это его суверенное право. Если бы мы начали ставить под сомнение выбор американского народа, то что бы из этого вышло? Политика должна строиться на реальностях, на понимании того, что каждый народ имеет право самостоятельно избирать свой образ жизни, свою систему правления.

Соединенные Штаты — держава, с которой нам предстоит жить, строить отношения. Это — реальность.

При всей противоречивости наших отношений очевидно, что мы без США ничего не сделаем в смысле обеспечения мира и США без нас тоже ничего не сделают. Нам никуда не деться от американцев, и американцам некуда деться от нас. Поэтому нужны контакты, диалог, необходимо искать пути улучшения отношений.

Мы хорошо знаем и понимаем, что в США есть администрация — Белый дом, и есть конгресс. И мы хотим сотрудничать и с администрацией, и с конгрессом. Мы сейчас углубляем наши представления об американском политическом процессе. Видим, в частности, разницу между взглядами гражданского министра обороны и профессиональных военных в США. Для первого многое значит бизнес, военные заказы, а реалистически мыслящие профессионалы прекрасно отдают себе отчет в том, что имеется у них в руках и что это может принести всему миру. Такое понимание свидетельствует о проявлении военными чувства реализма и ответственности. Очень важно, чтобы военные правильно понимали существующую ситуацию.

Добавлю к сказанному, что мы не намерены формировать отношения с США, ориентируясь на политическую конъюнктуру внутри Соединенных Штатов. Сегодня республиканцы у руля в США, завтра демократы или опять республиканцы. Разницы тут особой нет. Но есть интересы США как государства. И мы будем поддерживать отношения с той администрацией, которая находится у власти. Пусть американские дела останутся американскими, а наши — нашими. Такова наша принципиальная позиция.

«Образ врага»

Нам решительно не нужен «образ врага» в лице Америки ни для внутренних нужд, ни для наших внешнеполитических интересов.

Мифический или реальный враг требуется, если настраиваться на поддержание напряженности, на конфронтацию с далеко идущими и, добавлю, непредсказуемыми последствиями. Мы же ориентируемся на другое.

Что касается нас, то в Советском Союзе нет пропаганды ненависти к американцам, неуважительности к Америке. У нас этого вы не найдете ни в политике,

ни в преподавании, нигде. Мы подвергаем критике политику, с которой не согласны. Но это другое дело. Это вовсе не значит, что мы проявляем неуважение к американскому народу.

Летом 1987 года мне довелось встретиться с группой преподавателей русского языка из США, которые два месяца проходили стажировку в Ленинграде. Хорошая была беседа — искренняя, теплая. Воспроизведу один краткий отрывок из стенограммы.

М. С. ГОРБАЧЕВ. Вам пришлось столкнуться за эти дни хоть с одним фактом неуважительного отношения к американцам?

Д. ПАДУЛА. Нет. Один раз, правда, человек на улице спросил у меня: когда будет мир? И я сказала ему, что я надеюсь, что мир будет скоро.

М. С. ГОРБАЧЕВ. Это очень интересное сообщение. Я убежден, друзья, что, где бы вы ни были в Советском Союзе, вы не встретите неуважительного отношения к американцам. Нигде. Вы можете и прессу нашу почитать. Найдете там критику, разбор, суждения, оценки политики правительства, заявлений и действий тех или иных групп, но вы не найдете нигде неуважения к Америке и американцам. Так что хоть «красные» и «идут», но они идут вместе с вами по общечеловеческой дороге.

А вот кому-то в Соединенных Штатах, оказывается, Советский Союз «нужен» в образе врага. Иначе трудно понять некоторые кинофильмы, подстрекательские американские передачи из Мюнхена, потоки статей и передач, полные оскорблений и ненависти к советскому народу. Все это тянется из глубины 40-х годов, если не раньше.

Я далек от того, чтобы идеализировать каждый шаг советской внешней политики в течение последних десятилетий. Случались и ошибки. Но очень часто они были следствием нерасчетливой реакции на американские действия, на политику, поименованную ее творцами «отбрасыванием коммунизма».

Мы остро и, не скрою, настороженно воспринимаем культивирование «образа врага» в лице Советского Союза. Тем более что речь идет не только об идеологических упражнениях в духе привычных фантазий

о «советской военной угрозе», «руке Москвы», «козних Кремля» и сугубо негативном изображении наших внутренних дел. Не хочу даже говорить об абсурдности подобных утверждений, но нельзя игнорировать и тот факт, что все в политике имеет свою цель. Речь, таким образом, идет о политической практике, за которой не могут не стоять определенные намерения и планы. От всякого присутствия шовинизма в наших странах необходимо избавляться, особенно если учесть ту силу, которой они обе располагают. Шовинизм может привнести в политику элементы, которые недопустимы.

Горький, трагический факт состоит в том, что длительное время советско-американские отношения катились вниз. Краткие периоды улучшения отношений сменялись затяжными полосами нагнетания напряженности и вражды. Уверен, что сейчас есть все основания поправить положение, и, кажется, что-то уже получается. Мы готовы всячески способствовать изменениям к лучшему.

Зачем и кому нужна гонка вооружений?

Задумываясь над вопросом, что же обременяет советско-американские отношения, приходишь к выводу — прежде всего гонка вооружений. Я не собираюсь описывать ее историю. Лишь еще раз замечу, что едва ли не на всех этапах Советский Союз выступал в роли догоняющей стороны. К началу 70-х годов мы достигли примерного военно-стратегического паритета. Но на уровне, прямо сказать, пугающем. И Советский Союз, и Соединенные Штаты располагают теперь многократными возможностями уничтожить друг друга.

Казалось, логично было бы перед лицом стратегического пата остановить гонку вооружений, взяться за разоружение. Но происходит иное. И без того переполненные арсеналы продолжают пополняться новыми изощренными видами вооружений, осваиваются новые направления в разработке военной техники. И тон задают в этом опасном, если не сказать — гибельном, занятии США.

Я не открою никакого секрета, если скажу, что Советский Союз принимает все необходимые меры по

поддержанию своей обороны на современном и надежном уровне. Это наш долг перед собственным народом, перед нашими союзниками. В то же время хочу со всей определенностью подчеркнуть — это не наш выбор. Он нам навязан.

У американцев стараются посеять всяческие сомнения в отношении намерений Советского Союза в области разоружения. Однако история показывает, что данное нами слово мы умеем держать, а взятые на себя обязательства выполняем. К сожалению, этого нельзя сказать о Соединенных Штатах. Администрация обрабатывает общественное мнение, запугивая советской угрозой, и делает это с особым упорством, когда надо протащить через конгресс очередной военный бюджет. Перед нами возникает вопрос: ради чего все это делается, какую цель преследуют США?

Совершенно ясно, что в мире, в котором мы живем, в мире ядерного оружия, любая попытка использовать его для решения проблем, существующих между СССР и США, означала бы самоубийство. Это факт. Не думаю, чтобы он не осознавался американскими политиками.

Более того, сейчас создалась поистине парадоксальная ситуация. Даже если одна страна будет постоянно вооружаться, наращивать вооружения, а другая ничего не будет делать, то та сторона, которая вооружается, все равно от этого не выиграет. Слабая сторона может просто взорвать все свои ядерные заряды даже на своей территории, и это будет означать самоубийство для нее и медленное убийство для противника. Вот почему стремление к военному превосходству — это погоня за мифом. Его невозможно использовать в реальной политике.

Не спешат расстаться в США и с другой иллюзией. Говорю об аморальных расчетах обескровить Советский Союз экономически, не дать нам реализовать созидательные планы, затягивая все глубже и глубже в омут гонки вооружений.

Я предлагаю читателю взглянуть на опыт послевоенных десятилетий. Советский Союз вышел из второй мировой войны в состоянии тяжелейшем. Да, мы победили в борьбе с фашизмом, победили вместе с США,

другими участниками антигитлеровской коалиции. Но если на территорию США не было сброшено ни одной вражеской бомбы и на американской земле не прогремел ни один вражеский выстрел, то громадная часть территории нашей страны была ареной ожесточенных сражений. Наши потери — и людские, и материальные — были огромны. И тем не менее мы сумели восстановить разрушенное, нарастить экономический потенциал и справиться вполне уверенно с оборонными задачами. Разве это не урок на будущее?

Недопустимо, чтобы государства строили политику на ошибочных представлениях. Нам известно, что в США, да и вообще на Западе бытует мнение, что реально угроза исходит от Советского Союза вовсе не потому, что он обладает ядерным оружием. Рассуждают так — я уже говорил выше об этом в другой связи: Советы, мол, хорошо знают, что, если они нападут на США, им не миновать ответного удара. Точно так же и США прекрасно отдают себе отчет в том, что нападение на СССР обернется ответным ударом. Поэтому только безумец может развязать ядерную войну. Настоящая же угроза, по мнению этих деятелей, возникнет для США, западного мира в том случае, если Советский Союз осуществит свои планы ускорения социально-экономического развития, продемонстрирует свои новые экономические и политические возможности. Отсюда ставка на то, чтобы измотать Советский Союз в экономическом плане.

Мы искренне советуем американцам: постарайтесь избавиться от такого подхода к нашей стране. Надежды на использование каких-то преимуществ в области технологии, передовой техники, с тем чтобы добиться перевеса над нашей страной, тщетны. Исходить из предположения, что Советский Союз находится в «безвыходном положении» и что нужно лишь посильнее нажать на него, чтобы выжать все, что нужно США, значит глубоко заблуждаться. Ничего из этих планов не выйдет. В реальной политике нельзя принимать желаемое за действительное. Если Советский Союз, будучи намного слабее, чем ныне, смог ответить на все вызовы, которые ему бросали, то, право же, сейчас только слепой не видит, что наши возможности поддерживать

сильную оборону и одновременно решать социальные и другие задачи многократно возросли.

Повторю, что касается внешней политики Соединенных Штатов, то она основывается по крайней мере на двух заблуждениях. Первое — вера в то, что экономическая система Советского Союза вот-вот затрещит и что с перестройкой у него ничего не получится. Второе — расчет на превосходство Запада в технике и технологии и в конечном счете в военной области. Эти иллюзии питают линию на изматывание социализма путем гонки вооружений, чтобы затем диктовать свои условия. Такова схема, она наивна.

Скажу без обиняков — в современной политике Запада ощущается дефицит ответственности и нового мышления. Если не остановиться, не перейти к реальному разоружению, все мы можем оказаться в адском поезде, безостановочно несущемся к катастрофе.

Сегодня, как никогда, и СССР, и США нуждаются в ответственной политике. У нас и у американцев есть свои проблемы в политической, экономической, социальной сферах. Нам есть чем заниматься. Тем временем в различных мозговых трестах разрабатываются стратегические схемы, авторы которых, как фокусники, распоряжаются судьбами миллионов людей. Рекомендации этих мозговых трестов сводятся к тому, что Советский Союз, видите ли, представляет собой главную угрозу и для США, и повсюду в мире. Я уже говорил: надо отказываться от пещерного мышления. Понимаю, есть политики и дипломаты, которые на протяжении десятилетий связывали себя с такой политикой и таким мышлением. Но разве не ушло от них время? В ядерный век необходимо новое мышление. И прежде всего оно необходимо Соединенным Штатам и Советскому Союзу, когда речь идет о взаимных отношениях.

Мы — реалисты и поэтому исходим из наличия в международной политике государственных интересов всех — даже самых малых — стран. И пора осознать, что прошли или, по крайней мере, проходят времена, когда большие державы могли кроить мир по угодному им фасону.

Еще о реальностях. За деидеологизацию межгосударственных отношений

Глубоко убежден, что давно пора открытыми глазами посмотреть на окружающий мир, вдуматься в опыт прошлого, бесстрашно оценить, где же мы оказались. Когда одна страна воспринимает другую как «абсолютное зло», а себя объявляет «абсолютным добром», это заводит отношения в тупик. Говорю сейчас не об антикоммунистической риторике, хотя вред ее велик. Говорю о неумении или нежелании осознать общность человеческого рода, общность его судьбы, говорю о необходимости научиться правильно, цивилизованно жить друг с другом на одной планете.

Сегодняшним поколениям конфронтационные отношения между СССР и США достались в наследство от прошлого. Но обречены ли мы фатально нести эту эстафету вражды дальше?

Конечно, мы уже долгие годы живем в мире. Это — если в целом. Но нынешнюю международную ситуацию нельзя характеризовать как удовлетворительную. Гонка вооружений, особенно ядерных, продолжается. Не затухают региональные конфликты. Риск войны накапливается. Выход — в гуманизации международных отношений. Это — дело трудное. Мы ставим вопрос так: нужно подняться выше идеологических разногласий, пусть каждый делает свой собственный выбор, с которым следует считаться. А для этого и необходимо новое политическое мышление, которое исходит из понимания всеобщей взаимозависимости и в основе которого — идея выживания цивилизации. Сумеем мы договориться о критериях такого мышления — значит, найдем адекватные решения проблем, стоящих перед мировым сообществом. Если это осознают и сумеют реализовать политики, это будет победа разума.

Выступая за оздоровление обстановки в мире, мы считаем, что есть два признака, отличающих реалистическую внешнюю политику: учет собственных национальных интересов и уважение интересов других государств. Это — сильная и здравая позиция. Ее надо настойчиво отстаивать. Мы так и думаем, и так стараемся делать.

Отчужденность — это зло

Иногда говорят, да и сам я говорю, что СССР и США могут прожить друг без друга. Мы вполне проживем без США. Америка тоже без нас проживет. С точки зрения экономической такое возможно. Ведь и сегодня наши торговые связи ничтожны. А ничего, живем. И уроки, полученные от американцев, усваиваем.

Чувствительным был для нас импорт кормового зерна. Сейчас мы обезопасили себя в этом отношении не только путем диверсификации источников получения зерна, но и путем внедрения в наше сельское хозяйство интенсивных технологий, позволяющих резко поднять урожайность. Поставлена задача в скором времени выйти с зерном на мировой рынок.

На Западе создана КОКОМ, США бдительно следят за строжайшим соблюдением всех предусмотренных ею ограничений, навязывают расширение списков товаров, которые не разрешают нам продавать, не гнушаясь вмешиваться во внутренние дела участников этой запретительной системы.

Мы отреагировали остро. Была разработана соответствующая программа. Она получила название «Программа 100», потому что речь в ней шла именно о 100 материалах. Эта программа нами выполнена менее чем за три года. Мы уже самостоятельно обеспечиваем себя на 90 процентов такими материалами. Так что в основном мы поставленную задачу решили.

Прямо сказали: надо кончать с комплексом неполноценности. Страна наша огромная, ресурсы колоссальные, научный потенциал впечатляющий, а международные капиталистические партнеры не всегда надежные, не брезгуют порой использовать торговлю в качестве политического шантажа, давления. Принятые нами меры уже начинают давать конкретные результаты. Появились принципиально новые разработки в области ЭВМ, суперЭВМ, сверхпроводимости и т. д. Словом, сделано немало.

Право, Соединенные Штаты поступают недальновидно и самонадеянно, уповая, что они будут всегда впереди, а мы — постоянно плестись в хвосте. Хотя мы знаем, что многие американские ученые думают иначе.

Но сколько упущено благоприятных возможностей для развития экономики, будь то советской или американской, за долгие годы отчуждения между нашими странами! И не счесть, сколько добрых совместных дел мы не свершили из-за того, что наши отношения отравлены недоверием и подозрительностью.

Так что отчужденность — это не благо, а зло. И зло большое. К тому же экономические отношения представляют собой материальную базу для политических отношений, для их улучшения. При экономических связях возникает взаимозаинтересованность, которая помогает находить решения и в сфере политики. Думаю, что если бы удалось по-настоящему развить торгово-экономические отношения, продолжить процесс, который не очень быстро, но все же развертывается в области культуры, то тогда мы могли бы укрепить доверие между нашими странами. Но в экономической области США создали много завалов, много понастроили заборов.

Да, мы покупаем зерно. Но теперь больше для поддержания хоть каких-то торговых отношений, иначе они вообще заглохнут. Но может статься, как я уже упоминал, что нам его скоро не нужно будет покупать. А другая торговля у нас с США, по сути дела, на нуле. Чуть-чуть какие-то наши товары проникли на американский рынок, и там уже забеспокоились, принимают меры, чтобы ограничить, запретить. Сколько в Соединенных Штатах всяких законоположений действует, чтобы не допустить развития торговли с нами!

Скажу вновь: в общем-то, конечно, и США без нас живут, и мы без США можем жить в смысле торговли. Но если думать о том, что в мире от нас и от нашего взаимопонимания многое зависит, то оно, это взаимопонимание, должно нормально развиваться, углубляться, а следовательно, предполагает развитие торговли. Это было бы и нормально, и интересно.

А со стороны определенных кругов в США нет открытости, желания пойти на взаимность. Нет этого. Вот только если можно где-то что-то урвать от Советского Союза, то — да. А на основе взаимности — ничего.

Может быть, что-то, даже многое зависит и от нас. Может, мы не умеем торговать. А может быть, тоже не проявляем особых усилий, потому что обходимся и без этого. Словом, для того чтобы разгрести завалы, нужен не только советский бульдозер, но и американский.

Именно так следует решать проблему доверия. Заклинаниями здесь ничего не добьешься. Оно складывается в результате реального процесса, на основе практических дел, в том числе усилий сторон по развитию торгово-экономических, научно-технических, культурных и иных связей и, конечно, усилий по прекращению гонки вооружений, разоружению. Доверию будет содействовать и совместная забота об урегулировании региональных конфликтов.

Когда мне говорят, что сначала надо позаботиться о доверии, а уж потом решать основные проблемы, я этого не понимаю. Это скорее похоже на отговорку. Что же, доверие нисходит от бога? Или оно появится от того, что СССР и США будут повторять, что они за доверие? Конечно же нет. Это процесс. И степень доверия всегда, во все времена зависела от степени развития реальных отношений, сотрудничества в разных областях.

Мы должны лучше знать друг друга, чтобы избежать всяких случайностей, непредсказуемости, которые могут иметь тяжелые последствия. Еще раз повторяю: нам нужно сотрудничать не только и не столько в силу экономических факторов, а именно по политическим соображениям. Думаю, что, как бы это ни было трудно, как бы сложно ни развивались наши отношения в силу внутренних или внешних причин, нельзя терять из виду основную цель — оздоровление отношений между нашими странами.

Как нам представляется на основе информации, которую мы имеем, и многочисленных личных контактов, реалистически мыслящие люди в США, да и повсюду хотят сотрудничества, а не конфронтации. Они приветствуют реализм в политике СССР, связывают с этим большие надежды. Встречаясь со многими представителями деловых кругов, я убеждаюсь, что они мыслят широкими категориями, хотя и не забывают о своем

бизнесе. С удовольствием вспоминаю о своих неоднократных беседах с доктором А. Хаммером, который много делает для взаимопонимания и развития дружественных отношений между нашими странами. А недавно мне передали разговор тоже с одним из богатейших американцев, Э. Бронфманом. Он предложил выпить за Горбачева и сказал своему собеседнику: «В материальном отношении я от жизни уже все получил. Но сейчас речь идет о судьбе человечества. Будет Советский Союз развиваться — значит будет способен сохранить равновесие сил, значит будут и рынок, и мир».

Бесспорно, Советский Союз и Соединенные Штаты — два могущественных государства с обширными интересами. У каждой из наших стран есть свои союзники и друзья. У нас есть свои приоритеты во внешней политике. Но я не думаю, что из этого непременно следует, что мы обречены на конфронтацию. Логичнее сделать другой вывод — об особой, повышенной ответственности СССР и США за судьбы мира.

Ядерное оружие в основном сосредоточено в Советском Союзе и Соединенных Штатах Америки. А десяти процентов, куда там — даже одного процента того, чем располагают эти две страны, достаточно, чтобы нанести непоправимый урон всей планете и всей человеческой цивилизации.

Значит, и с этой точки зрения мы с американцами несем самую большую ответственность перед всеми народами. Политики, наши государства, два наших народа несут особую, уникальную ответственность перед всем человеческим сообществом. У американского народа хватило потенциала для того, чтобы создать нынешнюю Америку. В Советском Союзе хватило потенциала для того, чтобы превратить отсталую страну в сегодняшний Советский Союз. И сегодня, несмотря на все то, что нам пришлось испытать в нашей нелегкой истории,— это огромное могучее развитое государство, образованный народ, располагающий огромными интеллектуальными возможностями. Так неужели нам с американцами, которым по плечу оказалось решать такие исторические задачи, не хватит мудрости, умения, ответственности и уважительности друг к другу для того,

чтобы разобраться в сегодняшнем мире и не допустить катастрофы.

Мы остро сознаем, что между нашими странами накоплены буквально горы проблем. Рассмотреть, уладить в сжатые сроки все накопившееся за многие годы невозможно. Думать так было бы иллюзией, пустой мечтой. Главное в советско-американских отношениях — не гоняться за мифами, а стоять на реальной почве.

Мы смотрим на мир, на США, повторяю, с позиций реалистической политики. И в качестве отправного пункта берем тот факт, что американский и советский народы не хотят самоуничтожения. Исходя из этого, мы взяли линию на улучшение отношений с США и надеемся на взаимность.

На пути к Женеве

Проводя после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС глубокую «ревизию» состояния дел, включая внешние, советское руководство пришло к убеждению: обстановка в мире слишком опасна, чтобы пренебречь даже малейшим шансом исправить положение и продвинуться к более устойчивому и прочному миру.

Мы считали необходимым попытаться силой доводов, примером, демонстрацией здравого смысла переломить опасный ход событий. Сама острота ситуации убеждала нас в том, что прямой разговор с президентом США необходим хотя бы для углубленного обмена мнениями, для лучшего знания позиций друг друга.

В преддверии встречи, за несколько месяцев до нее мы начали как бы прокладывать к ней путь, создавать благоприятный климат. Еще летом 1985 года Советский Союз в одностороннем порядке прекратил все ядерные взрывы, выразив готовность немедленно возобновить переговоры о полном прекращении ядерных испытаний. Мы подтвердили также односторонний мораторий на испытания противоспутникового оружия, внесли радикальное предложение о сокращении ядерных арсеналов. Наша твердая позиция — не допустить переноса гонки вооружений в космос — дополнялась предложением о развертывании самого широкого международного сотрудничества по его мирному исследованию и использованию.

Накануне женевской встречи состоялось заседание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора в Софии, на котором прозвучал сильный голос социалистических стран в защиту мира, разрядки напряженности, против гонки вооружений и конфронтации, за оздоровление международной обстановки в интересах всех народов Земли.

Женева

Все детали женевской встречи живо сохраняются в моей памяти. В ходе двух насыщенных дней у нас состоялось несколько бесед с президентом Р. Рейганом с глазу на глаз. Если быть точным, таких бесед было пять, не считая еще одной, когда мы накоротке встретились, чтобы попрощаться.

Наши беседы, как мне уже приходилось говорить, были откровенными, продолжительными, острыми, в отдельные моменты чрезвычайно острыми. Мы увидели, что у нас есть, как мне кажется, то общее, что может быть отправным пунктом улучшения советско-американских отношений. Это понимание того, что ядерная война недопустима, что ее вести нельзя и в ней не может быть победителей.

Эта мысль не раз высказывалась и с нашей стороны, и с американской. Из этого следует вывод, что центральная проблема в отношениях между нашими странами на современном этапе — это проблема безопасности. Я говорил президенту: давайте подумаем, как нам действовать в интересах и советского, и американского народов, чтобы как-то улучшить двусторонние отношения, а затем, может быть, сделать эти отношения дружественными, исходя из того понимания, что наши страны не только различны, но взаимосвязаны. Ведь альтернатива — всеобщее уничтожение.

Именно под этим углом зрения мы говорили о необходимости принять меры по недопущению гонки вооружений в космосе и прекращению ее на Земле, о важности сохранения стратегического паритета, о понижении его уровня. Под этим углом зрения мы говорили об окружающем нас мире, который представляет собой многоликую совокупность стран, народов, у которых свои интересы, свои стремления, своя политика, традиции, мечты. О естественности желания каждого народа

реализовать свои суверенные права и в политической сфере, и в экономической, и в социальной. У каждой страны есть право выбора — выбора пути, системы, друзей. Если этого не признавать, то невозможно строить нормальные международные отношения.

В чем-то президент США соглашался со мной, а во многом мы не могли прийти к согласию. Крупные разногласия по принципиальным вопросам между нами оставались. В Женеве не удалось найти решения кардинальных проблем прекращения гонки вооружений и укрепления мира.

Но и тогда, осенью 1985 года, и сегодня я считал и считаю, что встреча была необходимой и полезной. На крутых, переломных этапах истории бывают просто как воздух нужны моменты истины. Слишком тревожной из-за гонки вооружений стала международная ситуация, слишком много на этот счет сплели небылиц. Возникла необходимость развеять этот туман, делом проверить слова. Лучше, чем с помощью прямого разговора, такого, который обычно предполагает встреча на высшем уровне, этого не сделаешь. При прямом разговоре от правды не спрятаться.

В Женеве мы лучше узнали друг друга, ясно поняли характер разногласий, положили начало диалогу. Подписали соглашение о культурных обменах, которое уже начало работать и приносить взаимную пользу. Мы увидели, что до удовлетворительного взаимопонимания еще далеко, что надо работать и работать, с тем чтобы добиться перемен к лучшему в советско-американских отношениях, да и в мире вообще.

После Женевы

Что происходило после Женевы? Мы с самого начала сознавали, что если не проявить инициативу, чтобы продолжить достигнутое, то само собой ничего не произойдет. Обязывающие женевские договоренности о недопустимости войны, недопустимости стремления к военному превосходству, ускорении женевских переговоров надо было перевести в практические действия. Так мы и поступили.

Мораторий

1 января 1986 года истек срок нашего одностороннего моратория на ядерные взрывы. Советский Союз его продлил. Это был очень крупный шаг, связанный для нас с определен-

ным риском, поскольку идет процесс развития космической техники, новых видов ядерного оружия, например лазерного с ядерной накачкой. Но у нас хватило смелости предпринять этот шаг и пригласить США последовать нашему примеру доброй воли, руководствуясь интересами мирового сообщества.

Запрещение ядерных взрывов — это оселок. Если ты искренне хочешь ликвидировать ядерное оружие, то пойдешь на такой запрет, который ведет к свертыванию существующего арсенала и прекращению совершенствования ядерных средств. Если ты этого на самом деле не хочешь, то будешь делать все, чтобы испытания продолжались.

Прекращение ядерных испытаний — это такая мера, которая сразу бы внесла новый отрадный элемент в советско-американские отношения, да и в мировую ситуацию. Для осуществления этого шага была и неплохая база. Подписи СССР и США стоят под Договором о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Нами было разработано соглашение об ограничении подземных ядерных испытаний, имелся какой-то опыт переговоров о полном их запрещении.

Раньше вызывал трудности вопрос о контроле. Учитывая это, мы заявили о нашей готовности пойти на любые формы контроля, использовать для этого как национальные технические средства, так и международный контроль с привлечением третьих стран.

Мораторий Советского Союза на ядерные взрывы, будучи действием, а не только предложением, на деле подтвердил серьезность и искренность нашей программы ядерного разоружения, наших призывов к новой политике — политике реализма, мира и сотрудничества.

Люди доброй воли приветствовали наше решение о моратории на ядерные взрывы. Мы услышали слова одобрения и поддержки со всех концов Земли. Политики и парламентарии, общественные деятели и массовые организации увидели в этой акции пример правильного подхода к современным проблемам, надежду на избавление от страха перед ядерной катастрофой. Советский мораторий был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН — самым представительным в мире собранием государств.

Нас поддержали выдающиеся ученые физики и врачи, которые, пожалуй, как никто, представляют себе опасности, таящиеся в атоме. Наш мораторий воодушевил представителей науки разных стран на активные действия.

Однако всем этим очевидным и обнадеживающим проявлениям нового мышления противостоит милитаризм и связанное с ним политическое мышление, которое так опасно отстало от процесса глубоких перемен в международной жизни.

Американская администрация реагировала на продолжение советского моратория однозначно: она продолжила серию испытаний ядерных зарядов. Ее представители официально заявили, что, мол, это дело Москвы — испытывать или не испытывать ядерные заряды. Что же касается Соединенных Штатов, то испытания будут проводиться неотступно.

На наших ядерных полигонах царила тишина. Разумеется, мы взвешивали опасности, связанные с действиями Вашингтона, видели, насколько демонстративно и вызывающе американская администрация гнет свою линию, напрочь игнорируя призывы положить конец всем ядерным взрывам. И все же, всесторонне взвесив все «за» и «против», руководствуясь ответственностью за судьбы мира, Политбюро ЦК КПСС и правительство Советского Союза в августе 1986 года приняли решение продлить односторонний мораторий на ядерные взрывы до 1 января 1987 года. Но Соединенные Штаты так и не последовали советскому примеру.

Выходит, наш мораторий оказался бесплодным? Я так не думаю. Мировое общественное мнение узнало, что с ядерными испытаниями можно покончить, и знает, кто противится этому. Верно, что исторический шанс на пути к прекращению гонки вооружений тогда оказался не использован. Но политические уроки всей этой истории не прошли даром. И сегодня, когда достигнута договоренность о начале до 1 декабря 1987 года полномасштабных поэтапных переговоров по проблемам ядерных испытаний, мы можем себя и всех поздравить с тем, что дело с места сдвинулось.

Программа ядерного разоружения. 15 января 1986 года мы выдвинули рассчитанную на 15 лет про-

грамму, предусматривающую поэтапную ликвидацию ядерного оружия до конца XX столетия. Мы тщательно рассчитали эту программу, стремились обеспечить на каждом ее этапе взаимоприемлемый баланс интересов, так чтобы ни на одном этапе ничьи интересы безопасности не подрывались. Любой другой подход был бы просто нереалистичен. На базе этой программы наши представители внесли крупные компромиссные предложения на женевских переговорах. Они касались ракет средней дальности, стратегического наступательного оружия, недопущения милитаризации космоса.

Заявление от 15 января носило программный характер. Мы хотели выделить главную угрозу цивилизации, связанную с ядерным оружием, с ядерными взрывами, не оставляя в стороне вопросы запрещения и ликвидации химического оружия и глубокого сокращения обычных вооружений. Это — своего рода комплекс мер, не развернутый в деталях. Главный принцип, действующий на всех этапах,— сохранение равновесия. Нужны не политическая игра, не хитрости, а политическая ответственность, ясное понимание, что никто никого не обманет, когда речь идет о столь чувствительной области, как безопасность государства.

Для такого шага, который мы сделали 15 января 1986 года, потребовалось не только понимание своей ответственности, но и решимость, политическая воля. Мы исходили из необходимости новых подходов в вопросах безопасности в ядерно-космическую эру. Такова была воля и всего нашего народа.

Делая этот шаг, мы меньше всего думали о пропагандистском выигрыше, о том, чтобы переиграть другую сторону. Это было продиктовано ответственностью за предотвращение ядерной войны, за сохранение мира. Наша позиция тут сходилась с мнением мировой общественности и, в частности, откликалась на призыв «группы шести» (Индия, Аргентина, Швеция, Греция, Мексика, Танзания).

Мы глубоко привержены идее безъядерного мира. Эта идея, обогащенная индийской политической традицией, особенностями индийской философии и культуры, получила развитие в Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасиль-

ственного мира. Для нас это не какой-то лозунг, который изобретен, чтобы поразить чье-то воображение. Безопасность — политический вопрос, а не функция военного соперничества. Если не понимать этого, то результатом может быть только война со всеми ее катастрофическими последствиями. Если накопленные огромные арсеналы ядерного, химического и иного оружия будут пущены в ход, то от мира ничего не останется. Речь идет о выживании человечества. Для нас идея безъядерного мира — выстраданное убеждение. Мы рассматриваем безопасность как всеобъемлющую концепцию, включающую не только военно-политический, но и экономический, экологический, гуманитарный аспекты.

На XXVII съезде КПСС нами была всесторонне обоснована **концепция создания всеобъемлющей системы международной безопасности.** Мы ее адресовали всему миру, правительствам, партиям, общественным организациям и движениям, которые действительно озабочены судьбами мира на Земле [1].

---

[1] Принципиальные Основы такой системы нам представляются следующим образом:

1. В военной области

— отказ ядерных держав от войны друг против друга или против третьих государств — как ядерной, так и обычной;

— недопущение гонки вооружений в космосе, прекращение всех испытаний ядерного оружия и полная его ликвидация, запрет и уничтожение химического оружия, отказ от создания других средств массового истребления;

— строго контролируемое снижение уровней военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности;

— роспуск военных группировок, а как ступень к этому — отказ от их расширения и образования новых;

— пропорциональное и соразмерное сокращение военных бюджетов.

2. В политической области

— безусловное уважение в международной практике права каждого народа суверенно избирать пути и формы своего развития;

— справедливое политическое урегулирование международных кризисов и региональных конфликтов;

— разработка комплекса мер, нацеленных на укрепление доверия между государствами, на создание действенных гарантий от нападения на них извне, неприкосновенности их границ;

— выработка эффективных методов предотвращения международного терроризма, включая безопасность пользования

Ни от одного из предложений своей съездовской программы мы не отказываемся и сегодня, готовы самым тщательным образом отнестись к любым идеям, которые служили бы утверждению мирного сосуществования как высшего, универсального принципа межгосударственных отношений.

Сказали мы на съезде и о советско-американских отношениях. Хочу напомнить наше заявление на этот счет: «Советский Союз твердо настроен на то, чтобы оправдать надежды народов наших двух стран, всего мира, которые ждут от руководителей СССР и США

международными наземными, воздушными и морскими коммуникациями.

3. В экономической области

— исключение из международной практики всех форм дискриминации; отказ от политики экономических блокад и санкций, если это прямо не предусматривается рекомендациями мирового сообщества;

— совместный поиск путей справедливого урегулирования проблемы задолженности;

— установление нового мирового экономического порядка, гарантирующего равную экономическую безопасность всех государств;

— разработка принципов использования на благо мирового сообщества, прежде всего развивающихся стран, части средств, которые будут высвобождаться в результате сокращения военных бюджетов;

— объединение усилий в исследовании и мирном использовании космоса, решении глобальных проблем, от которых зависят судьбы цивилизации.

4. В гуманитарной области

— сотрудничество в распространении идей мира, разоружения, международной безопасности; повышение уровня общей объективной информированности, взаимного ознакомления народов с жизнью друг друга; укрепление в отношениях между ними духа взаимопонимания и согласия;

— искоренение геноцида, апартеида, проповеди фашизма и всякой иной расовой, национальной или религиозной исключительности, а также дискриминации людей на этой основе;

— расширение — при уважении законов каждой страны — международного сотрудничества в осуществлении политических, социальных и личных прав человека;

— решение в гуманном и позитивном духе вопросов воссоединения семей, заключения браков, развитие контактов между людьми, организациями;

— укрепление и поиски новых форм сотрудничества в сфере культуры, искусства, науки, образования и медицины.

(Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 75—76.)

конкретных шагов, практических действий, реальных договоренностей о том, как осадить гонку вооружений»[1]. Вся суть позиции съезда по советско-американским отношениям может быть выражена в нескольких словах: мы живем на одной планете и без США мир сохранить не сумеем.

США после Женевы

А как повела себя после Женевы американская администрация? В который уже раз была развернута шумная кампания, рассчитанная на подогревание антисоветских страстей. Вновь и вновь пытались выставить Советский Союз в качестве некоего пугала, нагнать страху, чтобы протолкнуть через конгресс очередной военный бюджет. Вытащили из хлама «империю зла». Президент вновь подтвердил, что не отказывается от этого определения.

Все это можно было бы списать по разряду риторики, но, как я уже говорил, враждебная риторика тоже отравляет отношения. Потом дальше — больше: пошли вещи более серьезные — требование, чтобы Советский Союз сократил на 40 процентов число своих дипломатов в США; американские военные корабли прошли через советские территориальные воды вблизи берегов Крыма; был нанесен военный удар по суверенной Ливии. Такие действия американской администрации в обстановке после Женевы мы расценили как демонстративный вызов не только Советскому Союзу.

Это был вызов и всему миру, в том числе американскому народу.

Тогда же было заявлено о намерении США выйти из Договора ОСВ-2. Этот документ был объявлен «мертвым». Вместо того чтобы идти к новым крупным соглашениям в интересах прекращения гонки вооружений, администрация предпочла демонтировать имеющиеся соглашения. Развернулась психологическая обработка собственной и мировой общественности, с тем чтобы разрушить и бессрочный Договор по ПРО.

Время после Женевы показало, что если раньше мы строили догадки, могли делать только предположения,

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 69.

то теперь в нашем распоряжении факты, свидетельствовавшие о нежелании выполнять женевские договоренности. Но, продолжая все по-старому, одновременно хотели «успокоить» общественность.

У нас вновь возникли вопросы: неужели в Вашингтоне думают, что имеют дело со слабонервными, что можно действовать подобно азартным игрокам, что Советский Союз, наблюдая все новые и новые воинственные позы, дрогнет?

В то время мне предстояло выступать в городе Тольятти. Рабочему классу этого города, всем советским людям я должен был объяснить, что же произошло после Женевы.

Мы сделали много и свои обязательства перед миром выполнили, то есть отнеслись к своим обязательствам в Женеве с чувством высокой ответственности.

А что США? Я привел факты, и, естественно, перед нами вновь и вновь вырастал вопрос, чего же хотят США, если судить не по заявлениям, а по реальной политике? Администрация уходила не то что от разрядки, но пугалась всякого потепления. Я должен был честно сказать советскому народу, в чьих интересах проводится эта политика. И в самом деле, не американский же народ заинтересован в нагнетании военных угроз. Надо было сказать о военно-промышленном комплексе США, который, подобно древнему Молоху, пожирает не только колоссальные ресурсы американского и других народов, но и плоды усилий по ликвидации угрозы ядерной войны.

Естественно, наш народ беспокоит СОИ. И мы говорили об этом не раз. Но может быть, нас снова хотят запугать? Может быть, перестать «бояться» СОИ.

Конечно, недопустимо безразличие. Мы видели, что, хотя миллионы американцев — в их числе видные политические и общественные деятели, простые граждане, ученые, священники, школьники и студенты — выступают против СОИ, как и против ядерных испытаний, определенные круги в США просто помешались на программе «звездных войн». И это тем опаснее, что является прямым результатом идущей там бурным ходом милитаризации политического мышления.

Но все-таки следовало напрочь избавиться от впечатления, которое создано не нами. Ведь ставка делается как раз на то, что СССР «боится» СОИ, а значит, надо его пугать ею морально, экономически, политически, в военном плане. Поэтому на СОИ и нажимают, чтобы нас измотать. И мы решили сказать: да, мы против СОИ, потому что мы за ликвидацию ядерного оружия. СОИ делает мир еще более неустойчивым. Но для нас это проблема не боязни, а ответственности, ибо последствия будут непредсказуемы. СОИ не укрепляет безопасность, а разрушает остатки того, что еще может служить безопасности.

Выступая в Тольятти, я решил еще раз сказать, что наш ответ на СОИ будет эффективным. США рассчитывают, что мы будем создавать аналогичные системы, надеются оторваться технологически, использовать технологические преимущества. Но мы, руководство СССР, знаем, что для нашей науки и техники нет ничего невозможного из того, что могут сделать США. Для уничтожения СОИ достаточно затратить в 10 раз меньше средств на создание контрсистемы.

Таким образом решили окончательно развенчать демагогию насчет того, что мы испытываем страх перед СОИ.

В этом своем выступлении я повторил формулу съезда: на бóльшую безопасность не претендуем, на меньшую — не пойдем.

Итак, подводя итоги прошедших месяцев после Женевы, мы хотели сказать Западу, Соединенным Штатам, да и всей НАТО, что ни в коей мере не отказываемся от своей линии на мир, но в своих делах учитываем реальную политику Запада. Выпрашивать мира не будем. Не раз давали ответы на любой вызов, сможем дать и на этот.

Казалось бы, естественным ответом США на наши инициативы и действия после Женевы было пойти навстречу, откликнуться на ожидания народов. Но этого не произошло. Правящая группировка поставила узкие интересы выше интересов человечества и своего собственного народа. Причем немаловажно, в какой форме это сделано — демонстративно, вызывающе, с полным пренебрежением к мнению мирового сообщества.

Такое поведение говорило о том, что чувство ответственности вновь спасовало перед привычкой к вседозволенности.

Надежды, возникшие после Женевы, повсюду, в том числе и в американском обществе, скоро сменились разочарованием. Ибо в реальной политике США все осталось по-прежнему.

Урок Чернобыля

Апрель 1986 года преподнес нам тягчайший урок, как может вести себя атом, вышедший из-под контроля, даже атом мирный. Я говорю о трагедии в Чернобыле. О том, как и почему она случилась, о ее последствиях сказана вся правда. Уже состоялся суд над основными виновниками катастрофы. Мир знает, что было предпринято у нас в стране для того, чтобы уменьшить масштабы беды.

Мы многократно обсуждали случившееся в Политбюро ЦК. После получения первой информации мы поняли — ситуация очень серьезная, и мы несем ответственность и за оценку происшедшего, и за правильность выводов. Наша работа на виду у всего народа и у всего мира. Думать, что мы можем ограничиться полумерами и ловчить,— недопустимо. Нужна полная и объективная информация о происшедшем. Трусливая позиция — недостойная политика. Нет никаких таких интересов, которые понуждали бы нас скрывать истину.

Советское руководство непосредственно занималось всем процессом ликвидации последствий аварии. В этом мы видели свой долг перед народом и свою международную ответственность. На ликвидацию последствий аварии были брошены лучшие научные, медицинские, технические силы. Нам помогли — и это мы высоко оцениваем — зарубежные ученые, промышленные компании, медики, в том числе американские. Мы, наконец, сделали важнейшие для себя выводы по дальнейшему развитию ядерной энергетики.

Самоотверженными усилиями многих десятков тысяч людей, при всенародной поддержке, в том числе материальной, удалось ограничить последствия аварии. Но мы не считаем, что можно успокоиться. Мы не склонны упрощать обстановку ни для себя, ни для других.

Работа продолжается. Она займет годы, хотя вся ситуация, повторяю, находится под контролем.

А ведь речь идет об аварии всего лишь одного реактора! Чернобыль беспощадно напомнил, что ждет всех нас, разразись ядерная гроза.

Не буду возвращаться к тем небылицам, которые сочинялись в связи с Чернобылем. Скажу лишь, что мы высоко оценили сочувствие и помощь тех, кто сердцем откликнулся на беду, но и еще раз увидели, сколько злобы и недоброжелательства накопилось в мире.

Рейкьявик

Мы видели, что милитаристская партия в США (я говорю не о республиканской и демократической партиях, а о тех, кто связал себя намертво с военным бизнесом) испытывает аллергию даже к малейшему смягчению отношений между нашими странами. Эта партия делала все возможное и невозможное, чтобы побыстрее забыть Женеву, выветрить дух Женевы, убрать с дороги какие бы то ни было ограничители и беспрепятственно продолжать гонку вооружений, включая новое космическое направление.

Вместе с тем мы хорошо понимаем, что милитаристской партией далеко не исчерпывается весь политический спектр в США. Американские политические деятели, придерживающиеся реалистических позиций, трезво оценивающие мировую обстановку, выступали за продолжение переговоров с СССР, за поиски путей нормализации советско-американских отношений, учитывая, что гонка вооружений ведет к серьезным негативным последствиям и для самих США. Но так или иначе верх брали, как это уже не раз случалось, интересы милитаристской группировки.

Возможность полномасштабной, результативной советско-американской встречи в верхах таяла. Проведение новой встречи лишь с целью обменяться рукопожатиями, продолжить знакомство было бы делом несерьезным, более того, бессмысленным.

И все же мы не могли принять американского «нет» в ответ на наши настойчивые усилия сблизить позиции, выработать разумный компромисс. Сознавали, что нужен крупный прорыв, что время работает против интересов человечества. Тогда и возникла идея прове-

дения промежуточной советско-американской встречи, с тем чтобы дать по-настоящему мощный импульс всему делу ядерного разоружения, переломить опасные тенденции, повернуть ход событий в нужном направлении. Президент США принял нашу инициативу. Это обнадеживало. Так был открыт путь к встрече в Рейкьявике в октябре 1986 года.

Уже в ходе первой беседы я сказал президенту, что после Женевы удалось привести в движение сложный и обширный механизм советско-американского диалога. Но этот механизм уже не раз давал сбои: по главным вопросам, которые беспокоят обе стороны,— как отвести ядерную угрозу, как использовать полезный импульс Женевы, как выйти на конкретные договоренности — движения нет. И это весьма нас беспокоит. Я говорил президенту, что женевские переговоры задыхаются в нафталинном хламе. На переговорах в воздухе плавает 50—100 вариантов и не просматривается одного-двух, которые реально работали бы на прогресс переговоров.

Мы тщательно готовились к Рейкьявику, провели большую подготовительную работу. Ориентация была взята четкая и твердая — договориться в конечном счете о полной ликвидации ядерного оружия и обеспечить на всех этапах движения к этой цели равенство и равную безопасность США и Советского Союза. Иной подход был бы непонятен, нереален и недопустим. Встреча в Рейкьявике, по нашему убеждению, должна была создать предпосылки для того, чтобы на следующей нашей встрече мы могли подписать соглашения по кардинально важным проблемам ограничения вооружений.

В Рейкьявик мы привезли проект крупных мер, которые, будь они приняты, положили бы начало рождению новой эпохи в жизни человечества — эпохе без ядерного оружия. Речь шла уже не об ограничении ядерных вооружений, как это было в договорах ОСВ-1, ОСВ-2, а о ликвидации их в сравнительно короткие сроки.

Первое предложение касалось стратегического наступательного оружия. Я заявил о готовности сократить его на 50 процентов в течение первых пяти лет.

В ответ услышал то, что на протяжении месяцев крутили и мяли делегации на женевских переговорах и что завело их в полный тупик,— уровни, подуровни, головоломные подсчеты. Пришлось остро полемизировать, но скоро я увидел, что разговор начинает буксовать. Чтобы вырваться из вязкой трясины, впрочем, возникшей на женевских переговорах не случайно, а созданной специально с целью их дискредитировать, превратить в комедию, я предложил простое и ясное решение. Есть триада стратегических вооружений: баллистические сухопутные ракеты, ракеты морского базирования и самолеты. Они есть и у СССР, и у США, хотя структура СНВ у каждой из сторон имеет свои исторически сложившиеся особенности. Давайте все эти три элемента, типа вооружений, каждую часть триады сократим наполовину. Справедливо и на равных.

Чтобы облегчить договоренность, мы пошли на большую уступку, сняв свое прежнее требование о включении в стратегическое уравнение американских ракет средней дальности, достигающих нашей территории, и американских средств передового базирования. Готовы были учесть и озабоченность США по поводу наших тяжелых ракет.

Президент согласился с таким подходом. Более того, он выдвинул идею полной ликвидации стратегических наступательных вооружений в последующие пять лет, что я, естественно, решительно поддержал.

Второе наше предложение касалось ракет средней дальности. Я предложил президенту полностью ликвидировать советские и американские ракеты этого класса в Европе. При этом здесь мы шли на большие уступки. Мы оставили в стороне направленные против нас английские и французские ядерные силы. Согласились заморозить ракеты с дальностью менее тысячи километров и тотчас же вступить в переговоры об их дальнейшей судьбе. Разумеется, имея в виду в конечном счете избавление Европы и от этого типа ракетных вооружений. Наконец, согласились на американское предложение резко ограничить количество ракет средней дальности, размещенных в азиатской части СССР, оставив сто боеголовок на этих ракетах к востоку от Урала

у нас и сто боеголовок на американских ракетах средней дальности на территории США. В итоге появилась возможность дать поручение министрам иностранных дел приступить к выработке проекта соглашения по средним ракетам.

Третий вопрос, который я поставил перед президентом в первой же беседе и который органически входил в сумму наших предложений,— укрепление режима Договора по противоракетной обороне и о запрещении ядерных испытаний.

Я убеждал президента: раз мы идем на сокращение ядерного оружия, мы должны быть уверены в том, что никто из нас не сделает такого, что поставило бы под угрозу безопасность другой стороны. Отсюда ключевое значение укрепления режима Договора по ПРО. При этом мы учитывали приверженность президента идее СОИ. Предлагали решить вопрос о неиспользовании в течение десяти лет права выхода из Договора по ПРО, сделав запись о том, что лабораторные исследования в области СОИ не будут запрещаться. Десять же лет неиспользования права выхода из Договора абсолютно необходимы для создания уверенности в том, что, решая проблему сокращения вооружений, мы сохраним обоюдную безопасность, не допустим попыток получения односторонних преимуществ путем развертывания космических систем.

Политически, практически и технически никакого ущерба такие ограничения ни для кого не таили. Я еще вернусь к этой теме, а сейчас хочу напомнить, что в Рейкьявике мы предложили президенту условиться о том, чтобы наши представители сразу же по завершении встречи в исландской столице вступили в переговоры по запрещению ядерных взрывов. Причем к этой проблеме мы также подошли гибко, заявили, что рассматриваем выход на полномасштабный договор о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов как процесс, в ходе которого можно было бы действовать поэтапно. Скажем, в первоочередном порядке решить вопрос о «пороге» мощности ядерных взрывов, о количестве таких взрывов в год, о судьбе договоров 1974, 1976 годов. И мы были близки к нахождению формулировок и по этому вопросу.

Я и сейчас не думаю, что путь к мораторию перекрыт наглухо. Из того, что нам пришлось возобновить испытания, отнюдь не вытекает, что только США могут писать сценарий. Когда придет реализм в оценках, трудно сказать. Но он наступит, и, может, даже неожиданно быстро, ибо жизнь учит. История полна примеров, как порой круто изменяется ситуация.

Итак, в Рейкьявике вырисовывалась возможность разработать директивы для министров иностранных дел, с тем чтобы подготовить три проекта соглашений, а затем их подписать во время очередной советско-американской встречи на высшем уровне. Но такая ясная, вполне осязаемая перспектива прорыва к действительно историческому компромиссу между СССР и США не осуществилась. А до нее было буквально рукой подать.

Камнем преткновения стала американская позиция в отношении Договора по ПРО. Уже после Рейкьявика я снова и снова задавался вопросом, почему Соединенные Штаты уклонились от договоренности относительно укрепления режима этого бессрочного договора. И каждый раз приходил к одному и тому же выводу: Соединенные Штаты не готовы расстаться с надеждой прорваться к военному превосходству, на сей раз хотят обойти Советский Союз, форсируя работы по СОИ.

И вновь в этой связи я хотел бы сказать следующее: если Соединенным Штатам и удастся осуществить свои намерения в отношении СОИ, хотя мы в этом сильно сомневаемся, советский ответ последует. Если Соединенные Штаты не откажутся от СОИ, мы не собираемся облегчать им жизнь. Ответ будет эффективный, надежный и экономный. Мы имеем проработку, как обесценить СОИ, не затрачивая на это тех баснословных сумм, которые потребуются США для ее создания. Пусть американцы еще раз задумаются: стоит ли изматывать себя своей СОИ. В любом случае она не сможет обеспечить надежной защиты.

Но СОИ означает перенос оружия в новую среду, что резко дестабилизирует стратегическую ситуацию, а с другой стороны, сама приверженность к СОИ говорит о политических намерениях, о политической установке — не мытьем, так катаньем поставить Советский

Союз в неравноправное положение. Вот эти-то политические намерения, вот эти-то иллюзорные расчеты — через «стратегическую оборонную инициативу» выйти на доминирующие позиции в отношении СССР — и не позволили увенчать Рейкьявик решениями исторической значимости.

Мы много говорили с Р. Рейганом и об этом, говорили остро. Я совершенно искренне сказал президенту, что в итоге нашей встречи одного победителя быть не может — либо победим мы оба, либо оба проиграем.

И все же Рейкьявик стал поворотным пунктом мировой истории. Он зримо показал возможность улучшения мировой обстановки. Создалась качественно иная ситуация, чем прежде. Никто уже не может действовать так, как действовал до этого. Нас Рейкьявик убедил в правильности избранного курса, в необходимости и конструктивности нового политического мышления.

Встреча, можно сказать, подняла на новый уровень советско-американский диалог, равно как и в целом диалог Восток — Запад. Он теперь выведен из чехарды технических выкладок, цифровых сопоставлений, политической арифметики на новые параметры. С высоты Рейкьявика видны перспективы решения тех проблем, которые продолжают остро стоять сегодня,— я имею в виду безопасность, ядерное разоружение, недопущение новых направлений гонки вооружений. Рейкьявик обозначил маршрут движения к возвращению человеческому роду бессмертия, которое оно утратило с того самого момента, когда ядерное оружие испепелило Хиросиму и Нагасаки.

Мы считаем, что встреча в Исландии была рубежным событием. Это завершение одного этапа борьбы за разоружение и начало другого этапа.

Мы сломали старую схему переговоров, вывели советско-американский диалог, я бы сказал, из политического тумана и демагогии. За годы переговоров разоруженческая тематика в результате многочисленных предложений и с той и с другой стороны превратилась в такую запутанную грамоту, в которой с трудом даже политические деятели разбираются, а уж о широкой

общественности нечего и говорить. Наша новая программа ядерного разоружения предельно проста и понятна. Она сведена к четырем пунктам и умещается на полутора страницах. Она стала доступной широким кругам. Мы сознательно стремились к этому, чтобы сделать общественность мира как бы участником переговоров.

После Рейкьявика

Диалектика Рейкьявика такова: цель стала ближе, осязаемой, но ситуация стала еще сложнее и противоречивей. Ясно видны и доступность соглашения, беспрецедентного по масштабам, но и огромные препятствия на этом пути. В общем-то никогда еще так близко мы не подходили к договоренности.

В самом деле, оказалось, что по первому и второму пунктам нашей платформы — по стратегическому оружию и РСД — удалось, хотя и с большим трудом, достигнуть понимания. Уже одним этим был приобретен огромный опыт. Мы понимали трудности президента, понимали, что он не свободен в своих решениях. И не делали трагедии из того, что проблема ПРО не позволила Рейкьявику стать полным успехом. Мы считали: пусть президент обдумает все, что произошло, пусть посоветуется с конгрессом. Может быть, понадобится еще одна попытка, чтобы перешагнуть то, что нас еще разделяет. Мы можем подождать. И не снимаем наших предложений, привезенных в Рейкьявик.

Рейкьявик вывел нас на важнейший этап понимания того, где мы находимся. Тут нужна точность мысли. Не надо примитивизма. Я ни в коем случае не назвал бы Рейкьявик провалом. Это ступень в сложном и трудном диалоге, в поиске решений. Их надо искать по-крупному. Только в этом случае договоренность возможна. Из Рейкьявика мы сделали вывод, что еще больше возросла необходимость диалога. Вот почему после Рейкьявика я — еще больший оптимист.

Книга уже была в руках издателя, когда в Вашингтоне состоялась договоренность между Э. А. Шеварднадзе и Дж. Шульцем о том, что соглашение по РСД — ОТР будет в ближайшее время подготовлено и подписано уже в этом году. Это будет первый, причем крупный, шаг по пути реального ядерного разоружения.

И это, несомненно, практический результат Рейкьявика, подтверждающий его историческое, переломное значение.

Тут содержится и ответ на вопрос, который многие задавали тогда,— стал ли мир более безопасным после Рейкьявика?

Некоторые пытались изобразить драму в Рейкьявике (а ситуация действительно складывалась драматически) так, будто дело было в одном слове, будто все сорвалось из-за одного слова. Нет, дело в принципе. Мы сделали крупнейшие шаги навстречу, но на такую уступку мы пойти не можем. Я дважды выступал по итогам Рейкьявика, уже вернувшись в Москву. И не только для того, чтобы восстановить истину, которую стали искажать. Прежде всего для того, чтобы определить, что же делать дальше. Я говорил это тогда и сейчас убежден: неуспех Рейкьявика связан с двумя стратегического характера заблуждениями, свойственными определенным кругам Запада.

Первое. Это, что русские боятся СОИ и поэтому пойдут на любые уступки. И второе, что мы заинтересованы в разоружении больше, чем Соединенные Штаты. Такие настроения сказались и на ходе переговоров в Рейкьявике. Мы очень скоро почувствовали, что от нас там ждут: американская делегация приехала без определенной программы — лишь складывать плоды в свою корзину.

Американские партнеры упорно тянули нас к тому, чем бесплодно столько времени занимались наши делегации на женевских переговорах. А мы хотели придать реальное, практическое выражение тому, о чем в принципе договорились в Женеве на высшем уровне. Иначе говоря, дать импульс процессу ликвидации ядерного оружия.

И в самом деле, раньше речь шла лишь об ограничении ядерных вооружений. Теперь — о сокращении и ликвидации. А раз так, то нужно было закрыть все пути для обходных маневров, позволяющих выйти на превосходство. Вот почему ключевым пунктом стал вопрос о соблюдении Договора по ПРО. Позиция американской стороны в Рейкьявике по этому вопросу ясно показала, что она не отказалась от установки

на превосходство. И ей не хватило ни ответственности, ни политической решимости переступить через этот порог. Ибо это означало высвободиться из зависимости от военно-промышленного комплекса.

Тем не менее мы крест не поставили. Исходили из того, что Рейкьявик открывает новые возможности для всех разобраться, что происходит: и для европейцев, и для американцев, и для нас самих. Для нас пока ясно одно: раз хотят избавиться от Договора по ПРО, хотят гнать СОИ — это оружие обеспечения превосходства,— тогда нужен пакет, тогда все взаимосвязано. И не будем лукавить: мы хотели показать этим пакетом всему миру, что главное препятствие к соглашению о ядерном разоружении — это СОИ.

Время, прошедшее после Рейкьявика, оказалось в высшей мере поучительным. Милитаристские круги явно оказались напуганы. Они пытались, да и пытаются сейчас громоздить самые нелепые препятствия, с тем чтобы процесс, начатый в Рейкьявике, ушел каким-то образом в песок. Преподносились различные версии содержания рейкьявикских бесед, всячески пытались скрыть тот факт, что в Рейкьявик американская сторона приехала с пустыми руками, готовая лишь собирать советские уступки.

Всякое было в дни и недели, месяцы, а теперь уже год после Рейкьявика. Я предпочитаю называть вещи своими именами: по сути дела, администрация США взяла тогда курс на ликвидацию итогов Рейкьявика. Все ее действия не оставляли сомнений на сей счет. Мы были свидетелями, как США начали вносить путаницу в отношении того, что в действительности происходило в Рейкьявике, как в Западной Европе плодились чуть ли не панические настроения.

Но главное — действия Соединенных Штатов. Я имею в виду фактический выход из лимитов Договора ОСВ-2, когда Соединенные Штаты ввели в строй 131-й стратегический бомбардировщик, оснащенный крылатыми ракетами. Я имею, далее, в виду нарочито шумную дискуссию в кругах администрации в пользу так называемой широкой интерпретации Договора по ПРО. А в первые месяцы 1987 года мы услышали из Вашинг-

тона, что США пора приступить к развертыванию первых компонентов СОИ в космосе.

Да и на женевских переговорах дело шло вяло. Нас пытались тащить назад, вновь вывалили на стол все эти уровни и подуровни. В качестве пропагандистского гарнира широко подавались рассуждения о жесткости, неуступчивости Советского Союза, который, мол, выдвигает свои предложения в пакете, не дает возможности найти развязок там, где они возможны уже сегодня.

Как мы должны были поступать? Реагировать по принципу острие против острия? До добра такой образ действий никогда не доводит.

Мы не последовали «примеру» США и заявили, что сохраним верность своим обязательствам по Договору ОСВ-2. Больше бомбардировщиков или меньше — это мало что значит, учитывая современный баланс стратегических сил между СССР и США. Разрыв Вашингтона с Договором ОСВ-2 носил не столько военный, сколько политический характер. Это было своего рода «приглашение» Советскому Союзу вернуться в дорейкьявикскую пору.

Мы хладнокровно реагировали на заявления экстремистских группировок в США о необходимости форсировать СОИ и срочно начать испытания и даже развертывание ПРО космического базирования.

Что же касается рассуждений о советском пакете, то я и сейчас считаю, что, согласись США принять этот пакет с вполне возможными уточнениями, с какой-то модификацией, был бы сделан огромный шаг. В этом пакете еще раньше находились вопросы ограничения и ликвидации стратегических наступательных вооружений и недопущения милитаризации космоса. Они органически связаны. Это стратегическая увязка. Не будет жесткого ограничения на выход гонки вооружений в космос, не будет и сокращения СНВ. Это должно быть всем совершенно ясно.

В Рейкьявике мы включили в пакет вопрос о ракетах средней дальности, так как хотели продвинуться одновременно к свертыванию гонки вооружений по всем ключевым направлениям. Одновременно — повторяю — мы хотели высветить перед всем миром СОИ как главное препятствие к переходу на путь ядерного разо-

ружения. Многие западные политики критиковали и осуждали нас за то, что РСД мы вернули в пакет. Знаю, что не соглашались с нами и различные общественные круги. Но, думаю, тогда мы правильно поступили.

Московский форум и РСД

На меня, как и на других членов советского руководства, глубокое впечатление произвел Московский форум «За безъядерный мир, за выживание человечества». Мы непосредственно ощутили настроения мировой общественности, ее встревоженность и обеспокоенность судьбой Рейкьявика. Тем, что уже после Рейкьявика Советскому Союзу пришлось приостановить односторонний мораторий на ядерные испытания, что подорван Соединенными Штатами Договор ОСВ-2, под угрозу поставлен Договор по ПРО. Мы все очень серьезно обдумали и решили сделать еще один шаг, с тем чтобы вдохнуть жизнь в женевские переговоры, добиться позитивного сдвига в разоружении. Я имею в виду вычленение из пакета вопроса о ракетах средней дальности.

И что оказалось?

Опять, как и после Рейкьявика, начался переполох в стане НАТО. В ответ на наш новый шаг навстречу Западу атлантические правящие круги у всех на глазах стали сползать с позиций, которые они сами долго отстаивали. Стали отказываться или обставлять частоколом условий свой собственный «нулевой вариант». Дело доходило до того, что вместо сокращения ядерных арсеналов Европе предлагали приступить к их наращиванию — к «довооружению» американскими оперативно-тактическими ракетами.

Слышим и такие заявления: Запад, мол, будет доверять предложениям Советского Союза о сокращении вооружений, если он изменит свою политическую систему, если возьмет для себя за образец западное общество. Это уже совсем комично.

После Рейкьявика и особенно после нашего предложения заключить по РСД отдельное соглашение в натовских кругах подняли большой шум о невозможности обеспечить мир в Европе без ядерного оружия.

У меня по этому поводу был острый спор с М. Тэтчер. Она убеждала, что для Англии ядерное оружие — единственный способ обеспечить свою безопасность в

случае обычной войны в Европе. Но это же какая-то философия обреченности! Я говорил английскому премьер-министру: «Когда вы клятвенно заверяете нас в том, что ядерное оружие — это благо, что пусть США и СССР сокращают его уровень, а Англия останется в стороне, то всем сразу становится ясно — перед нами горячая сторонница ядерного оружия. Допустим, мы начнем процесс разоружения, уберем РСД из Европы, сократим СНВ на 50 процентов или на другую цифру, а вы будете наращивать свои ядерные силы. Как будете вы выглядеть в глазах мирового общественного мнения, вы подумали об этом?»

Я посчитал своим долгом напомнить, что Англия была участницей трехсторонних переговоров о полном и всеобщем запрещении ядерных испытаний, а затем потеряла интерес к этим переговорам. Мы свыше полутора лет соблюдали мораторий на ядерные взрывы, а Великобритания уклонилась.

Существование ядерного оружия все время таит в себе риск непредвиденного. Если исходить из того, что ядерное оружие — это благо, надежная гарантия безопасности, то давайте долой и Договор о нераспространении ядерного оружия. Тем более что сегодня десятки государств располагают научно-техническими и материальными возможностями обзавестись собственной бомбой. Какое моральное право имеют нынешние ядерные державы отказывать в этом, например, Пакистану, Израилю, Японии, Бразилии и кому угодно? Но что тогда станет с миром, с международными отношениями?

Оценивая ситуацию, Политбюро ЦК подтвердило решительное несогласие советского руководства с позицией, в соответствии с которой ведение международных дел и национальную безопасность не мыслят иначе как при опоре на ядерное оружие.

Но возвращаюсь к проблеме РСД. Строго говоря, «нулевой вариант» для Европы в свое время предлагался президентом Р. Рейганом. На первоначальный патент этой идеи претендует Г. Шмидт. Он действительно первый выдвинул такое предложение в бытность канцлером ФРГ. В Рейкьявике мы с президентом нашли решение, практически довели его до стадии соглаше-

ния. Теперь ему можно дать жизнь. Одна западногерманская газета писала, что в ФРГ есть деятели, которые постоянно настаивают на том, чтобы поймать Горбачева на слове. Но, согласившись с «нулевым вариантом», Горбачев сам их поймал на слове. Пусть, мол, теперь докажут, писала газета, что они не демагогией занимались и, выдвигая свой «нуль», не рассчитывали на то, что русские его все равно отвергнут. Я посмеялся, прочитав это, но подумал: газета ведь права.

Поддавалась решению и проблема оперативно-тактических ракет. Мы — за их ликвидацию. Но что получалось? Приезжает в Москву (в апреле 1987 года) Дж. Шульц и начинает нас убеждать, что США должны иметь право «довооружиться» — обзавестись определенным количеством ракет этого класса, впредь до того, как Советский Союз их полностью ликвидирует. Какая-то немыслимая логика, логика наоборот! Мы ликвидируем выводимые из ГДР и ЧССР ракеты с меньшей дальностью, а затем готовы ликвидировать и остающиеся ракеты этого класса. И вот, когда мы делаем это предложение, в НАТО начинают ходить вокруг него, как кошка вокруг миски с горячей кашей. История повторяется.

Это, однако, нас не обескуражило. Обдумав ситуацию, которая сложилась весной и в начале лета 1987 года на переговорах в Женеве, и прислушавшись к голосу общественности — не только европейской, но и азиатской,— мы делаем еще один крупный шаг.

22 июля 1987 года от имени советского руководства я объявил о том, что СССР готов пойти на уничтожение всех своих ракет средней дальности также и в азиатской части страны, то есть снять вопрос о сохранении тех ста боеголовок на РСД, о которых договорились с президентом США в Рейкьявике и велась затем речь на женевских переговорах. При условии, конечно, что США сделают то же самое. Ликвидированы будут и оперативно-тактические ракеты. Словом, Советский Союз готов осуществить «глобальный двойной нуль».

С чистой совестью мы вправе сказать: Советский Союз сделал все от него зависящее, чтобы дать жизнь первому крупному соглашению о ликвидации не одного, а двух классов ядерных вооружений.

Но сколько барьеров возводилось и возводится, чтобы помешать договоренности. Через какой частокол преград приходится прорываться, с тем чтобы разум, здравый смысл взяли верх над ядерной манией.

Посудите сами, каково нам было слышать, когда мы согласились на два «нуля», что на территории ФРГ 72 ракеты «Першинг-1А» останутся и должно оставаться соответствующее число американских ядерных боеголовок к этим ракетам. Выходит, все побоку — и безъядерный статус ФРГ, и Договор о нераспространении ядерного оружия, и принцип равенства сторон. А если при такой конфигурации к нам обратятся ГДР, Чехословакия или Польша и попросят предоставить им противовес американо-западногерманскому ракетно-ядерному комплексу? Что же тогда — мириться с ситуацией, когда гонка вооружений, будучи перекрыта на одном направлении, потечет по новому руслу?

Я говорил госсекретарю США: неужели вы думаете, что мы так слабы, что готовы бесконечно ухаживать за вашей администрацией? Или вы считаете, что мы больше заинтересованы в развитии советско-американских отношений, а американской стороне, следовательно, можно ничего в этом направлении не делать? Если это так, то это иллюзия, иллюзия исключительно опасная. Говорю это прямо, без дипломатической упаковки.

Мир устал от напряженности. Люди с нетерпением ждали, когда появится шанс для оздоровления обстановки, уменьшения военной угрозы. Советский Союз пошел на беспрецедентные уступки, с тем чтобы такой шанс появился. Если бы этот шанс был упущен, то это наложило бы отпечаток на всю мировую политику.

Спрашивается, зачем, собственно говоря, нам, Советскому Союзу, торопиться в этих делах. Ведь ракет средней дальности мы должны ликвидировать больше, чем Запад, и по оперативно-тактическим ракетам сходная картина. Кто нас подгоняет? Нас торопило лишь одно — ясное осознание необходимости что-то предпринять, сделать какой-то реальный шаг, чтобы пусть медленно, пусть в зависимости от того, как будут складываться конкретные условия, но все-таки начался процесс разоружения.

Нужно искать на всех переговорах и форумах развязок острых проблем, и прежде всего — на женевских переговорах. Мы им уделяем огромное внимание. Я думаю, читателям теперь известно, что мы делали для того, чтобы там был прогресс.

И мы не хотим просто так вести переговоры. Кого-то устраивает в Америке — и это я должен искренне сказать,— чтобы просто значилось: переговоры идут. Нас это не устраивает. Хорошо, что переговоры идут. Но надо на них двигаться к чему-то, чтобы был прогресс, чтобы мы выходили на договоренности, чтобы в конце концов советский и американский народы, весь мир получили через женевские договоренности решение жгучих проблем, которое позволит снять ядерную угрозу, пойти по пути разоружения.

Вот к чему мы стремимся. Если переговоры используются как ширма, чтобы прикрыть продолжение всех военных программ и раскручивание военных бюджетов, тогда мы против, решительно против. Такой подход неприемлем.

Конечно, нелегко менять подходы, на которых в течение 50 лет строились отношения между Востоком и Западом. Но новое буквально стучится во все двери и окна. Мы, нынешнее поколение политических деятелей, должны к этому прислушаться. К сожалению, многие политики все еще находятся во власти старых комплексов и стереотипов.

Время выбора пришло. Все мы держим экзамен на добрую волю, на политическую смелость, на разум. Ясно, что успешное решение проблем, связанных с РСД и ОТР, будет иметь значение и важные последствия для всего процесса разоружения. Оно стало бы фактором доверия, которого так не хватает.

Естественно, что мы будем продолжать переговоры по стратегическим вооружениям, по их сокращению. Между США и СССР имеется примерное равенство, паритет в плане мощи и потенциала стратегических сил. С американской стороны я не раз слышал, что США видят особую угрозу со стороны наших МБР. Мы же с американской стороны видим большую угрозу БРПЛ, так как они менее уязвимы, также оснащены РГЧ, очень точны. Мы видим угрозу и со стороны

многочисленных военных баз, расположенных вокруг СССР. Тем не менее между нами существует стратегический паритет. Поэтому если сегодня в рамках нынешней структуры и количеств СНВ стратегический паритет обеспечивается, то при сокращении на 50 процентов баланс будет сохранен, но уже на более низком уровне. А это меняет ситуацию. Именно это я и предложил президенту Рейгану в Рейкьявике — сократить всю триаду и каждую ее часть наполовину. И это уже было бы крупнейшим достижением.

И конечно, необходимо строго придерживаться Договора по ПРО. Что же касается СОИ, то мы не возражаем против проведения исследовательских работ в рамках лабораторий, институтов, заводов-изготовителей, полигонов. Это наше предложение, по сути дела, учитывает те 5—8 позиций, которые имеются у Соединенных Штатов в рамках подхода к СОИ. И пусть специалисты сядут вместе, разберутся и определят, какие из компонентов можно выводить в космос, а какие нет. Наши компромиссные идеи дают хорошую возможность для развязки.

Советский Союз предпринял много шагов ради создания новой ситуации, новых возможностей для придания динамизма советско-американским отношениям, их улучшения. Ни одна из прежних администраций в последние десятилетия не имела таких шансов, чтобы что-то сделать для улучшения отношений с СССР. Ну и что? Да ничего! Кроме договоренности заключить соглашение по РСД—ОТР, пока ничего.

А время поджимает. Мы убеждены: либо придем к договоренностям, либо ничего не будет и останется лишь подбрасывать хворост в тлеющий огонь, чтобы советско-американские отношения совсем не погасли.

В нашей политике мы предприняли необходимые шаги с целью освобождения ее от идеологических предубеждений. И Западу нужно это сделать. В первую очередь отказаться от заблуждения, что Советскому Союзу разоружение нужно больше, чем Западу, что стоит на нас надавить, нажать, и мы откажемся от принципа равенства. Этого не будет никогда.

Посмотрите: все советские предложения, как бы тщательно их ни исследовали, предусматривают ра-

венство, баланс на всех этапах. Это касается ядерного оружия, обычных вооружений, химического оружия, касается любого географического района — Востока, Запада, Европы, Америки. Мы тщательно прорабатываем наши предложения и исходим из того, что ни одна страна в ущерб своей безопасности действовать не согласится. Движения вперед не будет.

Когда мы вносим свои предложения на переговорах, например на переговорах в Женеве, или в других местах, мы исходим из того, что если мы будем учитывать только интересы Советского Союза и не учитывать интересы партнера, то никакого договора не получится. К этому мы призываем и американскую сторону — относиться к нам так же. Ибо мы не допустим превосходства, не допустим ущемления своей безопасности. И не хотим нанести ущерб безопасности США. Если у обеих сторон будет такой подход, будет возможно самое решительное продвижение на всех направлениях советско-американского сотрудничества.

Конечно, мы можем подождать до следующей администрации. Но предпочли бы договориться уже с нынешней. У нас положено определенное начало, есть личные отношения, определенная мера понимания. Мы считаем очень важным создать нормальную атмосферу, в которой стало бы возможным сделать наконец шаг к договоренности. Но американская сторона то и дело спотыкается. Хуже того, каждый раз, когда мы делаем какой-то шаг навстречу Вашингтону, там активизируются силы противодействия, стремящиеся обременить дело, остановить намечающийся сдвиг.

Одним из примеров тому является история о подслушиваниях в посольствах. В разговоре с Дж. Шульцем я предложил ему «новую концепцию»: считать, что он и Шеварднадзе — как раз и есть «главные шпионы». А наши послы в Москве и в Вашингтоне — тоже «шпионы». Для того они и сидят на своих постах, чтобы правильно информировать о состоянии дел и о намерениях страны пребывания. И вся эта возня вокруг шпиономании в посольствах бессмысленна. Мы все основное знаем о США, и США о нас все основное знают. А на этот раз шпиономания была затеяна потому, что уже правилом стало: как только что-то намечается,

становится возможным что-то решить в наших отношениях, так сразу учиняется какой-то трюк, чтобы испортить дело.

Я знаю, строятся всякие домыслы относительно отношения советского руководства к президенту Р. Рейгану. У меня есть личные впечатления о президенте. Как-никак мы уже встречались дважды, беседовали по многу часов. У нас с президентом, я считаю, при всех трудностях идет серьезный диалог. Иногда мы говорим друг другу неприятные вещи, и даже публично об этом говорим, и остро говорим. Со своей стороны скажу: мы будем продолжать наши усилия. Будем искать сотрудничества, выхода на результативные переговоры с любым президентом, с любой администрацией, которую избирает американский народ. Это дело американцев — кого избирать: демократа, республиканца. Мы будем, повторяю, сотрудничать с той администрацией, которой доверяет руководство страной американский народ. И думаю, только так и надо поступать во всех случаях. И американской стороне надо так же поступать. Пусть американцы живут у себя в Америке так, как хотят, а мы будем жить в Советском Союзе, как мы хотим. И давайте не будем делить политических деятелей на любимых и нелюбимых, уважаемых и неуважаемых. Есть реальности, а с реальностями надо считаться, иначе политика превратится в импровизацию, в шараханье, в непредсказуемость. В политике вести дела так нельзя, тем более в отношениях между такими государствами, как Соединенные Штаты и Советский Союз. Дело это весьма серьезное.

Очень важно, чтобы и Советский Союз, и Соединенные Штаты исходили из убеждения: нам надо договариваться, мы обязаны научиться жить в мире.

Впереди и Советский Союз, и Соединенные Штаты ждет большая работа исторической важности. Порознь эту работу ни одна из наших стран осуществить не сможет. Я имею в виду проблему проблем наших дней — устранение угрозы гибели человечества в ядерной войне. Если эта работа будет вестись успешно, то можно предвидеть расцвет советско-американских отношений, можно сказать, «золотой век», который станет благом для СССР и США, для других стран, для всего мирового сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и пришло время поставить точку... Но еще несколько слов в заключение.

По моему глубокому убеждению, книга не закончена, да и не может быть закончена. Дописывать ее надлежит работой, действиями ради достижения тех целей, о которых я стремился откровенно рассказать на ее страницах.

Нам нелегко, непросто дается перестройка. Мы критически осмысливаем каждый свой шаг, проверяем себя практическими результатами, остро сознаем: то, что сегодня выглядит как приемлемое и достаточное, завтра может оказаться устаревшим. Такова логика процесса революционного обновления общества.

Прошедшие два с половиной года дали нам многое. Предстоящие годы, а может быть, и предстоящие месяцы будут отмечены новыми нестандартными шагами. В ходе перестройки мы углубляем и уточняем свои представления о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне социализма. Заново открываем самих себя. Это делалось и делается, как я уже говорил, не для того, чтобы поразить чье-то воображение, «понравиться», заслужить аплодисменты. Нами движут идеи Октября, идеи Ленина, интересы советского народа.

Мы верим, что ростки перестройки поднимутся и в международных отношениях, в том числе советско-американских. Освоение нового политического мышления — императив времени.

Велики опасности, грозящие человечеству. Элементов конфронтации сегодня хватает, но на наших глазах растут и множатся силы, желающие и способные ее остановить и преодолеть.

От подозрительности и вражды к доверию, от «равновесия страха» к равновесию разума и доброй воли, от узконационального эгоизма к сотрудничеству — вот к чему мы зовем, к чему направлены наши мирные инициативы, ради чего мы и дальше будем неустанно работать.

В мире растет тяга к взаимопониманию, взаимному общению. Она чувствуется и у политиков, крепнет в среде интеллигенции, представителей духовной культуры, в широких кругах населения. И если русское слово «перестройка» легко вошло в международный лексикон, то, наверное, не только из-за интереса к тому, что происходит в Советском Союзе. Сейчас весь мир нуждается в перестройке, то есть в прогрессивном развитии, в качественном изменении.

Люди это чувствуют, понимают. Они нуждаются в том, чтобы определиться, где они находятся, в понимании надвинувшихся на человечество проблем, в уяснении для себя, как жить дальше. Перестройка необходима миру, насыщенному ядерным оружием; миру, где есть серьезные экономические, экологические проблемы, где есть бедность, отсталость, болезни; человеческому роду, который вплотную столкнулся сегодня с необходимостью обеспечить себе выживание.

Все мы — ученики, а учитель — жизнь, время. Я верю: будет расти понимание, что в результате ПЕРЕСТРОЙКИ в широком смысле этого слова мир сблизится. Заслужив положительные оценки у главного учителя — жизни, мы войдем в XXI век подготовленными и уверенными в том, что прогресс продолжится.

Мы хотим, чтобы в этом грядущем веке свобода воцарилась в каждом уголке Земли. Мы хотим, чтобы мирное соревнование различных общественных систем развивалось нестесненно, чтобы оно поощряло взаимовыгодное сотрудничество, а не конфронтацию и гонку вооружений. Мы хотим, чтобы народ каждой страны пользовался достатком, был благополучен и счастлив. Путь к этому пролегает через движение к безъядерному, ненасильственному миру. Мы встали на этот путь и призываем встать на него другие народы и страны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михаил Сергеевич Горбачев
ПЕРЕСТРОЙКА
И НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ
ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ
И ДЛЯ ВСЕГО МИРА

Заведующий редакцией
А. В. Никольский
Редакторы
Е. М. Аветисян,
И. П. Башкирова,
В. В. Голоднов
Младшие редакторы
И. В. Коноплянникова,
Г. С. Пружинин
Художник
В. И. Терещенко
Художественный редактор
Е. А. Андрусенко
Технический редактор
Ю. А. Мухин

Фото ТАСС

ИБ № 8008

Подписано в печать с матриц 19.04.88. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,91. Уч.-изд. л. 14,02. Доп. тираж 200 000 экз. Заказ 3724. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

45 коп.

ПЕРЕСТРОЙКА:
ИСТОКИ, СУТЬ,
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ХАРАКТЕР

ПЕРЕСТРОЙКА
НАЧАЛАСЬ.
ПЕРВЫЕ ВЫВОДЫ

КАК МЫ ВИДИМ
СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

ПЕРЕСТРОЙКА
В СССР
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
МИР

«ТРЕТИЙ МИР»
В МЕЖДУНАРОДНОМ
СООБЩЕСТВЕ

ЕВРОПА
В СОВЕТСКОЙ
ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ

ПРОБЛЕМЫ
РАЗОРУЖЕНИЯ
И СОВЕТСКО-
АМЕРИКАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

Политиздат